

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 1 2021 (ЯНВАРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

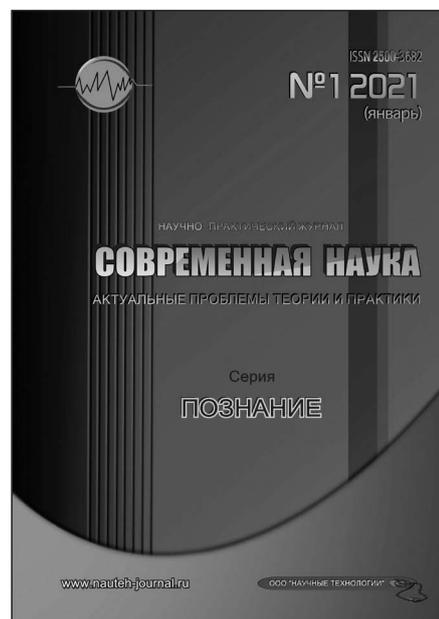
Подписано в печать 25.01.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 1 (январь) 2021 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

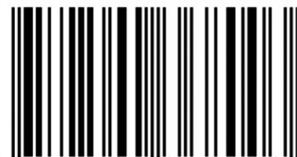
Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Кувайцев С.А.** – Репрезентация Великой Отечественной войны в Мультимедийном историческом парке «Россия - Моя история» г. Краснодар
Kuvaytsev S. – Representation of the Great Patriotic war in the Multimedia historical park "Russia – My history", Krasnodar 5
- Пожаров А.И.** – Новая модель визионерства в медиакультуре
Pozharov A. – A new model of visionary activity in media culture 11
- Сулимова О.Н.** – Влияние современной социокультурной среды на женскую преступность
Sulimova O. – Influence of the modern socio-cultural environment on women's crime 22

Психология

- Арбузова М.Г.** – Отношение общества к детям с проблемами в развитии
Arbuzova M. – Society attitude to children with developmental problems 25
- Бобровская Е.Ф.** – Пищевая аддикция и индивидуальные особенности личности
Bobrovskaya E. – Food addiction and individual personality traits 28
- Гинзбург Д.А.** – Подготовка экспертов системы высшего образования и повышение их квалификации
Ginzburg D. – Training of higher education system experts and improving their qualifications 32

- Иговская А.С., Ахметова В.В.** – Методы психологической коррекции эмоциональных состояний детей-сирот
Igovskaya A., Akhmetova V. – Methods of psychological correction of emotional States of orphaned children 36

- Мачуха А.М., Васильева О.С.** – Коучинг: краткая история и возможности
Machukha A., Vasilyeva O. – Coaching: a brief history and opportunities 39

- Распопин Е.В., Рябова М.Г., Шаламов В.В.** – Индивидуально-психологические факторы склонности к криминальному поведению и методы их изучения
Raspopin E., Ryabova M., Shalamov V. – Individual psychological factors of propensity to criminal behavior and methods of their study 46

- Семикова К.В.** – Психологические особенности людей, предрасположенных к паническим атакам и тревожным расстройствам
Semikova K. – Psychological characteristics of people predisposed to panic attacks and anxiety disorders 50

- Семилетова В.А.** – Изменение мощностных характеристик биоэлектрической активности мозга человека под влиянием спелеоклиматотерапии
Semiletova V. – Change of power characteristics of bioelectric activity of human brain under influence of speleoclimatotherapy 53

- Шадурко О.В.** – Методы управления познавательной деятельностью и пониманием младших школьников
Shadurko O. – Methods of management of cognitive activities and understanding of younger schoolchildren 60

Ядрищенская Т.В. – Корреляционные отношения показателей пространственно-временной организации мозга как реализация системного подхода в изучении психофизиологических процессов

Yadrischenskaya T. – Correlation relationships of spatial-time brain organization as a system approach in the study of psychophysiological processes 66

Философия

Ань Цюань – Понятие о счастье в студенческой среде китайских университетов как важный компонент организации духовно-нравственного воспитания в пространстве вуза

An Quanyi – The concept of happiness in the student environment of chinese universities as an important component of the organization of spiritual and moral education in the space of the university 70

Лолаев Т.П., Дряев А.Г. – Почему время в природе и обществе всегда настоящее

Lolaev T., Dryaev A. – Why time in nature and society is always present 74

Лукинова И.А. – Воспитание как первооснова социального бытия: сущность, структура и содержание

Lukinova I. – Education as the fundamental principle of social life: essence, structure and content. 80

Николаева Т.А. – Гендерная идентификация молодежи в современном социальном пространстве: философский аспект

Nikolaeva T. – Gender identification of young people in today's social space: the philosophical aspect full name 85

Сирин С.А. – Философский анализ структуры и форм правового нигилизма

Sirin S. – Philosophical analysis of the structure and forms of legal nihilism. 89

Сирин С.А. – Марксистская социальная философия и правовой нигилизм: опыт критического исследования

Sirin S. – Legal nihilism and Marxist social philosophy: a critical research experience 94

Скопа В.А. – Понимание человека в экзистенциальной философии Карла Ясперса

Skopa V. – Understanding of man in the existential philosophy of Karl Jaspers. 99

Соболева Е.А. – Построение модели музыкальной культуры в рамках системного подхода

Soboleva E. – Building a model of musical culture in the framework of a systematic approach. 102

Фетисова Е.Н. – Экзистенция Любви в текстах «русского» рока (экзистенциально-аксиологический анализ)

Fetisova E. – Existence of Love in the texts of «Russian» rock (existential-axiological analysis). 106

Храмова К.В., Садыкова З.Р., Мингазова Н.Р., Давлетшина Г.Р., Девяткина Р.И. –

Самопроблема смысла жизни и символическое бытие

Khratova K., Sadykova Z., Mingazova N., Davletshina G., Devyatkina R. – The self-problem of the meaning of life and symbolic being. 109

Информация

Наши авторы. Our Authors. 113

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 114

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В МУЛЬТИМЕДИЙНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПАРКЕ «РОССИЯ - МОЯ ИСТОРИЯ» Г. КРАСНОДАР

Кувайцев Сергей Александрович

*Аспирант, Краснодарский государственный институт
культуры и искусства
sergey-kuv@mail.ru*

REPRESENTATION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MULTIMEDIA HISTORICAL PARK "RUSSIA - MY HISTORY", KRASNODAR

S. Kuvaytsev

Summary: This year our country celebrates the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. More than 20 multimedia historical parks «Russia - my history» have already been opened in Russia. The article examines the factors of the communicative space of the exposition of the historical park, dedicated to the events of the Great Patriotic War of 1941-1945. The distinctive feature of the historical park of Krasnodar is considered: the presence in the multimedia park of an exposition with items representing the museum and historical value of the times of the Great Patriotic War on the territory of the Krasnodar Territory. In this article, the exposition part devoted to the events of the Great Patriotic War is held from two points of view, museum and exhibition and psycho-pedagogical, which led to general views on the phenomenon of communicative space and its theoretical foundations.

Keywords: communicative, space, socio-cultural, exposition, exhibit, multimedia, Great Patriotic war.

Аннотация: В этом году наша страна отмечает 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. В России открыты уже более 20-и Мультимедийных исторических парков «Россия - моя история». В статье рассматриваются факторы коммуникативного пространства экспозиции исторического парка, посвящённой событиям Великой Отечественной войны 1941-1945гг. Рассматривается отличительная особенность исторического парка Краснодар: наличие в мультимедийном парке экспозиции с предметами, представляющими музейно-историческую ценность времён Великой Отечественной войны на территории Краснодарского края. В данной статье экспозиционная часть, посвящённая событиям Великой Отечественной войны, проводится с двух точек зрения, музейно-выставочного и психо-педагогического, что привело к общим взглядам на феномен коммуникативного пространства и его теоретическим основам.

Ключевые слова: коммуникативный, пространство, социокультурный, экспозиция, экспонат, мультимедиа, Великая Отечественная война.

Объектом исследования данной статьи является коммуникативное пространство современного мультимедийного исторического парка «Россия – Моя история». Предметом исследования – отображение событий Великой отечественной войны в коммуникативном пространстве мультимедийного выставочного зала: экспозиция, экспонат, человек.

В настоящее время весьма активно ведётся работа по искажению событий и иных факторов всей Отечественной истории нашей страны, но особенно исторических событий, причин и следствий Великой Отечественной войны 1941-1945гг.

С целью противостояния искажению истории России и патриотического развития общества, с 2013 года в разных регионах России создаются Мультимедийные исторические парки. Как говорят сами организаторы: «Взгляд в прошлое, используя технологии будущего».

Ещё в конце XX века компьютерные технологии воспринимались как эффективный инструмент расширяю-

щий аналитические и документоведческие возможности человека. В рамках исторической науки появилась историческая информатика – направление, занимающееся применением компьютерных технологий в обработке информации исторических источников. Целью данного направления, еще именуемого e-History, стало получение нового исторического знания с помощью информационных технологий. В середине 2000-х гг. широкое распространение Интернета, а также «цифровой поворот» в развитии информационных технологий способствовали появлению цифровой истории (Digital History). Как отмечает исследовательница И.М. Гарскова, «за рубежом Digital History обычно связывают с применением цифровых инструментов и сервисов в задачах оцифровки, презентации и визуализации исторических источников, с развитием цифровой публичной истории» [18, с. 164]. И если на Западе со временем понятия e-History и Digital History стали взаимозаменяемыми [Там же, с. 126], то в отечественной гуманитаристике по поводу их содержания и соотношения развернулась оживленная дискуссия [11-13; 17; 41]. Ее итогом стало своеобразное признание

цифровой истории областью, в большей степени направленной на формирование цифровой инфраструктуры (оцифровка материалов в фондах библиотек, музеев и архивов) и развитие онлайн-интерактивных коммуникаций (историко-ориентированные тематические сайты), тогда как за исторической информатикой сохранялись задачи применения компьютерных технологий в историко-аналитических целях [10, с. 18].

Внедрение цифровой истории в традиционное музейное пространство осуществилось, прежде всего, с целью погрузить музейный предмет в реконструируемый с помощью мультимедийных технологий исторический контекст, а также восполнить пробелы в экспозиционном повествовании. Для этого в музейную экспозицию начали вводить электронные тацкрины с наглядно визуализированной историей экспонируемого объекта, 3D-модели артефактов, голографические и мультимедийные проекции, воссоздающие элементы исторического пространства, цифровые средства, отображающие дополненную реальность, и многое другое. Тем не менее цифровая история в музейной сфере остается лишь познавательным и привлекательным выставочным компонентом, носящим вспомогательный характер, и на данный момент многие специалисты отстаивают именно такое ее функциональное значение, поскольку непродуманное использование мультимедийных технологий влечет за собой множество рисков: от разрушения идейной целостности экспозиции до нивелирования значения ее аутентичных составляющих [5, с. 452; 6, с. 257; 19, с. 21; 39, с. 166].

По понятным причинам артефакт был и остается в центре внимания музея как отправная точка его научно-исследовательской, просветительской и культурной деятельности. В Краснодарском филиале стараются применять и музейные артефакты наряду с современными мультимедийными технологиями.

Довольно скоро стало понятно, что можно создать принципиально новое экспозиционное пространство, целиком выстроенное на применении цифровых и мультимедийных технологий. Пожалуй, первая серьезная попытка в этом направлении в России была предпринята при создании серии мультимедийных выставок «Россия – моя история», которые проходили в Манеже начиная с 2013 г. Устроители выставок – Синодальный отдел по культуре Русской православной церкви и Фонд гуманитарных проектов – решили показать всю российскую историю, разбив ее на четыре содержательных блока: прошлое страны во времена правлений двух династий – Рюриковичи и Романовы – и ключевые события XX – начала XXI века, для которых своеобразным водоразделом была выбрана Великая Победа 1945 г.

Несмотря на то, что мультимедийный проект «Россия

– моя история» существует непродолжительное время (в 2020 г. ему исполняется 7 лет), ему посвящено уже достаточно исследований, показывающих его образовательный и просветительский потенциал [7; 14; 20; 26; 34], а также рассматривающих его исторический контент с позиции современной политики памяти [15; 16; 27]. Тем не менее, до настоящего момента он никогда не исследовался как характерный представитель мультимедийной экспозиции, выстроенной по принципам Digital History, и, соответственно, теоретическая база по этому вопросу отсутствует. Дебютная выставка в рамках проекта «Россия – моя история», посвященная истории России в правление Романовых, была приурочена к 400-летию юбилею Дома Романовых [23; 28]. В обход хронологической логики исторического повествования она была создана и показана зрителю первой. Однако, несмотря на то, что в ней явно чувствовалась «проба пера», и перед зрителями предстали красочно оформленные отпечатанные коллажи с обозначением ключевых событий Романовского периода, стало понятно, что они носят скорее вспомогательную функцию как объект показа для экскурсоводов, основную же смысловую и репрезентативную нагрузку в экспозиции осуществляли тацкрины с дизайнерски оформленной исторической информацией и сенсорные панели с 3D-реконструкциями решающих сражений либо сведениями, касающимися истории науки и культуры. О безусловной востребованности такой экспозиционной подачи истории свидетельствовали многочисленные посетители выставки, которые «чтобы попасть в выставочный зал... были готовы стоять в очереди по несколько часов» [8].

Еще одним важным опытом первой мультимедийной выставки стало понимание ее отличия от привычного музейного формата. Если в центре музейного показа стоит исторический экспонат, то основой мультимедийной экспозиции являются историческое событие и его технологическое и дизайнерское оформление.

В 2015 году появился раздел «1914-1945: От великих потрясений к Великой Победе» [35] и годом позже «Россия – моя история. 1945-2016»

Например, уже во время создания «1914-1945: От великих потрясений к Великой Победе» авторы выставки практически полностью перевели экспозицию в мультимедийный формат, и на смену распечатанным статичным коллажам пришли видеопроекции с анимированным дизайном. Одновременно серьезно расширился спектр привлекаемых цифровых технологий: улучшилось графическое качество исторических реконструкций в формате 3D, появились книги с проецируемым анимированным содержанием, были созданы полусферические поверхности для показа трехмерных тематических панорам, широкое применение, преимущественно в историко-игровых целях, нашли плазменные панели и транс-

лируемые на горизонтальные поверхности сенсорные видеопроекции, были спроектированы кинопространства для показа фильмов, посвященных острым вопросам истории, и многое другое.

Научная-просветительская значимость такого рода исторических экспозиций довольно быстро стала очевидной, и фактически параллельно возникла идея собрать все выставочные части в едином пространстве. Тем не менее собранная в одном месте экспозиция сразу же обнаружила существенный недостаток, а именно неравнозначность содержания и технологического уровня ее ключевых частей, что было объяснимо, так как они создавались в разное время и ранее были нацелены не на постоянное экспонирование, а на кратковременное. Одновременно обозначились и безусловные достоинства представляемой в ней цифровой истории: это, с одной стороны, возможность сколько угодно расширять исторический контент и совершенствовать его технологическую и дизайнерскую репрезентацию, а с другой стороны, выстроенную исключительно на цифровых носителях экспозицию можно было довольно быстро и эффективно тиражировать. Благодаря первому качеству мультимедийный Исторический парк «Россия – моя история» стал единственной экспозицией в России, повествующей об ее истории от древнейшего периода до современности, благодаря второму из разового выставочного формата проекту удалось превратиться в общероссийский сетевой. Эти свойства мультимедийной экспозиции однозначно показали свое преимущество перед музейной, для которой музейный артефакт (будь то предмет старины или архитектурный объект) всегда являлся не только опорой для рассказа о прошлом, но и его естественным ограничителем. В условиях постоянного экспонирования новые задачи, возникшие перед «Россией – моей историей», прежде всего, касались восполнения существовавших пробелов в историческом содержании экспозиции, утверждения ее структуры в виде сочетания базовых и единично применяемых элементов, а также модернизации технологических и дизайнерских приемов показа истории.

Совокупность всех этих задач решалась не только исходя из внутренней необходимости обновления экспозиции, которая стала претендовать на серьезный научно-просветительский уровень подачи исторического знания, но и под влиянием внешней критики предшествующих ей временных выставок [21; 42]. Дело в том, что основой их исторического повествования ранее были так называемые реперные точки – выделенные путем жесткого отбора исторические факты, которые, по мнению организаторов выставки, должны были произвести на зрителя наиболее яркое содержательное и эмоциональное впечатление. Условия краткого экспонирования и большого потока посетителей оправдывали такой принцип выстраивания выставок. Тем не менее его

применение вызывало справедливую критику со стороны исторического сообщества, которое неоднократно указывало на неполноту и, соответственно, ущербность такого подхода в экспонировании истории.

Постоянная экспозиция с ее образовательными и просветительскими задачами требовала соответствующего уровня глубины исторического контента. Было принято решение не отказываться от принципа реперных точек, но, во-первых, расширить их набор, во-вторых, выстроить событийную историю с помощью «красных нитей» в виде истории внутри- и внешнеполитической, социальной, культурной и бытовой. Дабы избежать недосказанности в рассказе о прошлом в залы экспозиции были включены интерактивные хроноленты, которые содержали подробный перечень основных событий за данный период. Познавательным дополнением к главному повествованию шли интересные факты, а также картографические материалы и данные статистики. Проверить и дополнить свои познания в истории посетители могли с помощью викторин, оформленных как в виде сенсорных видеопроекций, так и на специальных инсталляционных площадках, внедренных в основную мультимедийную экспозицию.

Таким образом, определилась окончательная структура экспозиции. Основная информационная нагрузка ее контента ложилась на тачскрины, в которых содержались тексты и иллюстрации, дизайнерски оформленные в лендинги. Каждая из четырех частей экспозиции была разбита на залы по правлениям, которые включали базовые информационные блоки: ключевые политические события периода, сведения об истории культуры и быта, биографии выдающихся деятелей, хронографию, интересные факты и карты, отражающие историко-географические данные. В качестве дополнения к базовым блокам там, где это было наиболее актуально, добавлялась информация о социальной истории и истории идей. Те сведения прошлого, которые играли познавательно-развлекательную роль, были включены в экспозицию в формате 3D-моделей, интерактивных карт с применением ГИС-технологий, проекционных книг, кинофильмов и пространственных инсталляций с элементами мультимедийных технологий.

Открывшийся в Краснодаре 2018 года, ко дню народного единства, открылся очередной филиал сети парков - мультимедийный исторический парк «Россия – моя история», собрал в себе наряду с новейшими достижениями, данного бренда, так и недостатки, описанные выше и изложенные далее.

В Краснодарском филиале наряду с четырьмя экспозиционными залами предусмотрен зал для семинаров и конференций. Организаторами проводятся не только ознакомительные выставки, задействуя весь зал, посвя-

щённый тому или иному историческому периоду России, но и отдельные его экспозиции, посвященные той или иной знаменательной дате или теме школьной и вузовской программе с более подробным ознакомлением и обсуждением этой темы, что позволяет повысить эффективность и объективность изучаемого материала учащимся путём его разносторонней подачи информации.

В конференц-зале, который является несколько иным фактором коммуникативного пространства исторического парка, так же проводятся обсуждения самой выставки, встречи с историками, краеведами, как учащихся, так и простых жителей, а также научные дискуссии самих учёных и авторов книг и статей по истории России.

Экспозиционные залы и конференц-зал мультимедийной выставки так же требуют изучения эффективности взаимодействия и отдельного сосуществования данных объектов коммуникативного пространства в системе самого исторического мультимедийного парка, как объекта коммуникативного пространства и его взаимодействия с внешней средой региона Краснодарского края.

В статье рассматривается репрезентация исторических факторов Великой Отечественной войны в коммуникативном пространстве части экспозиции «От великих потрясений к великой победе» мультимедийного парка. События Великой Отечественной войны представлены в мультимедийном и предметно-экспозиционном формате, что выгодно его отличает от других 20-и аналогичных исторических парков в разных регионах России.

Экспозиция, посвящённая событиям Великой Отечественной войны, находится в разделе мультимедийного исторического парка, который называется: «От великих потрясений к великой победе»: от Сталинского социализма и ГУЛАГА посетитель проходит мимо витрины с экспонатами времён Великой Отечественной войны, откопанными поисковиками на полях сражений. В самих витринах находятся рядом и исторические предметы, и новоделы (сделанные в наше время). Рядом с предме-

тами так же представлены фотографии и краткая историческая справка к каждой фотографии. Предметы не подписаны и не пронумерованы. Над витриной висят цитаты Рузвельта, Черчилля об эффективности Советской армии в Великой Отечественной войне. Пройдя мимо этой экспозиции, посетитель входит в зал и слева видит предвоенную карту Европы по состоянию на 1940 год. По отношению к экспонатам в витрине идёт нарушение последовательной хронологии изложения исторических событий. Затем он видит раздел «Православная церковь в годы войны» (экран и тачскрин перед ним). Следом большой экран и тачскрин перед ним об основных исторических боях Великой Отечественной войны. На противоположной от него стороне экран с Лентой времени и раздел «Кубань в годы войны». Посередине зала стоит экран с реконструкцией 4 основных битв: «Оборона Москвы», «Сталинградская битва», «Курское сражение», «Взятие рейхстага». Все четыре битвы показаны кратко без исторических и стратегических подробностей. Выйдя из этого зала, посетитель попадает в кинозал, где может выбрать фильмы из 3 вариантов: довоенный период, СССР в годы войны и после, развал СССР и фильм о современной России. Затем идёт зал с викторинами: Кино в СССР, Космос в СССР, Кубановедение. Так же представлен тачскрин о том, как менялся быт (обстановка квартиры в СССР). Только после этого посетитель входит в зал, который знакомит с итогами Великой Отечественной войны, планами запада по развязыванию Третьей мировой войны и начало эпохи Холодной войны: создания блока НАТО и в противовес ему СССР создаёт Организацию Варшавского договора.

В итоге раздел, посвящённый Великой Отечественной войне мультимедийного исторического парка, нарушает с самого начала все хронологические и экспозиционные классические и общепринятые принципы организации коммуникативного пространства музейно-выставочного зала. Это затрудняет проведение экскурсий и пониманию цепи последовательности событий Великой Отечественной войны посетителем. К сожалению, это будет неизменным на всё время деятельности парка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авторы контента [Электронный ресурс] // Россия – Моя история. URL: <https://myhistorypark.ru/avtory-kontenta/> (дата обращения: 11.04.2020).
2. Алексеев В.В. Размышления над проектом «Россия – моя история» // Вопросы истории. 2018. № 11. С. 49-53.
3. Андрейчева М.Ю. Точка еще не поставлена // Историческая экспертиза. 2018. № 3 (16). С. 117-119.
4. «Без панегириков царям»: проект «Россия – моя история» защитили от критиков [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2017. 13 декабря. URL: <https://ria.ru/20171213/1510875369.html> (дата обращения: 11.04.2020).
5. Бережная М.А. Как не превратить музей в выставку достижений мультимедийных технологий // Время музея: сб. ст. Калининград: Аксиос, 2018. С. 451-463.
6. Бобров А.М. Применение мультимедиа в музейной экспозиции: нарастающий кризис или норма жизни // Естественнонаучные методы в цифровой гуманитарной среде: материалы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием (г. Пермь, 15-18 мая 2018 г.). Пермь: ПГНИУ, 2018. С. 256-259.
7. Болдырева Л.И. Значение мультимедийных парков в историческом образовании // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и

- инновации: сб. ст. XXI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и просвещение, 2018. С. 47-49.
8. Более 300 тысяч человек посетили выставку «Православная Русь. Романовы» [Электронный ресурс] // Православие.ru. 2013. 24 ноября. URL: <https://pravoslavie.ru/66078.html> (дата обращения: 11.04.2020).
 9. Бородкин Л.И. Виртуальные реконструкции исторической городской застройки: новые технологии презентации музейных экспозиций // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. М.: Этерна, 2015. С. 386-395.
 10. Бородкин Л.И. Digital history и историческая информатика: конвергенция или дивергенция? // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16-18 мая 2017 г.): в 2-х ч. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. Ч. 1. С. 15-19.
 11. Бородкин Л.И. Digital history или историческая информатика? // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2011. № 37. С. 17-21.
 12. Бородкин Л.И. Digital history: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия? // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. № 1 (1). С. 14-21.
 13. Бородкин Л.И., Гарскова И.М. Историческая информатика: перезагрузка? // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. № 2 (16). С. 5-11.
 14. Вагина Т.М. Нравственно-патриотическое воспитание в ДОУ посредством исторического проекта «Моя история – моя Россия» // Проблемы и перспективы развития образования: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). Пермь: Меркурий, 2015. С. 62-66.
 15. Вальдман И.А. Парк-музей «Россия – моя история» как опыт современной российской политики памяти // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2019. № 35. С. 97-103.
 16. Вальдман И.А., Красильникова Е.И., Наумов С.С. Исторический парк «Россия – моя история»: региональный контент versus идеология и смыслы основной экспозиции мультимедийного проекта // Преподаватель XXI век. 2019. № 3-2. С. 219-238.
 17. Володин А.Ю. «Цифровая история»: ремесло историка в цифровую эпоху [Электронный ресурс] // История: электрон. науч.-образоват. журн. 2015. Т. 6. Вып. 8 (41). URL: <https://history.jes.su/s207987840001228-9-1/> (дата обращения: 30.04.2020).
 18. Гарскова И.М. Историческая информатика: методологические и историографические аспекты развития: дисс. . . д. ист. н. М., 2018. 618 с.
 19. Глытина А.А., Пятков А.С. Внедрение мультимедийных технологий в среду музейных и выставочных пространств. Конфликты, концепции решений, перспективы развития // Новые идеи нового века: материалы Междунар. науч. конф.: в 3-х т. Хабаровск: Тихоокеан. гос. ун-т, 2017. Т. 3. С. 20-26.
 20. Давыдова М.Ю., Дьякова М.Г. Исторические парки «Россия – моя история» в образовательном процессе вуза // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (138). С. 90-94.
 21. Демуринов М.В. Наша история. XX век. Двойной стандарт [Электронный ресурс] // Regnum: информ. агентство. 2015. 19 ноября. URL: <https://regnum.ru/news/society/2016302.html> (дата обращения: 11.04.2020).
 22. Елисеев А. Прикосновение к эпохе. В Манеже открыта выставка «Россия – моя история. 1945-2016» [Электронный ресурс] // Церковный вестник. 2016. 9 ноября. URL: http://e-vestnik.ru/reports/rossiya_moya_istoriya_2016_9721/ (дата обращения: 11.04.2020).
 23. Ерахтина А. «Приблизить историю к человеку». Выставка «Романовы» глазами главных ее консультантов [Электронный ресурс] // Православие.ru. 2014. 17 февраля. URL: <https://pravoslavie.ru/68496.html> (дата обращения: 11.04.2020).
 24. Журавлев С.В. «Мы, историки, можем многое сделать, чтобы наладить диалог между людьми» [Электронный ресурс] // Историческая экспертиза. URL: https://istorex.ru/Novaya_stranitsa_30 (дата обращения: 11.04.2020).
 25. Исторический парк «Россия – моя история» [Электронный ресурс] // Фонд гуманитарных проектов. URL: <http://expohistory.ru/?page=content&id=172> (дата обращения: 11.04.2020).
 26. Каткова К.Ф. Социокультурная значимость проекта «Россия – моя история» // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 1 (38). С. 114-118.
 27. Красильникова Е.И., Вальдман И.А. Практики политики памяти: парк-музей «Россия – моя история» в системе институциональных противоречий // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 72-82.
 28. Краснова В. Романовы: империя верных [Электронный ресурс] // Эксперт. 2014. 13 января. URL: <https://expert.ru/expert/2014/03/romanovyi-imperiya-vernyih/?n=5566> (дата обращения: 11.04.2020).
 29. Менделеева Д. Рюриковичи. Прогулка по выставке [Электронный ресурс] // Правмир. 2014. 5 ноября. URL: <https://www.pravmir.ru/patriotichno-masshtabno-interaktivno/> (дата обращения: 11.04.2020).
 30. Митраков К.В. Духовно-нравственные аспекты экспозиций мультимедийного исторического парка «Россия – моя история» // VII Сильвестровские педагогические чтения. Духовность и нравственность в образовательном пространстве – фундамент будущего России: материалы Всерос. науч. конф. СПб.: Амфора, 2018. С. 89-95.
 31. Мосин А.Г. «Моя история» или «Моя мифология» // Историческая экспертиза. 2018. № 1 (14). С. 82-92.
 32. Москвитин А. Епископ Егорьевский Тихон: «Академическая наука – огромная поддержка и помощь для нас» [Электронный ресурс] // Православие.ru. 2016. 12 ноября. URL: <https://pravoslavie.ru/98572.html> (дата обращения: 11.04.2020).
 33. Обращение Вольного исторического общества к министру образования и науки Российской Федерации О.Ю. Васильевой [Электронный ресурс] // Вольное историческое общество. 2017. 7 декабря. URL: <https://volistob.ru/vio-news/obrashchenie-volnogo-istoricheskogo-obshchestva-k-ministru-obrazovaniya-i-nauki-rossiyskoy> (дата обращения: 11.04.2020).
 34. Перевальская С.В. Использование ресурсов интерактивного парка «Россия – моя история» в образовательном процессе по учебной дисциплине «История» // Наука и образование: новое время. 2018. № 5 (28). С. 600-604.
 35. Пресс-конференция организаторов выставки «1914-1945: От великих потрясений к Великой Победе» [Электронный ресурс] // Православие.ru. 2015. 27 октября. URL: <https://pravoslavie.ru/87166.html> (дата обращения: 11.04.2020).
 36. Прокопьев А.А. Другой взгляд на экспозицию в Екатеринбурге. «Россия – моя история»: не так страшен парк, как его малюют // Историческая экспертиза.

- за. 2018. № 1 (14). С. 93-102.
37. Пчелов Е. В. Рюриковичи на Манеже // Троицкий вариант – Наука. 2014. № 169
38. Россия – моя история [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Россия_—_моя_история (дата обращения: 11.04.2020).
39. Сазанов А.В. Археологические музеи-заповедники и медиа-технологии: условия и степень применимости на памятниках ЮНЕСКО (зарубежный опыт) // Уваровские Таврические чтения IV «Древности Юга России»: материалы Междунар. науч. конф. (12-15 сентября 2019 г.) / Гос. историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь, 2019. С. 165-177.
40. Селин А.А. О выставках в историческом парке «Россия – моя история» в Санкт-Петербурге // Историческая экспертиза. 2018. № 1 (14). С. 59-77.
41. Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities / пер. с англ. Е.А. Лубанец, ред. перевода И.М. Гарскова // Историческая информатика. 2012. № 1 (1). С. 5-13.
42. Ходнев С. Выставка «Православная Русь. Романовы» в Манеже [Электронный ресурс] // Коммерсантъ Weekend. 2013. 20 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2369518> (дата обращения: 30.04.2020).
43. Шнирельман В.А. История России для народа: выставки в московском Манеже в 2013–2016 гг. // Историческая экспертиза. 2018. № 3 (16). С. 92-116.
-

© Кувайцев Сергей Александрович (sergey-kuv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОВАЯ МОДЕЛЬ ВИЗИОНЕРСТВА В МЕДИАКУЛЬТУРЕ

Пожаров Алексей Игоревич

Канд. культурологии, член Российского Музыкального Союза, доцент, Институт кино и телевидения (ГИТР)
Soundman.alex@gmail.com

A NEW MODEL OF VISIONARY ACTIVITY IN MEDIA CULTURE

A. Pozharov

Summary: The article analyzes the media popularity of eco-activist Greta Thunberg as a cultural phenomenon based on the traditional Christian archetype of visionary children. The historical analogies of the phenomenon are considered, its structural scheme is revealed, and a brief scientific assessment of the concept of visionary is given. What makes Greta Thunberg different from other visionary children known in Western European history? What are the cultural trends of modern society indicated by the phenomenon of its popularity?

Keywords: semiotics, Greta Thunberg, visionary, cultural studies.

Аннотация: В статье проводится анализ медийной популярности экоактивистки Греты Тунберг как культурного феномена, базирующегося на традиционном христианском архетипе детей-визионеров. Рассмотрены исторические аналогии феномена, выявлена его структурная схема и дана краткая научная оценка понятию визионерства. Что принципиально отличает Грету Тунберг от других известных в западноевропейской истории детей-визионеров? На какие культурные тенденции современного общества указывает феномен ее популярности?

Ключевые слова: семиотика, Грета Тунберг, визионерство, культурология.

11 февраля 1858 года Бернадетта Субиру, четырнадцатилетняя французская девочка, собирала хворост у маленького грота неподалеку от Лурда, когда увидела необъяснимое свечение, из которого выступила небольшая фигура женщины в бело-голубом одеянии, которую девочка назвала «барышней». На протяжении нескольких месяцев Бернадетта приходила к гроту.

Сначала видение было безмолвным, но затем женщина начала говорить о покаянии, необходимости молитвы за грешников, описывала лежащий во грехе мир и повелела построить в месте её явления часовню. «*Je ne vous promets pas de vous rendre heureuse en ce monde, mais dans l'autre*» (Я не обещаю сделать вас счастливыми в этом мире, но это будет в другом). Мы знаем мир насилия, обмана, хрупкости и бизнеса от войны, но мы также знаем мир благотворительности, солидарности,

справедливости. Когда Иисус в Евангелии призывает нас обнаружить Царство Небесное, он приглашает нас открыть для себя мир как он есть и «другой мир». Там, где есть любовь, Бог присутствует. [6] Призыв к покаянию был услышан - к шестому видению в грот вместе с девочкой приходит около ста крестьян из окрестных селений. В первой статье, появившейся в местной газете, говорилось о «девочке, по всем признакам, подверженной каталепсии, будоражащей любопытство лурдского населения». Со всех сторон ей запрещали возвращаться в грот – к счастью, эти запреты были отменены, когда, – как пишет А. Сикари, – к чуду «проявили любопытство некоторые влиятельные лица» [9, с. 168] из числа высшего духовенства. На девятом видении Бернадетта, выполняя аскезу по приказу женщины, пьет грязную воду в углу грота и ест растущую там траву. На следую-

Рис. 1. Бернадетта Субиру

щее явление на этом месте появится родник. После неоднократных просьб назваться, на одиннадцатом видении женщина говорит, что она – «Непорочное зачатие», а к пятнадцатому за Бернадеттой следует 8 тысяч человек, - впрочем, видит женщину и разговаривает с ней по-прежнему только Бернадетта, которая истово молится, временами впадая в экстаз.

На видения реагирует государственная машина: Бернадетту вызывают в полицию и к местным священникам, которые пытаются доказать вымышленность явлений Богородицы. *Власти грозят ей тюрьмой, устраивают ей многочасовые допросы, стремясь сбить ее с толку и добиться от нее признания в том, что она солгала; ей читают фальсифицированные протоколы допросов, которые Бернадетта шаг за шагом исправляет, ни разу не спутавшись и не уступив* [9, с. 170]

К последнему же, восемнадцатому явлению полиция оцепляет грот и запрещает туда доступ всем, включая визионерку, и ей приходится молиться перед гротом. Начинается длительное расследование, сначала медики склоняются к версии душевной болезни визионерки, а местное священство недоумевает, отчего видение говорило с Бернадеттой по-окситански. Однако, параллельно с ростом паломников и популярности Лурда, высокопоставленные клирики начинают видеть в явлениях несомненное чудо: как могла необразованная крестьянская девочка назвать появившуюся женщину «Непорочным зачатием», если соответствующий догмат был принят Святейшим Престолом только за четыре года до первого видения?

Бернадетта же со своей стороны настаивает, что она лишь передает волю Небес людям, при этом не пред-

ставляя сама из себя ничего значительного: *Я не имела никакого права на эту милость. Пресвятая Дева взяла меня, как поднимают камушек с дороги... Если Пресвятая Дева избрала меня, то это потому, что я была самой невежественной. Если бы она нашла какую-нибудь ещё более невежественную, чем я, она избрала бы ее.* [9, с. 165]

Папская комиссия признаёт явления Богородицы в Лурде подлинными, Бернадетта заканчивает жизнь в монастыре, а через 30 лет будет беатифицирована, причем тело ее при эксгумации будет найдено нетленным. На месте видений построен огромный комплекс, который ежегодно посещают миллионы паломников, получающих исцеление.

В мае 1917 года семилетние португальские крестьянки Лусия душ Сантуш, Франшишку и Жасинта Марту пасли овец в местности, называвшейся Кова-да-Ирия, и их *«взорам предстала на скальном дубе Дама, одетая вся в белое и сиявшая ярче солнца».* [9, с. 186] Дама попросила детей приходиться на это место в течение шести последующих месяцев каждого 13го числа, в это же самое время. Лусия, Франшишку и Жасинта послушались, и в каждое из появлений Дама говорила о необходимости покаяния и о неисчислимых бедствиях, грозящих миру: *«Превратите все, что можете, в жертву, чтобы искупить грехи (...) во имя Христа, Которого так страшно оскорбляют неблагодарные люди, (...) и принесите ее как просьбу за обращение грешников».* [9, с. 85]

13 августа дети не смогли посетить назначенное место, так как были задержаны и допрошены полицией по настоятельному требованию правительства Португалии. Детей запирают в участке, где их пытались заставить от-

Рис. 2. Фатимские дети

казаться от своих свидетельств, но дети стояли на своем. Общественное мнение, опираясь на высказывания медиков и священства, относилось к видениям визионеров из бедных, неблагополучных семей к бреду умственно отсталых, малограмотных детей. 13 октября в долине Фатимы собралось около 70 тысяч человек, читающих по четкам молитвы.

По свидетельству собравшихся, они стали свидетелями явления, которое впоследствии получило название «танец солнца» и было описано даже в антиклерикальной прессе: *Солнце было похоже на тусклый серебряный диск, что позволяло смотреть прямо на него без боли в глазах. Оно не сжигало глаза. Оно не ослепляло их. Некоторым даже казалось, что началось солнечное затмение. Толпа взорвалась необъятным криком, и тот, кто находился внутри самой толпы слышал выкрики: "Чудо! Чудо! Знамение!...Знамение!..."* [17, с. 296]

Популярность Фатимы была столь высока, что 8 июля 1924 года Лусия дает показания специальной диоцезной канонической комиссии, назначенной епископом Лейрийским Жозе Алвешем Коррейа да Силва. По завершении этого процесса, епископ Лейрийский в своем пастырском послании от 13 октября 1930 года относительно культа Пресвятой Девы Марии Фатимской объявил, что «видения детей, имевшие место в Кова-да-Ирия, приход Фатимы в этом диоцезе, заслуживают доверия» [25, с 123-146]

Лусия, единственная визионерка, с которой по ее словам говорила Дама, до конца своей долгой жизни говорила о себе, как о немощном орудии в руках Божьих: *Я также не чувствовала совсем здоровыми мое сердце и глаза и др., но необходимо завершить в самой себе недостающее в Страданиях Христа. Необходимо, чтобы члены Нашего Господа были одно с Ним, как через физическую боль, так и через духовные страдания... Наш бедный Господь, Который спас нас с такой любовью, и как мало Он понят! Как мало любим! Как скверно Ему служат!* [23]

Я должна благодарить Господа за содействие Его Божественного Духа, потому что чувствую, что Он сообщает мне, что нужно написать или сказать. Если иногда сила моего воображения или же мой ум хотят мне что-то сообщить, то я сразу чувствую, что не хватает Божественного Духа, и жду, пока не почувствую в глубине своей души, что хочет сказать Господь [9, с. 146].

Сейчас признанные католической церковью Фатимские предсказания делятся на три основных: видение Ада и мучений грешников, необходимость покаяния и посвящения русского народа и России Богородице, (впрочем, визионерка записала его в 1924, а обнародовала только в 1929 году, что прекрасно вписывалось

в различные пропагандистские компании против СССР, хотя утверждала, что видение было ей даровано летом 1917, то есть когда Россия еще не отторгла веру) и третья, содержащая апокалиптические видения конца света и преданная гласности только в 2000 году: *Святейший Отец прошёл через большой город, наполовину в руинах, наполовину содрогающийся. Он шёл останавливаясь, страдая от боли и горя и молясь за души тех, трупы которых он встречал на своём пути. Достигнув вершины горы, на коленях у подножия Креста он был убит группой солдат, которые стреляли в него пулями и стрелами. И таким же образом там умерли один за другим другие епископы, священники и верующие мужчины и женщины, и различные миряне разных чинов и сословий* [7].

На месте явлений Дамы, которую стали отождествлять с Богородицей [25], построен поистине грандиозный комплекс, включающий храмы, огромный конференц-зал, и принимающий миллионы паломников.

20 августа 2018 года шведская школьница Грета Тунберг, озабоченная проблемой глобального потепления из-за выбросов парникового газа, решила не ходить в школу по пятницам и начала выходить с одиночными пикетами к зданию шведского парламента с плакатом «Школьная забастовка за климат» и раздавать прохожим листовки. *Вы говорите, что жизнь не чёрно-белая. Но это ложь. Либо мы предотвратим 1,5 °C потепления, либо нет. Мы или избежим возникновения этой необратимой цепной реакции вне человеческого контроля, или нет... Я хочу, чтобы вы вели себя так, как будто наш дом горит. Потому что как раз это сейчас происходит. <...> Я не хочу, чтобы вы надеялись. Я хочу, чтобы вы запаниковали. Я хочу, чтобы вы почувствовали страх, который я чувствую каждый день. А потом я хочу, чтобы вы начали действовать* [24].

7 сентября она объявила, что продолжит бастовать каждую пятницу, пока Швеция не начнет соблюдать Парижское соглашение. Фигура Греты, дочери популярной певицы а по совместительству – диаконессы лютеранской церкви, и Сванте Тунберга известного актера (и, внезапно, правнука знаменитого шведского ученого Сванте Аррениуса, открывшего парниковый эффект в 1896 году) [11], сразу же начинает активно освещаться в медиа. По свидетельству мамы Греты, девочка с детства обладала уникальными визионерскими способностями: *Грета принадлежит к тому малому числу людей, что могут видеть углекислый газ невооруженным глазом. Она видела как парниковые газы потоками вытекают из наших печных труб, парят, поднимаясь вверх с ветрами, и преображают атмосферу в гигантскую невидимую свалку* [11.].

В Швеции практически моментально появляется движение «Школьная забастовка за климат» (швед. Skolstrejk

Рис. 3. Грета Тунберг у здания парламента

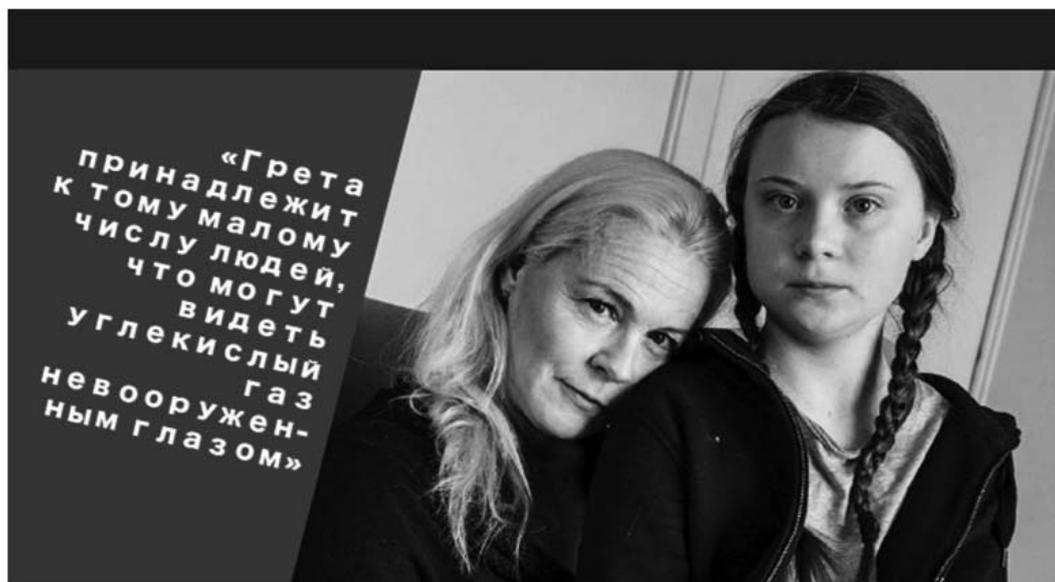

Рис. 4. Грета Тунберг с мамой

för klimatet), получающее мировое распространение под названием «Пятницы ради будущего» (англ. Fridays For Future, FFF). Через три месяца после появления Греты у здания парламента, в декабре 2018 года, во время Конференции ООН об изменении климата организованные студенческие и школьные забастовки в поддержку климатических требований проходят в 270 городах в Австралии, Австрии, Бельгии, Канаде, Голландии, Германии, Финляндии, Японии, Швейцарии, Англии и США [18]. Во время этих выступлений Грета встретила с генсеком ООН Антониу Гуттерришем, который одобрил забастовки, сказав: «Моему поколению не удалось должным образом отреагировать на серьезную проблему изменения климата. Это было принято близко к сердцу молодёжью. Неудивительно, что они разозлены» [21].

В январе 2019 года Тунберг выступила на Давосском форуме, а в апреле 2019 года встретила с Папой Римским и получила его благословение: «Храни тебя Господь. Продолжай делать то, что делаешь. Иди вперед!» [12], – так отреагировал Папа Франциск на деятельность Греты.

20 сентября 2019 года на демонстрации в поддержку деятельности Тунберг по всему миру одновременно выходит до шести миллионов человек, а 23 сентября Грета выступает на саммите ООН по климату со ставшей знаменитой обвинительной речью, в которой обрушивается на мировые правительства, обвиняя их в равнодушии к экологическим проблемам и в том, что они «украли у детей будущее».

Рис. 5. Манифестации по всему миру

Рис. 6. Папа Франциск и Грета Тунберг

У Греты еще в возрасте 8 лет был выявлен ряд психических отклонений, таких как синдром Аспергера, обсессивно-компульсивное расстройство и селективный мутизм. Тунберг уверена, что она является исключительным человеком, наделенным особыми способностями: *Я говорю только когда считаю это необходимым, и сейчас – такой момент [20]. Я обладаю даром видеть мир не таким, как остальные люди [22].*

Мало какая медийная личность становится столь популярной и вызывает столько неоднозначных оценок, сколько Грета. Она встречается практически со всеми ведущими политиками современности.

Трамп и Путин дают ей оценки, которые Грета дела-

ет названием своего канала в Twitter, одна из них, принадлежащая нашему Президенту, вынесена в заглавие статьи. Робкие отдельные попытки публично выразить несогласие с деятельностью Греты немедленно подвергаются резкой критике в публичном поле: министр экологии Бельгии Жюке Шовигле назвала климатические демонстрации школьников провокациями извне, что привело к скандалу — бельгийские спецслужбы заявили, что не сообщали ничего подобного, после чего Шовигле объявила о своей отставке [19].

Грета выдвигается на Нобелевскую премию мира, а в ожидании её становится лауреатом международной премии Right Livelihood Award, которую называют альтернативной Нобелевской: «Мы удостоили такой чести

Рис. 7. Министр экологии Бельгии Жокэ Шовигле

Рис. 8. Премия Right Livelihood Award

четверых визионеров, чья практическая деятельность позволяет миллионам людей защищать их фундаментальные права и бороться за достойное будущее на этой планете», – заявило жюри [1].

Абсолютным признанием Греты как современной медиаиконы стало объявление её журналом TIME человеком года.

В то же время в сетевом пространстве часто встречаются высказывания людей (не обличенных властью), скептически оценивающих деятельность Тунберг и её фонда.

Моя итальянская корреспондент, выходец из бывше-

го СССР, пишет в удаленном посте в комьюнити «Русская Италия»: *Это хуже, чем брежневского времени шестивия на 7 ноября. Во всём Турине отменены занятия в школах и университетах, детям раздают экологические транспаранты и автобусами вывозят на демонстрации. Вся полиция на охране, движение перекрыто, жизнь в городе остановилась. Ей отвечают: «У нас в городе детям дали задание написать сочинение о важности экологии и приложить к нему список химических средств для ведения хозяйства, имеющихся в доме. Павлик Морозов жив!»*

Не обходится, конечно, без конспирологических теорий, склонных связывать феномен популярности Греты с интересами крупных финансовых кланов. В нашу задачу

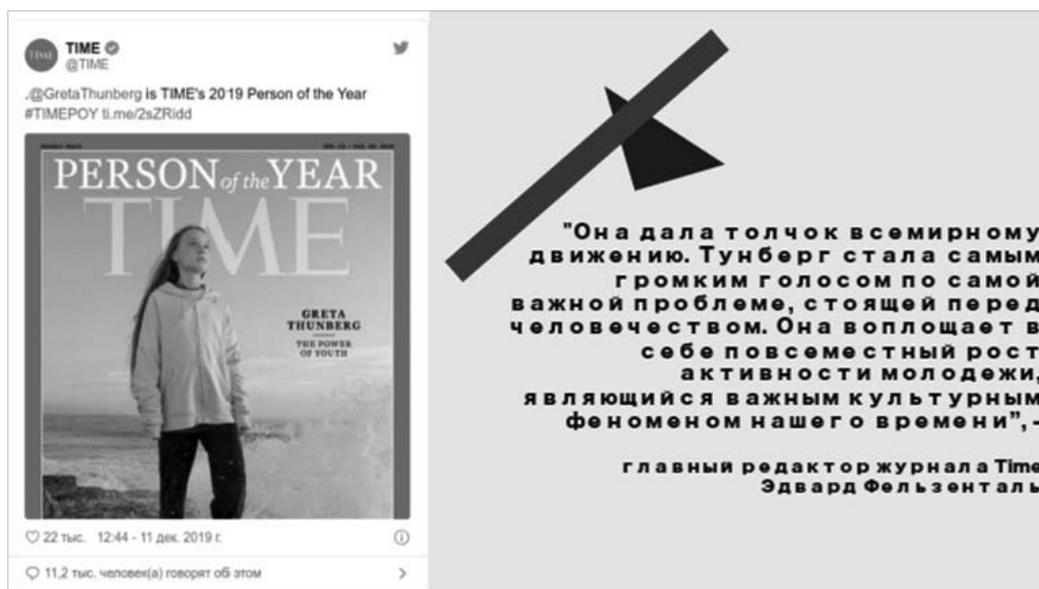

Рис. 9. Грета Тунберг на обложке журнала «Time»

Рис. 10. Карикатура – Грета Тунберг и Ротшильд

не входит анализ предположений «кто стоит за Гретой Тунберг», нас интересует только резонансность её деятельности в контексте трансформации архетипа детского визионерства.

Визионерство как явление связано с развитием духовной культуры человечества, которая задает ему определенные культурно-исторические смыслы. Традиционно визионерство рассматривалось либо как патологическое психофизическое состояние, связанное с определенными девиациями, либо как специфический религиозный либо художественный феномен, который относили либо к мистике, либо к области фантазии, способности «возникновения образа из призраков души^[1]» [16, с.6].

Существует некоторое количество феноменологических концепций, которые описывают визионерство, оделяя его от других, сходных с ним феноменов, исходя из воздействий на медиума социокультурных факторов. Одним из первых авторов, рассматривавших визионерство в форме философской рефлексии был писатель и философ Олдос Леонард Хаксли, посвятивший этой проблеме эссе «Двери восприятия» (1954) и «Рай и ад» (1956)

Еще одним из аспектов исследования визионерства является его определение, как пограничной формы восприятия, поэтому его часто рассматривали в работах, посвященных исследованиям изменённого сознания такие исследователи от отца трансперсональной психологии С. Гроф, до ряда современных исследователей-неопози-

Рис. 11. Олдос Хаксли

Рис. 12. Апокалиптические ожидания

тивистов (Дж. Д. Льюис-Уильямс, Т. Доусон, Р. К. Сигель, М. Е. Джарвик, Д. Дронфилд и др.) Эти исследователи полагали, что визионерство стоит подразделять на немедикаментозно инспирированное, к которому относятся врожденная способность медиума, редкие спонтанные проявления визионерства; гипноз или аутоусугестия; болезнь или сильная усталость; сенсорная изоляция; пост, аскетические практики самоистязания - «наложенное на самих себя наказание может оказаться дверью в рай» [13, с. 106], и медикаментозное (употребление психоактивных веществ). Для этой школы характерно относить визионерство к психиатрической симптоматике: «как симптомы серьезных психических заболеваний, хотя и не имеется адекватного медицинского объяснения и лабораторных данных, подтверждающих такую позицию». [2. - С. 233]

В любом случае, как пишет Хаксли, все эти практики «понижая эффективность мозга как редуционного клапана», дают возможность выйти за рамки «мира моральных суждений и утилитарных соображений», позволяя «узреть... внешний и внутренний миры не такими, какими они кажутся животному, одержимому выживанием, или человеку, одержимому словами и понятиями, а какими они постигаются непосредственно и, безусловно, Всем Разумом - этот опыт неоценимо драгоценен для всех (и в особенности - для интеллектуалов)» [13, с. 88], поскольку «стремление превзойти себя, свою само-сознающую самость хотя бы на несколько мгновений есть и всегда было одним из основных аппетитов души» [13, с. 74].

Акцентуации визионерства могут быть как беатифи-

ческими (блаженными), так и inferнальными, и во втором случае для визионера характерны видения картин совершенно непереносимых, невозможных: «все, начинающаяся звездами в небе и кончая пылью под ногами, невыразимо зловеще и отталкивающе. Каждое событие наполнено неким ненавистным значением, каждый предмет являет присутствие Непреходящего Ужаса - бесконечного, всесильного и вечного» [13, с. 161].

Однако, несмотря на то, что вышеперечисленные авторы, давая отличную классификацию и описания визионерства, описывают его практически исключительно в позитивистском ключе, находя источник видений в разных образах усиленных переживаний индивидуальных особенностей психофизиологии медиума, и практически не рассматривают социокультурную обусловленность направленности визионерского опыта, их работы подводят к выводу, что конкретизация визионерских переживаний направляется внефизиологическими факторами. Прежде всего, об этом свидетельствует то обстоятельство, отмечаемое всеми исследователями, что *визионерский опыт приобретается в результате целенаправленных действий, ему можно обучить, а также закрепить и воспроизвести в специальных культурных практиках* [10, с. 29].

В свою очередь, авторы, рассматривавшие визионерство как культурный феномен, от классических трудов М. Элиаде до современности (Д. Угринович, Э. Маккена, А. Сухов) неизменно выделяют в них дидактическую функцию, подчеркивая, что видения медиумов всегда были *просто последующим обогащением существующих фольклорных легенд, которые в итоге вошли в рамки традиционной <...> мифологии* [15, с.17].

Если рассматривать традиции европейского визионерства, то можно утверждать, что оно делится на религиозное и художественное, в зависимости от отношения медиума к собственной субъектности и от способа репрезентации видений. В традиционном религиозном визионерстве главным является суть послания, его содержание, в художественном – скорее форма, при этом в первом случае медиум склонен ощущать отсутствие творческого, порождающего начала в себе, а во втором напротив, подчеркивать значимость собственных усилий.

Религиозное визионерство стоит рассматривать, как культурную практику, отвечающую за связь материального и духовного миров, дающую возможность разрешения глобальных эсхатологических вопросов. *Эта связь дает представление человеку о его месте в мире, его посмертном существовании, она настолько важна для него, что ее переживанию придается сверхзначимость. В религиозно-мифологических системах визионерская реальность обладает онтологическим статусом, пред-*

стает как несомненная бытийная достоверность, иначе говоря, как объективная реальность [10, с. 87].

В художественном визионерстве место потустороннего инспирирования занимает сам художник, который занимает место Бога, и *творит согласно содержащимся в нем идеям*[4]. При этом результат деятельности художника никогда не претендует на подлинную достоверность, он – отражение, репрезентативная форма существования идеи.

В новейшую эпоху дабл-пост мы имеем дело со сложными процессами синергетического сосуществования художественной и религиозной формы визионерства, что идеально проявляется в рассмотренном примере всемирной популярности Греты Тунберг, как медиаконя и культурного феномена. С одной стороны, как мы могли убедиться, и апокалиптическая суть видений, и грехи человечества, как причина катастрофической ситуации в настоящем и предстоящей окончательной катастрофы, и необходимость покаяния и деятельного исправления, как возможность избежать полной гибели планеты вполне традиционны и буквально повторяют рассмотренные нами примеры предшественниц Греты. Сама фигура девочки-медиума однозначно транслирует религиозный архетип невинного ребенка-визионера, столь характерный для западноевропейского христианоцентричного культурного поля (заметим, уже неоднократно использовавшийся в различных политических и экономических целях в новейшее время), базирующийся на библейском «из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу».

С другой стороны, в высказываниях Греты мы видим вполне модернистские амбиции художника. Её неоднократное подчеркивание собственной исключительности, инаковости, несомненно указывает на претензии к постулированию истинности ее идей, даже в том случае, если они не базируются на солидном научно-экспертном основании. «Болезнь сделала меня другой, и я считаю, что быть не такой, как все, — это дар. Это помогает мне взглянуть на вещи под другим углом. Меня трудно обмануть, я вижу вещи в истинном свете. Изю дня в день люди слушают меня [3].

Это звучит вполне в соответствии с современной существующей идеей о приоритете ценности мнения над ценностью знания, существующей внутри общезападной парадигмы тотального диктата толерантности. Её деятельность не может быть «оценена и исправлена другими экспертами» [5, с. 66], поскольку фигура Греты, и так вызывающая доверие как архетип ребенка-визионера, дополнительно защищена правилами «игры в толерантность», предписывающими безусловное уважение к публичным людям с теми или иными формами неполноценности. Также в деятельности Тунберг прослеживаются традиции перформативного акционного искусства,

Рис. 13. Грета Тунберг - что ждет нас в будущем?

стремления к агрессивному преобразованию мира через художественную деятельность. В этом же русле лежит отождествление Греты себя, как медиума не с гласом Божиим (что, казалось, было бы естественно для дочери религиозных родителей) но с голосом поколения. Табуированность публичного упоминания идеи Бога есть еще одно из правил диктатуры толерантности: выбор одной из религиозных систем автоматически делает исповедующего её оратора противостоящим другим, а Грета хочет обращаться как можно к большему количеству слушателей. Впрочем, отдельные религиозные деятели готовы признать Грету гласом Божиим: так, лютеранская церковь в районе Лимхамн шведского города Мальмё объявила: «Иисус избрал Грету Тунберг в свои преемники». [14]

Таким образом, визионерство Греты Тунберг вполне

можно охарактеризовать как симулякр, как функционирование привычного религиозного архетипа без содержания. Каково будущее у этого феномена? Скорее всего, быстрое забвение, когда мейнстрим медиаинтереса переключится на другую проблему. Кто сейчас вспоминает Северн Сузуки, которая в 12-летнем возрасте выступила с речью на конференции по экологии ООН в 1992 году, привлекая внимание общественности к проблемам озоновых дыр? Что же до реальных действий политиков, то лучше всего их иллюстрирует то, что Дональд Трамп официально объявил о выходе США из Paris Agreement, за строгое выполнение которого так ратует Тунберг.

Каково будущее визионерства в сложной, эклектичной модели современной культуры? Сложно определить, но в любом случае, исследование этого феномена способно добавить еще один элемент в общую картину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гроссе П., Позднякова Н. Грета Тунберг и другие: кто получил альтернативную Нобелевскую премию. // Deutsche Welle. Режим доступа: <https://p.dw.com/p/3Q6KB> (дата обращения 17.12.2019).
2. Гроф С. Космическая игра: исследование рубежей сознания. - М.: Издательство Трансперсонального Института, 1997 - 248 с.
3. Иванов. А. Дегенеративная шведская девочка как новое знамя глобального безумия. // «Завтра», 11 июня 2019. Режим доступа: http://zavtra.ru/events/degenerativnaya_shvedskaya_devochka_kak_novoe_znamya_global_nogo_bezumiya (дата обращения 17.12.2019).
4. Лосский Н. О творении мира Богом. // Журнал «Путь» №54 Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/path/54/1> (дата обращения 17.12.2019).
5. Николс Т. Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания. М. ЭКСМО 2019, 368 с.
6. Пастырское послание 12 января 1862 по поводу лурдских чудес епископа Невера Теодор-Огюстена Форкада // Официальная страница Лурдского санктуария. Режим доступа: <http://fr.lourdes-france.org> (дата обращения 17.12.2019).
7. Послание Фатимы. // Конгрегация Доктрины Веры. Режим доступа: http://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/documents/rc_con_cfaith_doc_20000626_message-fatima_en.html (дата обращения 07.02.2020).
8. Свящ. Луис Кондор SVD (сост.). Воспоминания сестры Лусии о Фатиме. — Фатима, 2006. — 258 с.
9. Сикари А. Портреты святых (том I, II). Милан-Москва: Христианская Россия, 1991. — 250 с.
10. Сухов А. Феномен визионерства: культурно исторические основания и модификации. Екатеринбург, 2008. - 185 с.

11. Тяпки П. В пылу «борьбы за климат» в Европу незаметно возвращается Средневековье. // Информационное агентство Eurasia Daily. Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2019/05/28/kak-v-pylu-borby-za-klimat-v-evropu-nezametno-vozhraetsya-srednevekove> (дата обращения 07.02.2020).
12. Франциск: «Грета, не сдавайся» // Информационное агентство EuroNews, 18.04.2019 <https://ru.euronews.com/2019/04/17/pope-with-greta> (дата обращения 07.02.2020).
13. Хаксли О. Двери восприятия. Рай и ад. – М.: АСТ, 2009. – 216 с.
14. Широкопад А. «Неужели Грета Тунберг может видеть углекислый газ?» // Независимая газета, 08.10.2019. Режим доступа: http://www.ng.ru/vision/2019-10-08/7_7696_clairvoyant.html?fbclid=IwAR2CUZRO3610WUluEFPawZqbloHhZgyrPuxMqTPZQlzyC73_OQW7vAQoKU
15. Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. – М.: София, 2000. – 480 с.
16. Ямпольский М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 616 с.
17. Barthas C. Fatima, Unprecedented Miracle, Fatima, 1943. 1917 O Seculo, article of October 15, 1917. Режим доступа: https://fatima.machado-family.com/vol1/#calibre_link-568 (дата обращения 05.12.2019).
18. Carrington, Damian. 'Our leaders are like children,' school strike founder tells climate summit // The Guardian (4 декабря 2018). Режим доступа : <https://www.theguardian.com/environment/2018/dec/04/leaders-like-children-school-strike-founder-greta-thunberg-tells-un-climate-summit> (дата обращения 07.02.2020).
19. Environment minister quits after questioning youth climate protests. // The Bulletin, 05.02.2019. Режим доступа: <https://www.thebulletin.be/node/80007> (дата обращения 07.02.2020).
20. Greta Thunberg. School strike for climate – save the world by changing the rules. // TEDx Stockholm. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=EAmUUEsN9A> Время от начала источника: 1:46. «I was diagnosed with Asperger's syndrom, OCD, and selective mutism. That basically means I only speak when I think it's necessary. Now is one of those moments...» (дата обращения 07.02.2020).
21. Guterres, António. The climate strikers should inspire us all to act at the next UN summit. // The Guardian (15 марта 2019). Режим доступа : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/mar/15/climate-strikers-urgency-un-summit-world-leaders> (дата обращения 07.02.2020).
22. Leslie Hook Greta Thunberg: 'All my life I've been the invisible girl' // Financial Times 22.02.2019 // Режим доступа: <https://www.ft.com/content/4df1b9e6-34fb-11e9-bd3a-8b2a211d90d5> (дата обращения 07.02.2020).
23. Letter to Maria Teresa, Coimbra, Sept. 16, 1970. // A Little Treatise, by the Seer, on the Nature and Recitation of the Rosary: a collection of excerpts from letters of Sister Lucy written between 1969-71. Режим доступа: <http://archive.fatima.org/crusader/aworldview/worldview9.asp> (дата обращения 07.02.2020).
24. 'Our house is on fire': Greta Thunberg, 16, urges leaders to act on climate // The Guardian, 25.01.2019 Режим доступа: <https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/25/our-house-is-on-fire-greta-thunberg-16-urges-leaders-to-act-on-climate> (дата обращения 07.02.2020).
25. Shrine of Our Lady of the rosary of Fatima. // Cf. Documentação Crítica de Fátima, vol. II. Fátima: Santuário de Fátima, 1999 Режим доступа: <https://www.fatima.pt/en/pages/chronology-of-the-three-seers> (дата обращения 09.01.2020).

© Пожаров Алексей Игоревич (Soundman.alex@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НА ЖЕНСКУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ

Сулимова Ольга Николаевна

Аспирант, Майкопский Государственный
Технологический Университет
yulia_z09@mai.ru

INFLUENCE OF THE MODERN SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT ON WOMEN'S CRIME

O. Sulimova

Summary: The relevance of the topic of women's crime is growing from year to year, as the criminalization of women's behavior leads to the degradation of modern society, because at all times women acted as the guardian of the home, kept and transmitted basic social values. This article attempts to study the influence of the socio-cultural sphere on the level of female crime. The main determinants of female crime and its consequences are revealed.

Keywords: women's crime, socio-cultural environment, family and domestic violence, illegal act, crime, causes, consequences.

Аннотация: Актуальность темы женской преступности растет из года в год, так как криминализация женского поведения ведет к деградации современного общества, ведь во все времена, женщины, выступала в роли хранительницы домашнего очага, хранила и передавала базовые социальные ценности. В рамках данной статьи предпринята попытка изучения влияния социокультурной сферы на уровень женской преступности. Выявлены основные детерминанты женской преступности и ее последствия.

Ключевые слова: женская преступность, социокультурная среда, семейное и бытовое насилие, противоправное деяние, преступление, причины, последствия.

Женская преступность, в качестве самостоятельной, начала выделяться только в последнее десятилетие. Данный факт связан с тем, что на сегодняшний день накопилась и существенно обогатилась информационная база по женской преступности, а так же с тем, что с каждым годом масштабы проводимых исследований расширяются.

Значительное число исследований посвящено изучению женской преступности В.А. Серебряков, который считает, что различия между женской и мужской преступностью необходимо искать в комплексе сложных социально-культурных факторов, которые, собственно, и определяют особенности поведения мужчин и женщин. При этом, отмечает В.А. Серебряков, следует учитывать особенности в различиях занятости преступников женского пола в быту, на производстве и др. [8]

Определенный интерес представляют и работы, объясняющие женскую преступность с позиций социологии, психологии и психиатрии. К числу таких исследователей можно отнести работы В.А. Внукова, который объясняет женскую преступность простыми силовыми реакциями на агрессивную и неблагоприятную социальную среду. Кроме того, вопросы женской преступности исследовали в своих работах такие ученые как Маньковский Б.С., Звербуля А.К., Середа Е.В. и другие.

Женской преступности присущи свои особенности, связанные с тем, что женщины в силу своих природных особенностей имеют целый ряд отличительных черт с

точки зрения психологии, которые, в свою очередь, связаны с физиологическими особенностями.

Подобные особенности не могут не отразиться на поступках женщин, на характере проявляемых ими реакций на те, или иные ситуации, а так же на те условия, в которых они оказались. Реакция женщины на какие-либо внешние раздражители именно так, а не как-то по-другому именно потому, что она женщина.

Только углубленное изучение влияния социального окружения, а так же биологических и психологических особенностей женского организма позволит более детально исследовать явление женской преступности и позволит разработать необходимые меры по ее профилактике и предупреждению.

По данным приведенным на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ в 2019 году на территории России было совершено 141 857 преступлений лицами женского пола преступления [7].

Анализ данных с 2006 по 2019 годы, предоставленных главным информационно-аналитическим центром МВД РФ можно сделать вывод о том, что доля убийств совершенных женщинами увеличилась с 19,9% до 24,7%.

Таким образом, доля особо тяжких преступлений в структуре женской преступности возросла на 4,8%.

В то же время в этот же период времени несколько

сократилось число преступлений, совершенных женщинами, связанных с нанесением тяжкого вреда здоровью – с 12,7% до 8,2%, а так же сокращение грабежей и разбойных нападений – с 11,3% до 5% [2].

Кроме того, на сегодняшний день отмечается существенный прирост доли несовершеннолетних преступниц. Так за рассматриваемый период времени с 2006 по 2019 годы доля несовершеннолетних преступниц выросла с 6,5% до 8,1%. В соответствии с данными приводимыми ГИАЦ МВД РФ, число девочек-подростков, совершивших преступления различной степени тяжести составило в 2019 году 113 человек [2].

С течением истории условия и образ жизни женщин меняется, меняется социокультурная среда, и соответственно изменяются и способы, и характер совершаемых женщинами преступлений.

В последние годы женской преступности стали присущи следующие основные тенденции:

- отмечается рост числа самосудов (большая часть преступлений приходится на домашнее насилие и расправу с домашними тиранами);
- отмечается числа женщин – преступниц возрастной категории от 18 до 29 лет;
- увеличение доли преступлений связанных с алкоголизмом и наркоманией;
- рост уровня жестокости, что в последние годы практически сблизило преступления совершаемые женщинами, с аналогичными преступлениями совершаемыми мужчинами по характеру насилия.

Как отмечается в исследовании, произведенном С.А. Поповой, на сегодняшний день отмечается склонность женщин к вступлению в организованные преступные группировки. При этом женщины стали чаще возглавлять такие ОПГ и совершать преступления с использованием огнестрельного и холодного оружия [6].

В соответствии с данными приведенными Т.М. Явчуновской и И.Б. Степановой основная возрастная категория среди женщин совершивших преступления – это женщины до 30 лет [9].

Женщины – преступницы в возрасте 40 лет и старше в своем большинстве одиноки. Уровень образования в основном средний или среднеспециальный. При этом у многих из женщин-преступниц можно отметить низкий уровень трудовой занятости: порядка 40% женщин не имеют постоянной работы. Говоря о семейном статусе женщин-преступниц необходимо отметить, что чуть больше 50% состоят в браке, 67,7% - имеют двух и более детей.

В то же время многие исследователи указывают на

тот факт, что «женщины – преступницы имеют гораздо меньше, чем мужчины асоциальных установок, они не имеют устойчивых преступных убеждений. При этом уровень социально-психологической адаптации у женщин-преступниц не настолько нарушен как у мужчин [1].

В связи с чем, можно констатировать, что рост женской преступности определяет криминальную картину современного общества.

К.А. Демина [3] приводит следующие данные по статистике женской преступности, которые свидетельствуют о том, что «на момент совершения преступного деяния нигде не работали порядка 61,7% женщин, имели работу только 32,6%, ходили на учебу – 5,7%. По роду занятий женщин-преступниц можно структурировать следующим образом:

- трудоспособные женщины, которые не имели определенного занятия – от 55 до 68%;
- женщины, работающие по найму – от 16 до 18%» [4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основная доля женщин-преступниц – это лица, не имеющие источника постоянного дохода.

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что на преступления чаще идут женщины, не имеющие образования и постоянного места работы, а соответственно и стабильного источника дохода.

Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что основными факторами, толкающими женщин на совершение тех или иных преступлений, выступают социокультурные и социально-экономические условия. Именно этим можно объяснить факт того, что среди преступлений совершенных представительницами женского пола особо место отводится преступлениям, направленным против собственности.

Особая роль в обусловленности женской преступности находит свое выражение в обесценивании нравственных и культурных ценностей. Данный факт вызывает высокое беспокойство, как со стороны психологов, так и социологов, которые указывают на наличие следующих проблем:

- женщинам в России, равно как и во всем мире, присуще чувство отсутствия смысла жизни, неумение найти в ней свое место и цель;
- усиление выраженности синдрома «тревожного ожидания»;
- отсутствие уверенности в завтрашнем дне;
- частичная деморализация межличностных отношений в семье и в обществе;
- активный рост уровня конфликтности.

Сложившиеся в современном обществе обстоятель-

ства оказывают подавляющее влияние на личность женщины, в свою очередь продуцируя совершение противоправных деяний.

Сопутствующей причиной криминализации женщин является нарушения правосознания, которые находят свое проявление в таких сферах как: развитие правового нигилизма, правовая безграмотность, недоверие правоохранительным властям, отсутствие веры в правосудие и равенства все слоев населения перед законом, страх за свою собственную безопасность и безопасность своих близких и др..

Особый взгляд в среде правозащитников имеется и на проблемы семейно-бытового характера, которые выступают в роли основного стимула женской преступности, и находят свое отражение в противоречии интересов членов семьи и самой женщины. Семейные проблемы стимулируют развитие семейного насилия, утрату взаимопонимания, столкновение интересов между представителями разных поколений проживающих в одной семье (проблемы отцов и детей) и т.д.

Раннее вступление в брак, ранние беременности, увеличение числа разводов, обесценивание ценностей института семьи и брака во многом являются причинами того, что изначальная роль женщины в качестве хранительницы очага унижается, что ведет к росту совершения преступлений.

Обобщение вышеназванных причин женской преступности позволяет нам согласиться с мнением В.В. Лунеева [5], согласно которому основной причиной толкающей женщин на совершение противоправных деяний выступает отсутствие по отношению к ним социальной справедливости, а так же довольно низкий уровень раз-

вития культуры в обществе, отсутствие уважения со стороны семьи, работы, мужчин.

Именно данный факт обуславливает наличие качественно отличных особенностей у женской преступности:

- среди женщин-преступниц ранее преобладали представительницы старшей возрастной категории, однако в последние годы наблюдается активное омоложение женской преступности;
- женщины обладают более высоким уровнем образования, чем преступники-мужчины;
- преступления, совершаемые женщинами, зачастую связаны с местом ее работы или с семейным насилием.

В связи с чем считаем необходимым сделать следующие обобщения:

Женская преступность активно растет: ежегодно увеличивается число осужденных к отбыванию наказания лиц женского пола.

Основные предпосылки подобного роста женской преступности необходимо искать в социально-экономической и социокультурной сферах, изобилующих проблемами, оказывающими прямое воздействие на преступное поведение женщин. Особенно тех, которые оказались в сложных жизненных обстоятельствах и не смогли найти поддержку от государства или общественности.

Для существенного снижения уровня женской преступности требуется на законодательном уровне проработать механизмы преступного сдерживания, а так же усилить уровень контроля за процессом в местах лишения свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гутиева И.Г. Проблемы противодействия экстремизму в молодежной среде // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 258-261. Поступила в редакцию 06.11.2015
2. Главный информационно-аналитический центр МВД России https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen
3. Демина К.А. Личность преступницы в аспекте особенностей ее социально-ролевой характеристики // Вестн. Томского государственного университета. 2016. № 331. С. 113-115.
4. Демина К.А. Некоторые социально-экономические детерминанты женской преступности (криминологический анализ на материалах федерального и регионального уровней) // Вестн. Томского государственного университета. 2015. № 337. С. 107-110.
5. Лунеев В.В. Криминологическая характеристика женской преступности // Труды института государства и права российской академии наук. Актуальные проблемы уголовного права и уголовного процесса. - М.: Ин-т гос. и права РАН, 2009, № 6. - С. 3-24
6. Попова С.А. Современная женская преступность: виды, причины, предупреждение // Следователь. Федеральное издание. - М., 2004, № 1. - С. 43-46
7. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ // <http://crimestat.ru/>
8. Серебрякова, В.А. Корыстные преступления, совершаемые женщинами [Текст] / В.А. Серебрякова – М., 1990.– 160с.
9. Явчуновская Т.М., Степанова И.Б. Тенденции современной преступности женщин // Государство и право, 2000, № 12. С. 28.

© Сулимова Ольга Николаевна (yulia_z09@mai.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА К ДЕТЯМ С ПРОБЛЕМАМИ В РАЗВИТИИ

Арбузова Мария Георгиевна

РГПУ им. А.И. Герцена

mariarbuzovax@yandex.ru

SOCIETY ATTITUDE TO CHILDREN WITH DEVELOPMENTAL PROBLEMS

M. Arbuzova

Summary: The focusing of attention of modern society on the developing model of society's attitude towards children with developmental problems is considered by the author as one of the most effective factors of socialization and integration of a child into age-appropriate types and forms of social life. The article analyzes the current problems of society's attitude towards children with developmental problems, identifies and describes the prospects for their solution, determines the importance of psychological support for the education of children with developmental problems.

Keywords: society, children with developmental problems, defectology, special psychology, ethics, socialization.

Аннотация: Акцентирование внимания современного социума на развивающей модели отношения общества к детям с проблемами в развитии рассматривается автором как один из наиболее эффективных факторов социализации и интеграции ребенка в соответствующие возрасту виды и формы социальной жизни. В статье проанализированы актуальные проблемы отношения общества к детям с проблемами в развитии, выявлены и охарактеризованы перспективы их решения, определена значимость психологического сопровождения образования детей с проблемами в развитии.

Ключевые слова: общество, дети с проблемами в развитии, дефектология, специальная психология, этика, социализация.

Отношение к детям с проблемами в развитии видоизменялось вместе с формированием и развитием человеческой цивилизации. Инфантицид считался приемлемым, например, в эпоху Античности. Родители избавлялись от ребенка в случаях, когда нарушения развития были заметны сразу. Таким образом, прежде всего, умерщвлялись дети с физическими недостатками, так как психологические, при их наличии, еще не могли быть проявлены. Общество не поощряло убийство уже после признания ребенка отцом. Только при последнем из династии Северов римском императоре Александре Севере такая традиция как выбрасывание ребенка стала приравняться к убийству. Следует отметить, что социализация ребенка с нарушениями в развитии была вполне возможна при условии достаточной обеспеченности семьи, в которой он родился. В качестве объяснения инфантицида можно привести такие факторы как древнегреческая модель представления о гармоничной структуре мира, о богах как эталонах, к которым физически и душевно должен быть стремиться человек, представления древних римлян о значимости воина (соответственно обладающего набором отличных физических и волевых качеств) и т.д. Для Римской империи настоль важна была гражданственность, что инвалиды, как неспособные принимать участие в деятельном развитии Римской империи (с точки зрения древних римлян), причислялись к негражданам.

В обществе проблема инфантицида, проблема оставления ребенка на произвол судьбы (еще одна античная

традиция) не считалась значимой, не изучалась и не обсуждалась вплоть до начала распространения христианства. Тем не менее и в Средние века отношение к детям с проблемами в развитии не было однозначным. В славянских странах формируется особое отношение к восприятию людей с нарушениями в развитии как юродивых и блаженных. Наряду с проявлением любви, заботы, милосердия сохраняется традиция дискриминации, растет число суеверий и предубеждений все на том же основании – человек не подобен Богу, это кара за совершенные злодеяния.

Иная философско-культурологическая модель мира прослеживается в эпоху Возрождения. Антропоцентризм способствует восприятию каждого человека обществом как свободной личности, равной другим, имеющей неограниченные возможности. Нарушения развития перестают вызывать страх, так как начинают изучаться. С XIV века начинают разрабатываться индивидуальные программы обучения для детей с проблемами развития (речь идет о детях высших сословий).

Формирование капиталистических отношений Нового времени способствовало прагматическому взгляду общества – если человек, не смотря на нарушения в развитии, способен трудиться, то общество воспринимало его как позитивный социальный элемент, если физическое или психическое состояние не позволяло ему работать, то он воспринимался негативно, только как потребитель. Это в первую очередь относилось к бедным

слоям населения.

Формирование новых научных и философских теорий в XX веке способствовало не только изменению отношения к детям с нарушениями в развитии, но и созданию ряда учреждений для детей-инвалидов. Тем не менее зародившаяся в конце XIX века евгеника стала популярной в начале XX века и пропагандировалась в нацистской Германии. Таким образом, на протяжении различных культурно-исторических эпох общество использовало различные модели отношения к детям с нарушениями в развитии. Негативное отношение при этом, на протяжении всей истории цивилизации, нивелировалось состоятельностью и положением семьи, в которой родился ребенок.

Можно определить следующие модели отношения общества к детям с проблемами в развитии: негуманное отношение общества к «недочеловеку» (восприятие человека с проблемами в развитии как неполноценного существа); ограждение от «угрозы» обществу (создание закрытых учреждений, зачастую со строгим режимом и недостаточным образовательным компонентом или его отсутствием); проявление излишней заботы и жалости, отношение «как к ребенку» сохраняется и во взрослом возрасте (вместо обеспечения надлежащей помощи в развитии и образовании создается комфортная среда обитания, мир за пределами которой представляется враждебным и опасным для всех сторон); общество оказывает помощь, но воспринимает ее как обременение, постоянно пытается сократить экономические расходы; восприятие детей с проблемами в развитии как «больных людей» (имеет двойственный эффект одновременно стимулирует развитие медицины и науки, способствует профилактике и лечению причин и последствий проблем развития, но в современных реалиях считается недостаточной, поскольку сама по себе является ограничителем возможностей людей с особыми потребностями); развивающая модель, при которой общество берет на себя ответственность за более полное развитие детей с проблемами в развитии, признает наличие у них способностей и возможностей к развитию и образованию.

Таким образом, наиболее гуманной и прогрессивной моделью можно считать развивающую модель отношения общества к детям с проблемами в развитии. Главной целью такой модели должна стать социализация индивида, будущего взрослого, полноправного члена общества. Первостепенными задачами на начальном этапе соответственно будут являться: создание условий, компенсирующих отклонения в развитии и ограничения возможностей; интеграция ребенка в соответствующие возрасту виды и формы социальной жизни, прежде всего, при участии специалиста дефектолога, осуществляющего психологическое сопровождение в образовательную среду, которая может дать наибольший спектр

возможностей в дальнейшем. Вопросы, связанные с образованием детей, имеющих проблемы в развитии, стоят сегодня наиболее остро, они находятся в поле зрения современного научного сообщества. Внимание уделяется отдельным аспектам образовательной интеграции детей с ограниченными возможностями [3], сосредотачивается на проблеме формирования социального опыта у младших школьников с умеренной умственной отсталостью [6] и т.д. В более широком рассмотрении заявленной в теме статьи проблемы значимыми представляются исследование стереотипов о людях с ограниченными возможностями здоровья [2] и исследование понимания человеком окружающего мира в условиях социально созданной полифункциональной интерактивной среды [4]. Выбор формы обучения в коррекционном (специализированном) или общеобразовательном учебном заведении должен определяться индивидуализировано. Вопрос об инклюзивном образовании стоит в настоящее время достаточно остро, является предметом дискуссии среди специалистов в области образования, коррекционной психологии, а также родителей. «Дело в том, что невозможно себе представить, чтобы в условиях сегодняшнего существования школы и образования в целом, нормально развивающиеся дети смогли в условиях инклюзии достигать максимально высокой планки своих образовательных возможностей. Интеграционно-инклюзивная форма обучения может быть эффективной только при условии максимальной дифференциации образовательных услуг по адресу каждого ребенка. Сегодня даже намек нет на качество таких услуг. Только будучи неумным оптимистом можно признать, что успешная дифференциация образовательных услуг может быть достигнута менее чем за полвека (и это в случае, если не будет экономических и политических катаклизмов и если мы неотступно будем заниматься совершенствованием инклюзивной формы обучения)» [7;58]. Ещё одной важной задачей, обеспечивающей полноценное функционирование механизмов работы такой модели, представляется психокоррекционная работа с самим ребенком и его родителями. В родителях необходимо сформировать осознание значимости понятия «безусловная родительская любовь», оказать помощь в понимании важности поисков задатков и одаренностей у ребенка. «Главная задача всех лиц, работающих с ребенком, состоит в том, чтобы обеспечить положительные изменения в развитии его как личности. Но для этого необходимы не разовые и не односторонние меры, а комплексный, системный подход, предполагающий учет как внешних, так и внутренних факторов, воздействующих на личность. Вот почему деятельность специалиста по социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья должна быть многоплановой и включать в себя все основные направления социально-реабилитационного процесса.

Такими направлениями, на наш взгляд, являются: ор-

ганизаторская деятельность; деятельность по диагностике психического и личностного развития ребенка; развивающая и коррекционная работа; консультирование и просвещение детей, родителей и специалистов, занимающихся с детьми; деятельность по охране здоровья и безопасной жизнедеятельности и социально-диспетчерская работа» [1;59-60].

Социализация детей с проблемами в развитии предполагает, что в процессе обучения будет оказана помощь и в выборе будущей профессии. «Неоценимую помощь в профессиональном самоопределении для детей с ограниченными возможностями здоровья может оказать система дополнительного образования» [5;25]. Дополнительное образование способно расширить спектр выбора направлений будущей профессиональной деятельности, разнообразить учебный процесс, помочь найти единомышленников, дать более конкретные и глубокие знания по интересующим ребенка или подростка направлениям.

Современное общество, ориентированное на ценно-

сти гуманизма, ставит заявленную в названии проблему достаточно остро. Развивающаяся в настоящее время генотерапия – это тоже запрос общества. Направление имеет неоднозначную трактовку, это сравнительно новое направление и пока более явны его положительные стороны, успехи, нежели риски, которые могут проявиться позже, например, через поколение. Но этот запрос также может не только оградить ребенка от страданий, но и «очистить», выхолостить общество, довести его до совершенства, таким образом, сняв с себя ответственность за содержание, необходимость помощи, необходимости внутреннего духовного роста личности в процессе общения с детьми с нарушениями в развитии и т.д.

В современном обществе назрела необходимость поиска этических констант в отношении к детям с проблемами в развитии. Вопрос не только в отношении общества, но в осознании того, что эти дети и эти личности – тоже полноценные члены общества, и их отношение к нам должно нас заботить не меньше, чем наше к ним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акатов, Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы. / Л.И. Акатов. – М.: Владос, 2003. – 368 с.
2. Богачек, И.С. Исследование стереотипов о людях с ограниченными возможностями здоровья / И.С. Богачек, А.А. Куланова, М.А. Гритчина // Специальное и инклюзивное образование: Методология, теория, практика: сборник научно-методических трудов с международным участием / РГПУ. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 139-140.
3. Богачек, И.С. Некоторые аспекты образовательной интеграции детей с ограниченными возможностями / И.С. Богачек // Духовно-нравственные ориентиры специального образования: материалы XVII Междунар. конф. «Ребенок в современном мире. Духовные горизонты детства», 21-23 апр. 2010 г. - СПб., 2010. - С. 103-106.
4. Богачек, И. С. Понимание человеком окружающего мира в условиях социально созданной полифункциональной интерактивной среды / И.С. Богачек // Образовательная интеграция детей с особыми потребностями: социокультурные стратегии и перспективы: материалы XVI Междунар. конф. «Ребенок в современном мире. Детство и социокультурная прогностика», 22-24 апр. 2009 г. - СПб., 2009. - С. 362-366
5. Васильченко, А.Е. Особенности социализации детей с ограниченными возможностями здоровья / А.Е. Васильченко, О. В. Кузнецова // Наука и социум. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (15 декабря 2018 г.). – Новосибирск: Изд-во АНО ДПО «СИППСР», 2018. – С.22-26
6. Зарин, А. К проблеме формирования социального опыта у младших школьников с умеренной умственной отсталостью / А. Зарин, С.А. Мухтарова // Традиции и инновации в специальном образовании. Материалы XIV Международной конференции «Ребенок в современном мире. Образование и детство» (12-18 апреля 2007 г.) ЮНЕСКО, Министерство образования и науки РФ, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Северо-Западное отделение РАО, Ком.по образованию и науке Гос. Думы РФ, Ком. по науке и высш. шк. администрации Санкт-Петербурга, С.-Петерб. акад. детства, Петров. акад. наук и искусств, факультет философии человека РГПУ им. А. И. Герцена, Герценовское филос. об-во.– СПб.: , 2007. - С. 342-344.
7. Матасов, Ю.Т. Философские и нравственные аспекты интеграции и инклюзивного обучения / Ю.Т. Матасов // Вестник Герценовского университета. – РГПУ. – СПб, 2012. - № 2. – С.56-59

© Арбузова Мария Георгиевна (mariarbuzovax@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПИЩЕВАЯ АДДИКЦИЯ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Бобровская Елена Фаимовна

Аспирант, Новосибирский государственный университет
экономики и управления
babrovskaya@mail.ru

FOOD ADDICTION AND INDIVIDUAL PERSONALITY TRAITS

E. Bobrovskaya

Summary: The article examines the phenomenon of food addiction: the definition, types, causes of occurrence and individual personality traits that contribute to the formation of dependence on food and are characteristic of food addicts are presented. Some researchers equate food addiction with eating disorders, including anorexia nervosa and bulimia. Food addiction is viewed as a behavior characterized by food intake in which food (when overeating) or not eating (when fasting) performs a reinforcing positive function. The article describes such individual characteristics of the personality of food addicts as: level of anxiety, impulsivity, locus of control, temperament, accentuation, personality type, peculiarities of interpersonal contacts, level of self-esteem, prevailing defense mechanisms, peculiarities of responding to stressful situations, level of awareness, specificity of the emotional sphere, etc.

Keywords: food addiction, eating disorder, personality characteristics, temperament.

Аннотация: В статье исследуется феномен пищевой аддикции: представлены определение, виды, причины возникновения и индивидуальные особенности личности, способствующие формированию зависимости от еды и свойственные пищевым аддиктам. Некоторые исследователи приравнивают пищевую аддикцию к нарушениям пищевого поведения, включая нервную анорексию и булимию. Пищевая аддикция рассматривается как поведение, характеризующееся потреблением пищи, при котором еда (при переедании) или ее отсутствие (при голодании) выполняет подкрепляющую позитивную функцию. В статье описываются такие индивидуальные характеристики личности пищевых аддиктов, как: уровень тревожности, импульсивность, локус контроля, темперамент, акцентуация, тип личности, особенности межличностных контактов, уровень самооценки, преобладающие защитные механизмы, особенности реагирования на стрессовые ситуации, уровень осознанности, специфика эмоциональной сферы и пр.

Ключевые слова: пищевая аддикция, нарушение пищевого поведения, личностные характеристики, темперамент.

Стремительные изменения во всех сферах жизни современного общества, зачастую непредсказуемые и оказывающие влияние на жизнь каждого отдельного человека, являются мощным стрессовым фактором для большинства людей. В ситуации кризиса человек утрачивает ощущение безопасности и комфорта, что приводит к формированию аддиктивных форм поведения как стратегий реагирования на изменения окружающей среды. Аддикции, в большинстве случаев, возникают в ситуации, когда человек испытывает трудности в адаптации к новым вызовам реальности [3].

При этом аддикция к перееданию является значительной социально-экономической проблемой во многих странах мира, так как вследствие ожирения формируется большое количество патологий, оказывающих значительное влияние на психологическое благополучие, социальный и экономический статус человека. Важно отметить, что терапевтические меры, такие как диеты, занятия спортом и психотерапия, дают лишь временный эффект, так как обходят вниманием работу с аддиктивным компонентом, который часто рассматривается лишь как элемент дезадаптивных состояний, не учитывая личностные характеристики аддикта [15].

Важность исследования проблем формирования аддиктивного поведения сложно переоценить, так как с каждым годом возрастает количество людей, испытывающих проблемы, вызванные неадаптивными аддиктивными стратегиями поведения. В зарубежных и отечественных исследованиях аддиктивные стратегии поведения рассматриваются во взаимосвязи с неспособностью адекватно реагировать на изменения окружающей реальности и преодолевать стрессовое состояние [6].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что личностные характеристики (черты личности, особенности темперамента и т.д.) являются фактором риска формирования аддикций [3].

Аддиктивное поведение представляет собой форму деструктивного поведения, сопровождающуюся стремлением уйти от реальности с помощью изменения своего психического состояния путем приема определенных веществ или фиксации внимания на определенных видах деятельности или объектах, что вызывает значительное изменение эмоционального состояния [9].

Под пищевой аддикцией понимают псевдоадаптивное и неконструктивное копинг-поведение, которое

формируется в результате недостаточного воспроизведения адаптивных копинг-стратегий и преобладания деструктивных защитных механизмов [15].

Некоторые исследователи, как за рубежом, так и в России, приравнивают пищевые аддикции к расстройствам пищевого поведения.

Расстройство пищевого поведения характеризуется потреблением пищи, при котором еда (при переедании) или ее отсутствие (при голодании) выполняет подкрепляющую позитивную функцию. Расстройство пищевого поведения представляет собой многофакторный феномен, на его формирование влияют биологические и социально-психологические факторы [5, 11, 12].

Пищевая зависимость занимает переходную позицию между химическими и нехимическими зависимостями [12]. Многие исследователи к пищевым аддикциям относят в том числе анорексию и булимию (Короленко 2000, Старшенбаум 2006, Менделевич 2007).

Впервые анорексия была описана в 1689 г. Р. Мортон под названием «нервная чахотка». Это состояние характеризовалось пониженным настроением, отсутствием аппетита, вызыванием рвоты, за чем последовало истощение и смерть пациентки.

Выделяют два вида анорексии: ограничительный вид характеризуется отсутствием приступов переедания и принудительным избавлением от еды (с помощью слабительных препаратов, клизмы или рвоты); очистительный (булимический) вид отличается систематическими приступами переедания и использованием приемов принудительного очищения, часто сопровождается такими видами аддиктивного поведения как клептомания, наркомания и алкоголизм [12].

Нервная анорексия представляет собой вид расстройства пищевого поведения, при котором, на фоне недовольства собственной физической формой и убежденностью в излишней полноте, происходит ограничение в приеме пищи (или полный отказ от нее) в угрожающей жизненному благополучию форме [7, 12].

Булимия – форма нарушения пищевого поведения, характеризующаяся навязчивым приемом пищи при неудовлетворенности своим внешним видом [8, 11].

Булимия подразделяется на два вида: слабительный – обострение состояния сопровождается регулярным вызыванием рвоты или приемом слабительных препаратов, характерно для женщин с психопатическими чертами (в том числе, склонности к суициду); неслабительный – характеризуется использованием воздержания от еды или чрезмерных физических нагрузок для поддержания веса [12].

Булимия формируется на фоне межличностных конфликтов и сопровождается дезадаптацией во многих сферах повседневной жизни. Часто булимию вызывают такие события как смерть супруга или расставание, уход из дома, ожидание важного экзамена [12].

Также различают эмоциогенное, ограничительное и экстернальное пищевое поведение, свойственное пищевым аддиктам. Экстернальное пищевое поведение характеризуется повышенной реакцией на внешние стимулы к приему пищи. Эмоциогенное пищевое поведение проявляется в гиперфагической реакции на стресс и эмоциональном переедании (стимулом к приему пищи являются эмоциональные переживания). Ограничительное пищевое поведение — это избыточные пищевые самоограничения (периоды ограничения сменяются периодами переедания) [4].

При исследовании пищевых аддикций в рамках психосоматической концепции была выявлена ключевая роль стрессовых факторов при формировании зависимости к еде. В качестве механизмов пищевой аддикции отмечаются определенные стереотипы поведения (низкая двигательная активность, переедание и пр.) в сочетании со стрессом. При этом исследователи отмечают значимость личностных характеристик, которые оказывают влияние на реакцию на стрессовую ситуацию [12, 14].

Пищевая аддикция может рассматриваться в рамках парадигмы «самоаддикции» («selfaddiction»), так как предметом аддикции в данном случае является пища, которая может быть отнесена к эндогенным химическим веществам. Переедание сопровождается усиленной выработкой эндорфинов, что влечет за собой формирование положительного подкрепления. В рамках данной теории освоение адаптивных стратегий совладающего поведения является необходимым для преодоления зависимости. В силу особенностей прошлого опыта и личностных особенностей человек, сталкивающийся со стрессорирующими факторами в повседневной жизни, подвергается риску развития хронического рецидивирующего стресс-ассоциированного нейроэндокринного дисбаланса [2].

Пищевые аддикции, как форма зависимого поведения, могут быть описаны в контексте психобиологической модели, при которой формирование аддикции представляет собой многокомплексный процесс, который включает в себя и психологические характеристики [10, 16].

Психобиологическая теория, разработанная Р. Клолинджером, связывает устойчивые личностные характеристики с врожденными особенностями активности моноаминергической системы мозга [10, 17, 19]. В рамках психобиологической модели наиболее разработанной

методикой является опросник темперамента и характера Клонинджера, имеющий два варианта адаптации на русской выборке (ТСІ-125 и ТСІ-140). Данная методика дает возможность составить комплексное представление об особенностях личности, включая генетически обусловленные характеристики темперамента и черты характера, возникшие в результате социализации и модулирующие врожденные черты [1, 16].

Совладание со стрессом также является важной темой при исследовании пищевой аддикции. Совладающее поведение – это целенаправленное социальное поведение, направленное на активное изменение ситуации или приспособление к ней. Эффективность стратегии совладающего поведения зависит от специфики конкретной жизненной ситуации и от личностных ресурсов человека [18]. Р. Лазарус разработал опросник «Способы совладающего поведения» для определения преобладающих в поведении копинг-стратегий.

Описанные выше методики практически не представлены в отечественных исследованиях, посвященных проблеме пищевых аддикций, несмотря на их надежность и значимость измеряемых ими характеристик.

И.П. Кутянова и О.Е. Сарапина, изучая когнитивные искажения и смысложизненных ориентации у девушек 14-18 лет, находящихся в группе риска развития пищевой аддикции, установили, что в этой группе когнитивные искажения более ярко выражены и проявляются в катастрофизации, придании негативной окраски различным событиям, стремлении соответствовать ожиданиям окружающих и долженствованию. Склонные к пищевым аддикциям женщины продемонстрировали недостаточную осмысленность целей будущего и экстернальный локус контроля [7].

Людей, склонных к пищевой зависимости, по индивидуальным особенностям личности можно разделить на две группы. К первой относятся личности с высокой тревожностью, мнительностью, ранимостью, стыдливостью и низкой самооценкой, они склонны к депрессивным состояниям и испытывают затруднения в межличностной коммуникации. Ко второй группе относятся личности со склонностью к власти, доминированию и подавлению окружающих, чрезмерно уверенные в себе и обладающие завышенной самооценкой [14].

Е.В. Черновала установила, что люди, склонные к пищевой аддикции, имеют следующие психологические особенности: чувство несоответствия, внутренней пустоты, потерянности, подавленности, чрезмерное беспокойство, избегание межличностных контактов и обязанностей, ощущение упадка сил и внутреннего дискомфорта. С другой стороны, могут присутствовать фантазии о собственном величии, выдающихся умственных способностях и особом контроле над чувствами [13].

Для пищевых аддиктов характерны повышенные ожидания к другим людям, сниженная способность получать удовольствие, низкий уровень проработанности временной перспективы и мотивации, неудовлетворенность настоящим, фатализм и вера в то, что их жизнь не подчиняется осознанному контролю, представление о свободе выбора как иллюзии, реальная жизнь для них представляется менее интересной, наполненной и эмоционально насыщенной. Пищевые аддикты показывают заниженный уровень осознанности, преобладание таких защитных механизмов как регрессия и вытеснение, уязвимость к стрессовым воздействиям и предрасположенность к эмоциональным расстройствам [7].

При анорексии наблюдается общая заторможенность психосексуального развития, преобладание обсессивно-шизоидной акцентуации, высокий уровень развития интеллекта, старательность, замкнутость, эмоциональная сдержанность, высокая активность на фоне истощения при голодании и поддержание образа яркой и энергичной личности. Страдающим от анорексии свойственно мышление по принципу «все или ничего»: оценивая свои внешние параметры как безобразные они переносят эту оценку и на свою личность. Анорексия часто сопровождается страхом потери контроля, стремлении сохранить свою зависимость и пассивность [12].

Нервная булимия часто встречается у женщин с истероидным типом личности. Это состояние сопровождается субъективными переживаниями одиночества, разочарования в окружающих, печали, пустоты скуки [12].

При исследовании женщин, страдающих от булимии, с помощью ММРІ были выявлены склонность к депрессии, повышенная импульсивность, страхи, интроверсия, ощущение изоляции, пренебрежение обязанностями. Булимию могут сопровождать алкогольная и никотиновая зависимости, таблеткомания, клизмофилия. В преморбиде при булимии отмечается импульсивность и высокая тревожность. Булимия может выступать способом преодоления инфантильной зависимости (противостояние родительскому или социальному представлению о правильном питании и идеальной физической форме) [12].

Пищевая аддикция может служить подавлению невротических тенденций: напряжения, подавленности или тревоги. Удовольствие от приема пищи при такой аддикции может выступать в роли альтернативы пустой и тоскливой реальности [12].

Заключение

Для профилактики аддиктивных состояний необходимо изучать и учитывать факторы, способствующие формированию зависимого поведения. Наряду с возможной

генетической предрасположенностью, средовыми факторами и социальными причинами необходимо исследовать личностные характеристики, способствующие формированию аддиктивного поведения.

Пищевая аддикция — это неконструктивное копинг-поведение, которое формируется в результате недостаточного воспроизведения адаптивных копинг-стратегий и преобладания деструктивных защитных механизмов. Пищевая аддикция занимает переходную позицию между химическими и нехимическими зависимостями. Многие исследователи к пищевым аддикциям относят в том числе анорексию и булимия.

Для пищевых аддиктов характерны следующие личностные особенности: высокий уровень тревожности, импульсивность, страх потери контроля, замкнутость, эмоциональная сдержанность, заниженный уровень

осознанности, преобладание таких защитных механизмов как регрессия и вытеснение, уязвимость к стрессовым воздействиям и предрасположенность к эмоциональным расстройствам, представление о свободе выбора как иллюзии, восприятие реальной жизни как пресной и тоскливой, повышенные ожидания к другим людям, сниженная способность получать удовольствие, низкий уровень проработанности временной перспективы и мотивации, неудовлетворенность настоящим, ощущение внутренней пустоты, потерянности, подавленности, чрезмерное беспокойство, избегание межличностных контактов и обязанностей, затруднения в межличностной коммуникации, мнительность, ранимость, стыдливость, низкая самооценка, экстернальный локус контроля. Среди пищевых аддиктов отмечается преобладание обсессивно-шизоидного и истероидного типов личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмаев Н.А., Островская Л.Д. Адаптация опросника темперамента и характера Р. Клонинджера на русскоязычной выборке. Психологический журнал. 2005; 74—86.
2. Аникина, Н.В. Психо-эмоциональный статус и уровень серотонина у женщин с ожирением. Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. 2015, № 3.
3. Ахмадуллина Х.М., Ахмадуллин У.З., Кабиров Т.Р. Социально-психологические детерминанты аддиктивного поведения. Социально-экономические и общественные науки. Вестник ВЭГУ: Восточная экономика-юридическая гуманитарная академия. №2, 2018. С. 15-26.
4. Вознесенская Т.Г. Типология нарушений пищевого поведения и эмоционально-личностные расстройства при первичном ожирении и их коррекция. М.: Медицинское информационное агентство, 2004. — С. 234—271.
5. Егоров А.Ю. К вопросу о феноменологии пищевых аддикций // Человек, алкоголь, курение и пищевые аддикции (соматические и наркопсихиатрические аспекты): матер. 2-го междисциплинарного конгресса с международным участием. СПб., 2008. 203 с
6. Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 288 с.
7. Кутянова И.П., Сарапина О.Е. Изучение когнитивных искажений, смысложизненных ориентаций и рисков развития пищевых аддикций у девушек-подростков 14-18 лет. Ученые записки. Т. 16, № 3, 2017. С. 69-78.
8. Малкина-Пых И.Г. Терапия пищевого поведения. М.: Эксмо, 2007. 1040 с.
9. Менделевич, В.Д. Руководство по аддиктологии. СПб.: Речь, 2007. 768 с.
10. Разумникова О.М. Опросник Р. Клонинджера для определения темперамента и характера. Сибирский психологический журнал. 2005; 2: 150—152.
11. Старостина Е.Г. Расстройства приема пищи: клинико-эпидемиологические аспекты и связь с ожирением. Врач. 2005. № 2. С. 28—31.
12. Старшенбаум Г.В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. Когнито-Центр, 2006. 367 с.
13. Черновалова Е. В. Исследование психологических особенностей пищевого поведения у женщин: автореф. дис. ... канд. психол. наук Е. В. Черновалова. — Томск, 2001. 34 с.
14. Чернышова Т.Е., Реверчук И.В., Меликян И.А. Стресс как предиктор метаболически осложнённого ожирения. Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2013. № 3, С. 106-109.
15. Чухрова М. Г., Рукавишников И. А., Пахомова Е. В., Лещинская В. В., Савушкин А. Н., Хорошилова Л. С. Психологические особенности и поведенческие расстройства в структуре аддикции переедания. КемГУ Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. № 2 (40). С.77-82.
16. Яковлев А.Н., Пашкевич Н.В., Пажитных Д.В., Ткачев А.А., Бродянский В.М., Чупрова Н.А., Щурина А.В., Ромашкин Р.А., Витчинкина В.И. Поиск генетических и психологических маркеров риска потребления наркотиков подростками с аддиктивным поведением в рамках первичной профилактики: предварительные результаты пилотного исследования в Липецке. Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2017; 2 (95): 5—11.
17. Cloninger C.R. A psychobiological model of temperament and character // Arch. Gen. Psychiatry. 1993. Vol. 50. P. 975-990.
18. Lazarus, R.S., and Folkman, S. Stress, Appraisal and Coping. New York: Guilford. 1984. P. 445.
19. Stein D.J., Hollander E., Liebowitz M.R. Neurobiology of impulsivity and impulse control disorder // J. Neuropsych. Clin. Neurosci. 1993. Vol. 5. P. 9-17.

© Бобровская Елена Фаимовна (babrovskaya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕРТОВ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПОВЫШЕНИЕ ИХ КВАЛИФИКАЦИИ

Гинзбург Денис Александрович

*АНОУ ИНОС - Институт Новых Образовательных Систем
ginzburg@mail.ru*

TRAINING OF HIGHER EDUCATION SYSTEM EXPERTS AND IMPROVING THEIR QUALIFICATIONS

D. Ginzburg

Summary: The purpose of this article is to train experts in the education system and improve their skills. In the process of working on the article, the following methods were used: analysis, synthesis, comparison, correlation, generalization, study of scientific literature on the research problem. The problem of education and professional development of experts in the education system requires special care and attention, encourages reflection on the current opportunities for professional development of experts and their preparation for professional practice. It takes time to become a good expert in the education system, but this is not the main factor of professional development. During their studies and subsequent years of professional activity, the expert gets experience, but it is not only on this that they must build their skills. Thus, professional development is a replenishment of knowledge and acquisition of new skills that become necessary in the dynamic and complex work of an expert in the education system.

Keywords: professional training, education, expert, readiness, training, training program.

Аннотация: Целью данной статьи является подготовка экспертов системы образования и повышение их квалификации. В процессе работы над статьей были использованы следующие методы: анализ, синтез, сравнение, корреляция, обобщение, изучения научной литературы по проблеме исследования. Проблематика образования и профессионального совершенствования экспертов системы образования требует особой заботы и внимания, побуждает к размышлению о текущих возможностях профессионального развития экспертов и подготовки их к профессиональной практике. Стать хорошим экспертом системы образования требует времени, но это не самый главный фактор профессионального развития. Во время учебы и в последующие годы профессиональной деятельности эксперт приобретает опыт, но не только на нем он должен строить своё мастерство. Таким образом, профессиональное совершенствование представляет собой пополнение знаний и приобретение новых навыков, которые становятся необходимыми в динамичной и сложной работе эксперта системы образования.

Ключевые слова: профессиональное обучение, образование, эксперт, готовность, подготовка, программа обучения.

Инновация педагогического образования стала актуальной проблемой как в России, так и во всем мире, и ее цели и задачи нуждаются в пересмотре в соответствии с текущим и будущим контекстами. Вопросы, вытекающие из этого, включают в себя пересечение и связь между модернизацией образования и трансформацией общества в целом.

Российское общество продолжает испытывать политические, социально-экономические и духовные изменения. Преобразования последних десятилетий стало переосмысление путей повышения эффективности образования (Горшунова 2002). В связи с этим подготовка экспертов занимает особое место и играет основополагающую роль в модернизации российской системы образования. В свете трансформации общества это образование нуждается в пересмотре с учетом роли педагогического образования.

Реформа системы образования за последние 20 лет привела к появлению целого ряда законодательных и нормативных актов, в которых признавалась необходимость обновления образования. Что касается конкретно

подготовки экспертов системы образования, то в 2014 году была принята «концепция поддержки развития педагогического образования», в которой подчеркивалось, что в основе реформы лежат начальная подготовка учителей, подготовка без отрыва от производства и профессиональная переподготовка (концепция, 2014).

В 2014 году Министерством образования и науки Российской Федерации был запущен крупный проект по модернизации педагогического образования. Его основной целью было обеспечение подготовки учителей в соответствии с профессиональным стандартом учителя и федеральными государственными образовательными стандартами общего образования [5].

На первом этапе проект модернизации направлен на преодоление существующих проблем образования, включая использование образовательных технологий; традиционные подходы в обучении и преподавании и отсутствие системы независимой оценки качества подготовки будущих профессионалов

Поэтому целью данной статьи является подготовка

экспертов системы образования и повышение их квалификации.

В России, то все требования к конкретным уровням образования, профессиям, специальностям и направлениям определяются федеральным органом исполнительной власти, который выполняет функции органа, разрабатывающего национальную политику и нормативно-правовое регулирование в сфере образования. Эти требования отражены в федеральных государственных образовательных стандартах. Таким образом, в результате завершения подготовки эксперт системы образования должен обладать целым рядом компетенций: общекультурной (ОЦК), общепрофессиональной (ОЦК) и профессиональной (ПК).

Федеральный государственный образовательный стандарт устанавливает круг профессиональных компетенций, которыми должны обладать выпускник программ подготовки экспертов системы образования в России, и включает в себя 9 общекультурных компетенций, 6 общепрофессиональных и 14 профессиональных компетенций. Учебная программа образования разработана таким образом, чтобы обеспечить постепенное достижение этих компетенций [4].

Таким образом, все приобретенные будущими экспертами способности можно сгруппировать в две большие категории: способности к обучению и к взаимодействию. Они взаимосвязаны, но для удобства мы рассмотрим их отдельно.

Способность учиться - это самая важная способность в профессии эксперта системы образования. Она предполагает использование интеллектуального потенциала для решения профессиональных задач. Развитие этой способности означает умение управлять своим временем, планировать и управлять своей деятельностью, искать необходимую информацию, выбирать подходящие методы работы и эффективно сотрудничать с другими.

В данном контексте обычное значение обучения расширяется – это означает переход от простого обучения к системному обучению, которое включает в себя овладение различными общими социокультурными способностями (Марголис 2014).

Способность к взаимодействию также принципиально важна. В процессе подготовки будущие эксперты системы образования имеют возможность развивать отношения с сокурсниками и их преподавателями. Им нужно познакомиться с окружающими людьми, потому что в процессе своей профессиональной деятельности они неизбежно будут взаимодействовать и работать с очень разными людьми. Умение работать в команде очень важно для эксперта системы образования. Семинары и

совместные задания способствуют развитию этой способности через развитие способности включать других в процесс работы над своими задачами; посредничать и разрешать конфликты; управлять временем и планировать свою работу; пересматривать и корректировать работу других; объединять ряд материалов и работ в один коллективный продукт [1, 8, 9].

Современная система подготовки экспертов системы образования призвана способствовать непрерывному развитию экспертов в соответствии с их уровнем образования, квалификацией и опытом.

Для профессионального становления экспертов в области образования как специалистов по экспертно-консультативной деятельности необходима квалифицированная подготовка и обучение с использованием качественных программ подготовки. Для создания таких программ необходимо широко исследовать соответствующий опыт зарубежных стран. Исследователи из разных стран уже сделали немалый вклад в исследование этой темы. Так, ее особенности, взятые в плоскости специфики мирового и региональных образовательных процессов, раскрываются в трудах отечественных исследователей (В.Г. Кремень, С.Н. Кучер, С.С. Татарченкова, Г.Н. Прокументова, С.Б. Перинов, В.А. Ясвин, О.С. Боднар, С.Л. Братченко, Е.А. Суханова и др.).

Для профессионального становления экспертов в области образования как специалистов по экспертной деятельности необходима квалифицированная подготовка и обучение с использованием качественных программ подготовки. Для создания таких программ необходимо широко исследовать соответствующий опыт зарубежных стран. Исследователи из разных стран уже сделали немалый вклад в исследование многих аспектов функционирования и развития экспертной деятельности в области образования разных стран (С.Ю. Батышев, А.М. Новиков, В.А. Романов, Г.М. Романцев, В.А. Сластенин, В.А. Федоров, Э.Ф. Зеер, Н.В. Кузьмина, С.Б. Серяков, А.И. Субетто, Е.Г. Юдин и др.).

Подготовку экспертов в области образования в зарубежных странах осуществляют учреждения, которые сопровождают процесс развития образования. Так, в Европе таким учреждением является Европейская Сеть (национальных) агентств гарантии качества образования – Европейская ассоциация по обеспечению качества в высшем образовании; в США – Институт политики в области высшего образования и Американское общество по контролю качества; в Великобритании – Агентство обеспечения качества высшего образования и Институт обеспечения качества Великобритании. В отличие от Европы и Америки, в Российской Федерации подготовку экспертов обеспечивают на базе университетов, которые и реализуют программы подготовки специалистов-

экспертов в организациях разных уровней (федеральные, муниципальные, региональные) [6,10].

Изучение имеющихся квалификаций системы высшего образования дает возможность сделать вывод, что подготовка в самих учреждениях высшего образования специалистов таких квалификаций, как «ведущий консультант по вопросам развития системы образования» и «эксперт в области образования» не ведется. Однако существует общепринятая практика подготовки таких специалистов в организациях, которые проводят исследования по вопросам оценки качества уровня образования. Примером может послужить деятельность такой организации как Европейская сеть агентств гарантии качества образования. Подготовка экспертов на её базе проводится в виде отдельных семинаров, которые знакомят будущих специалистов с тенденциями развития как национальной, так и общеевропейской систем образования. На семинарах акцентируется внимание на [7,12]:

- анализе и понимании специфики процесса работы эксперта;
- содержании экспертного отчета;
- умении применять результат проведенной экспертизы.

По итогам освоения Программы будущие эксперты системы образования смогут:

- различать образовательные результаты разных субъектов образовательного процесса;
- различать оценочные инструменты, оценочные процедуры и формы фиксации результатов оценочных процедур;
- проводить экспертную оценку образовательного процесса, условий и образовательных результатов, а также формулировать рекомендации по

исправлению выявленных недостатков в сторону усиления эффективности и качества общего образования;

- различать инспекцию и экспертизу, контроль и оценку, контроль и надзор, контроль и проверку как разное по отношению к деятельности образовательных организаций и их субъектов;
- построить программу действий эксперта в области оценки образовательной организации и ее субъектов;
- спроектировать и апробировать рабочую технологическую карту реализации системы оценки результатов и качества образования;
- проводить интерпретацию полученных данных в ходе различных оценочных процедур и на их основе составлять аналитические записки с целью дальнейшей коррекционной деятельности субъектов образовательной деятельности;
- составлять экспертные заключения на основе полученных данных в ходе оценочных процедур;
- получить образцы современных контрольно-измерительных материалов для оценки образовательных результатов 21 века;
- освоить информационно-образовательную среду адекватную для построения эффективной системы школьной оценки качества образования;
- получить опыт проведения образовательного аудита с целью экспертной оценки школьной системы оценки качества образования своей образовательной организации.

По итогам обучения участники освоения программы подготовки экспертов системы образования получают документ соответствующего образца с записью в документе «специалист в области оценки результатов и качества высшего образования».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Н.Г. Принципы и критерии экспертизы программ развития образования / Н.Г. Алексеев // Вопросы методологии. – 1994. – № 1–2. – С. 59–68.
2. Боднар, О.С. Подготовка экспертов по оценке деятельности научно-методических учреждений и общеобразовательных учебных организаций в сфере методического менеджмента: [тематический сборник работ] / О.С. Боднар. – Ровно: РОІППО, 2014. – 118 с.
3. Братченко, С.Л. Мир экспертизы и его возможные координаты / С.Л. Братченко // Экспертиза образовательных инноваций / Под ред. Г.Н. Прокументовой. – Томск: Томский государственный университет, 2007. – С. 31–45.
4. Горбатов, Д.С. Практикум по психологическому исследованию / Д.С. Горбатов. – Самара: БАХРАХ-М, 2000. – 248 с.
5. Кремень, В.Г. Философия национальной идеи. Человек. Образование. Социум. / В.Г. Кремень. – М.: Грамота, 2007. – 494 с.
6. Кучер, С.Н. Организационно-педагогические условия подготовки экспертов в системе дополнительного профессионального образования : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Кучер Сергей Николаевич. – Барнаул, 2009. – 181 с.
7. Перинов, С.Б. Подготовка образовательных экспертов в современной России: основные подходы / С.Б. Перинов // Профессиональное образование. – 2013. – № 10. – С. 3–5.
8. Arra. Report 2006. Evaluation of public universities and their faculties. Bratislava, 2006.
9. Ball, H., 2012. Rational humanism as a form of humanism corresponding to the challenges of modern times. In: professional education: pedagogy and psychology. Chenstokhova-Kyiv (93-108). ISSN 2083-2753.
10. Cooper D., Robertson I., Tingly G. Selection and recruitment of the personnel: technologies of testing and evaluation. - М.: LLC «Vershina», 2005.

11. Court, S (2007) 'Reshaping academic work and the academic workforce in the UK', paper presented at SRHE Conference, 11–13 December, Brighton.
12. Fooler S.R, Huber V.L. Selection and recruitment of personnel // Human resources management / Under edit. Of M.Pool, M.Wardner.- SPb.: Piter, 2000. p. 846 – 861.
13. Frederickson, B.L. (2013) Positive emotions broaden and build, *Advances in Experimental Psychology* 47, 1-54.
14. Ilyin E.P. Differentiated psychology of professional activity. — SPb.: Piter, 2008.
15. Reichert, Sybille. Research Strategy Development Development and Management at European Universities. Brussels: EJA Publications, 2006. <http://www.eua.be/index.php?id=128#c400>.
16. Shelldrake J. Management theory: From Taylorism to Japanization- SPb.: Piter, 2001.
17. Slovak Government (2007): Návrh Inovačnej stratégie SR na roky 2007 a? 2013 - upravené nové znenie (Proposal for the Slovak Innovation Strategy for period 2004–2013 – amended text), Bratislava, 14th March 2007. Reported on the European Commission's Website: <http://www.proinnoeurope.eu/index.cfm?fuseaction=nwev.NewsReader&news=72&lang=EN&ParentID=52&topicID=117>
18. Spenser L.M., Spenser S.M. Competencies at work. - M.: Hippo, 2005.
19. Tatur, Y.G. (2004). Competence in the structure of the quality model of training of specialists. *Higher education today*, 3, 20-26.
20. Toloček V.A. Professional selection and psychological tests. - M.: SO «Bayard», 2007.

© Гинзбург Денис Александрович (ginzburg@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт Новых Образовательных Систем

МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ДЕТЕЙ-СИРОТ

METHODS OF PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF EMOTIONAL STATES OF ORPHANED CHILDREN

**A. Igovskaya
V. Akhmetova**

Summary: The article is devoted to the methods of psychological correction of emotional States of orphans. The features of the deprivation social situation of the development of children and adolescents in residential institutions are revealed. The features of the emotional development of orphaned children, which are based on parental deprivation, are described. Methods of psychological correction of emotional States of teenagers brought up in residential institutions are substantiated. The effectiveness of individual and group methods of psychological correction of emotional States of adolescents brought up in residential institutions within the framework of comprehensive support programs is shown.

Keywords: orphanhood, deprivation, pathological emotional reactions, psychological correction.

Иговская Анна Станиславовна

к.м.н.; доцент, Российский университет дружбы народов
igovskaya@gmail.com

Ахметова Валерия Валерьевна

к.м.н., доцент, Российский университет дружбы народов
lera-axmetova@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена вопросам методов психологической коррекции эмоциональных состояний детей-сирот. Раскрыты особенности депривационной социальной ситуации развития детей и подростков в учреждениях интернатного типа. Описаны особенности эмоционального развития детей-сирот, в основе которых лежит родительская депривация. Обоснованы методы психологической коррекции эмоциональных состояний подростков, воспитывающихся в интернатных учреждениях. Показана эффективность индивидуальных и групповых методов психологической коррекции патологических эмоциональных реакций подростков, воспитывающихся в интернатных учреждениях, в рамках комплексных программ сопровождения.

Ключевые слова: сиротство, депривация, патологические эмоциональные реакции, психологическая коррекция.

Проблема оказания эффективной психологической помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, остается актуальной проблемой психологической теории и практики. Особое значение данная проблема приобретает для подростков-сирот и лишенных родительского попечения, которые находятся в учреждениях интернатного типа. Дети-сироты и дети, лишенные родительского попечения, характеризуются рядом нарушений психосоциального развития, которые, в первую очередь, связаны с депривационной социальной ситуацией развития. Депривационная социальная ситуация развития определяется как особые условия жизнедеятельности ребенка, отражающие невозможность удовлетворения основных биологических и социальных потребностей, что приводит к специфическим расстройствам развития личности [5, с. 45]. В русле теории депривации появился новый термин «синдром сиротства», который отражает многообразные депрессивные реакции, нарушения развития навыков общения, речи, моторики у детей, потерявших родителей. В раннем детском возрасте эмоциональная депривация приводит к характерным нарушениям раннего развития, которые проявляются в отставании психического и речевого развития, в недостаточном развитии тонкой моторики и мимики. В дошкольном возрасте появляются эмоциональные нарушения в виде общей

сглаженности эмоций и чувств при склонности к страхам и тревоге; поведенческие отклонения в форме частых реакций активного и пассивного протеста, недостатка чувства дистанции в общении или, наоборот, затруднения при общении [6].

Специфические расстройства эмоциональной сферы наблюдаются у детей и подростков, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа. У детей и подростков данной категории понижается общий психический тонус, нарушаются процессы саморегуляции, доминирует пониженное настроение, формируются чувства тревоги и неуверенности в себе, пропадает заинтересованное отношение к окружающему миру. Ухудшается эмоциональная регуляция, эмоционально-познавательные взаимодействия, тормозится интеллектуальное развитие. Качественно иную форму имеет и развитие самооценки и всех аспектов «Я», то есть представления о себе, отношения к себе, образа «Я». Низкая самооценка, характерная для воспитанников интернатных учреждений, является основой формирования личностных отклонений и невротических расстройств [6]. Согласно исследованию Т.И. Шульги, дети-сироты, чаще, чем их сверстники из семей, обладают низким уровнем эмпатии, низким уровнем эмоционального и социального интеллекта [7]. За рубежом исследователями показано, что дети и под-

ростки, живущие в детских домах, имеют более высокие уровни тревожно-депрессивных расстройств, отличаются чрезмерной чувствительностью к критике, склонностью к поведенческим и соматическим расстройствам [8].

Итак, у подростков, воспитывающихся в детских домах, адаптационные возможности ниже по сравнению со сверстниками, воспитывающимися в семьях, что демонстрирует высокий риск социально-психологической дезадаптации. Подростки с низкими адаптивными показателями характеризуются выраженными эмоциональными реакциями тревожно-астенического спектра. Основными показателями перехода эмоциональных реакций в патологические являются распространение реакции за пределы той микросреды, где они возникли, присоединение невротических расстройств, которые проявляются в колебаниях настроения, раздражительности, в истощенности, в нарушении сна, в соматовегетативных расстройствах.

Описанные особенности эмоционального развития подростков и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа, вызывают необходимость проведения психологической коррекции в процессе их психосоциального развития. Психологическая коррекция определяется как «особый вид психологической помощи, систему психологических и психотерапевтических воздействий, целью которых является предупреждение и преодоление отклонений в психическом развитии, обусловленных как внутренней спецификой психического дизонтогенеза, так и средовыми факторами» [4, с. 25].

Сегодня в практике оказания психологической помощи детям и подросткам, воспитывающимся в учреждениях интернатного типа, реализуются комплексные программы психолого-педагогического сопровождения, которые отличаются, как по содержанию, так и по используемым методам коррекционного воздействия. Перечень возможных психологических программ сопровождения детей-сирот, включающих вариативные коррекционные формы и методы работы, представлен в исследовании С.В. Лактионовой. К ним относятся программы личностного роста, коммуникативной компетентности, формирования лидерства, формирования толерантности, эффективного взаимодействия, коррекции отклоняющегося поведения, коррекции агрессивности, формирования здорового образа жизни, развития эмоциональной устойчивости и др. [2].

В самом общем виде в комплексных программах пси-

холого-педагогического сопровождения детей-сирот выделяют профилактическое, диагностическое, коррекционно-развивающее, реабилитационное и консультативное направления работы. Описывая диагностическое и коррекционно-развивающее направления деятельности специалистов, В.Н. Гуров, В.Ф. Вишняков, отмечают необходимость проведения психологического обследования каждого воспитанника с целью мониторинга развития, прогнозирования девиаций и разработки индивидуальных коррекционно-развивающих программ, включающих психотерапевтическую помощь, направленных на коррекцию и развитие личности ребенка [1].

В этой связи интерес вызывают используемые в комплексных программах сопровождения методы психологической коррекции эмоциональных патологических реакций у детей и подростков, воспитывающихся в интернатных учреждениях. Выбор коррекционных методов зависит от многих факторов и, прежде всего, от характера эмоциональных расстройств, причин их возникновения и индивидуальных особенностей детей и подростков, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа. Эффективными методами психологической коррекции являются методы арт-терапии, рисуночные техники, арт-терапевтические техники «масок», фитотерапии [3]. Показали свою эффективность и групповые методы коррекции в форме коррекционно-развивающих занятий и психологических тренингов, индивидуальные психологические консультации с применением вариативных приемов и методов психокоррекции: арт-терапии, телесной терапии, гештальтпсихологии, рациональной терапии.

С целью мониторинга результативности используемых методов психологической коррекции в рамках комплексных программ сопровождения подростков, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа, было проведено исследование динамики эмоциональных состояний в ходе реализации программ. Мониторинг эмоциональных состояний проводился в 2016-2019 г. на базе Черновского детского дома-школы, на базе ГОУ № 1, 2, 3, 5 для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Забайкальский край, г. Чита среди воспитанников подросткового возраста от 12 до 17 лет. Результаты исследования показали, что внедрение индивидуальных и групповых методов коррекции эмоциональных состояний в форме индивидуальных программ сопровождения, коррекционно-развивающих занятий и психологических тренингов способствуют снижению тревожности, враждебности, конфликтности и гармонизации эмоционального фона настроения у подростков, воспитывающихся в интернатных учреждениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуров В.Н. Реформирование системы обеспечения жизнедеятельности, воспитания и обучения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / В.Н. Гуров, В.Ф. Вишняков. Ставрополь, 2003. - С. 42-44.
2. Лактионова С.В. Социально-профессиональная адаптация выпускников сиротских учреждений: дис. ... кандидата педагогических наук. - Санкт-Петербург, 2008. - 235 с.
3. Лебедева Л.Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. - СПб.: Речь, 2003. - 256 с.
4. Слюсарева Е.С. Психологическая готовность специального психолога к психокоррекционной работе с детьми: монография. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. – 152 с.
5. Социально-педагогические технологии семейного устройства и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Учеб.-метод. пособие / Под ред. Г.И. Климантовой. – М.: Изд-во РГСУ, 2008. – 192 с.
6. Толстых Н.Н., Прихожан А.М. Работа психолога в учреждениях интернатного типа для детей, оставшихся без попечения родителей. // Психологическая наука и образование. - 2009. - № 3. - С. 5-12.
7. Шульга Т.И. Социально-психологические проблемы выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. №3. С. 68–75.
8. Simsek Z., Erol N., Oztop D., Munir K. Prevalence and predictors of emotional and behavioral problems reported by teachers among institutionally reared children and adolescents in Turkish orphanages compared with community controls // Children and Youth Services Review. - 2007. - Vol. 29 (7). - P. 883-889.

© Иговская Анна Станиславовна (igovskaya@gmail.com), Ахметова Валерия Валерьевна (lera-ahmetova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОУЧИНГ: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ

Мачуха Александр Михайлович

Соискатель, Южный федеральный университет
aleksandrinfo@bk.ru

Васильева Ольга Семеновна

К.б.н., профессор, Южный федеральный университет
vos@sfedu.ru

COACHING: A BRIEF HISTORY AND OPPORTUNITIES

**A. Machukha
O. Vasilyeva**

Summary: The article analyzes coaching as a phenomenon that not only acts as a new direction of psychological counseling, actively using modern psychotechnology's focused on the effective achievement of the intended goals, but also a phenomenon that has received wide application, going beyond counseling, combining the concepts of various psychological schools and directions in a single content. The study reveals the distinctive features of coaching in the context of helping a person to solve their own problems, as well as presents opportunities for building individual trajectories of human development through coaching. Deep analysis presented in the information sources data allowed to identify the possibility of coaching in the organization of subject-subject interaction profiling of active position of the learner, presenting it in an innovative mentoring, contributing to develop a person's own position in life, goals, objectives and plans with partnerships in the provision of the right of choice in making decisions and in terms of acceptance of responsibility for the choice. The study focuses on the consideration of the basis of the specifics of organizational coaching, which provides an opportunity to create a new system of non-financial motivation of personnel. The results of the study can be useful for specialists in various fields and spheres of human life.

Keywords: coaching, opportunities, importance of application, the same content, concepts, personality.

Аннотация: В статье осуществлен анализ коучинга как явления не только выступающего в качестве нового направление психологического консультирования, активно использующего современными психотехнологиями, ориентированными на эффективное достижение намеченных целей, но и феномена, получившего широкое прикладное применение, выходящего за рамки консультирования, объединяя в единой содержание концепции различных психологических школ и направлений. В ходе исследования выявлены отличительные особенности коучинга в контексте помощи человеку в его собственном решении проблемы, а также представлены возможности посредством коучинга выстраивания индивидуальных траекторий развития человека. Глубокий анализ, представленных в информационных источниках данных позволил выделить возможности коучинга в организации субъект-субъектного взаимодействия с профилированием активной позиции у обучаемого, представив его в виде инновационного вида наставничества, способствующего выработки у человека собственной жизненной позиции, целей, задач и планов при партнерских отношений, при предоставлении права выбора в принятии решений и в условиях принятия им ответственности за производимый выбор. В исследовании акцентировано внимание на рассмотрении основы специфики организационного коучинга, предоставляющей возможность создать создает систему нефинансовой мотивации персонала. Результаты исследования могут быть полезны для специалистов различных областей и сфер жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: коучинг, возможности, прикладное значение, единое содержание концепций, личность.

Введение

Необходимо признать, что наша попытка решить вопрос, является ли коучинг направлением психологии или педагогики, не увенчалась успехом: обращение к анналам Сети «вываливает» множество информации, очень позитивно описывающей явление коучинга, и здесь также говорится, что «коучинг – новое направление психологического консультирования, использующее современные психотехнологии, ориентированные на эффективное достижение намеченных целей. Хотя на самом деле коучинг нечто большее, чем консультирование» [9]. Отцом-основателем современного персонального (лайф) коучинга называется Томас Дж. Леонард (1955-2003 гг.), дававший в начале своей карьеры людям консультации по финансовым вопросам [19], а позже «объединивший бизнес, психологические, философские, спортивные и духовные концепции для создания процесса развития людей и в личной, и в профессиональной сфере» [8].

Мы не беремся отражать свое мнение по поводу конкретной принадлежности коучинга к той или иной области человекознания (философия, психология, педагогика), но заметим, что в настоящее время он получил широкое прикладное применение (менеджмент, образование, психология личностного роста, акмеология и др.; разрабатываются модели коучинга в медицине, образовании, спорте, работе с детьми дошкольного возраста, ведении бизнеса и пр.) и сферы его применения растут. Одним из «осевых» девизов коучинга в образовании является «коучинг не учит, он помогает учиться», т.е. открывать человеку самого себя, свои резервы и возможности, что разительно отличает его от большинства методов психологии и психотерапии: коучинг не ориентирован на анализ прошлого, но «настроен» на поиск внутренней мотивации быть ориентированным в будущее [10].

Особенностью современной психологии является стремление соединить в сколь «сводимое» единое со-

держание концепций различных психологических школ и направлений, а также «заимствование» и развитие ею аспектов понимания человека из философии, социологии, но, также, в силу сложности и многоаспектности и самой человеческой жизни, и человека как специфического явления особенностей его отношений в мире экономики, политики и т.д. При этом «формальную» психологию как науку о «душе» (психическом) все более обогащают идеи, развиваемые в изначально отличных от нее областях человекознания – лингвистики и программирования (Дж. Гриндер – профессор лингвистики, Р. Бэндлер – математик и программист – основатели нейро-лингвистического программирования, имеющего неоднозначный отклик в классической науке), культурологии и философии (М. Де Серто, М. Оже, З. Бауман и др. – развитие идеи «не-места» и представления, в частности, об аде как преимущественно о женском и рае как о преимущественно мужском [17]; понимание трансового с измененным состоянием сознания характера многих религиозных практик [13, 18]) и др.

Неоспоримым фактом в познании человеком и мира, и себя, является то, что мы вынуждены производить это познание ценой опыта, иногда ошибочного и болезненного, и многое, если не большинство, здесь начинается с того, что человек сначала делает, а потом понимает смысл сделанного. Фактом является и то, что человек лучше понимает то, что он сделал сам, нежели то, что ему задано (можно сказать «свыше», но можно употребить и другой термин – «природой»). Социальные явления и отношения «заданы» (или «задаваемы») прежде всего самим человеком (человечеством), но и в них очень много неосознаваемого, «теряемого» в истории и культуре, имеющего потаенный смысл и пр. Очень часто человек не предумышленно совершает ошибки в своем развитии, но заблуждается. Однако силу своего заблуждения или же близости к истине человек в большинстве случаев может проверить лишь опытным путем, а это требует времени. Точно также и с новыми явлениями, к которым мы бы хотели отнести и коучинг, эффективность которого уже сейчас признается не только заинтересованными в его продвижении коучами, но и их последователями. Попробуем разобраться в самом явлении коучинга.

Слово «коучинг», полностью укорененное в английском языке и образованное от «коуч» – тележка, экипаж, карета, но заимствованное из венгерского «коча» – конная тележка, повозка, позже стало обозначать «тренировку», «репетиторство», «наставничество», и, в начале, обозначало осуществление помощи студентам в подготовке к экзаменам, и более всего оно нашло свое первоначальное укоренение в спорте, где его первое упоминание принадлежит педагогу-теоретику Гарварда Тимоти Геллуэю (или Голви, Геллвей, родившемуся в 1938 г. и ныне здравствующему), употребившему вместе со словом «коучинг» понятие «внутреннего исследова-

теля» и подразумевавшего под ним душевное состояние спортсмена [5]. Ему же принадлежит и столь цитируемая фраза о том, что «коучинг не учит, а помогает учиться». Основная идея работы состоит в настрое спортсмена «победить своего внутреннего врага» – страхи, комплексы, внутренние ограничения, что во многом и является залогом победы над соперником. Таким образом, по Г.Т. Геллуэю коучинг призван максимально раскрыть потенциал человека, что и позволяет существенно расширить его собственную эффективность.

Считается, что неоценимый вклад в современный коучинг внес Т. Дж. Леонард, организовавший в 1992 г. первый и пока еще (на 2017 г.) самый крупный Университет коучей. Написанная Джоном Уитмором книга «Коучинг высокой эффективности» предварила дорогу коучингу в России [16]. Первым появлением коучинга в России называется 1998 г., когда первая обучающая программа стартовала в Московском филиале Международного Эриксоновского Университета Коучинга [3]. В 2003 г. было фиксировано более 30 компаний, предоставляющих услуги коучинга, и, собственно, пик развития коучинга в России пришелся в основном на первое десятилетие XXI века, хотя и в настоящее время он продолжает активно развиваться [14]. Так по данным Е.И. Гаврилова [3] в 2017 г. в Москве было зафиксировано 497 компаний, использующих коучинг в своей работе, в Санкт-Петербурге 389, в Новосибирске 424, в Красноярске 186, в Омской области 123. Однако следует признать, что распространенность коучинга в России оставляет желать лучшего: так по данным М.В. Гуцала [4] (Кузбасский госуниверситет) число коучей в США на 2004 г. в пересчете на одного жителя страны приходилось 1 коуч на 1000 человек (т.е. в США это такое же обычное явление, как и обращение к врачу или адвокату; в США благодаря работе Международной Федерации коучей эта профессия с 2001 г. признана официальной [6]), однако в России такое соотношение для коучей к числу жителей в 100 раз меньше.

М.В. Гуцал [4] считает возможным принципиально выделить два основных вида коучинга – лайф-коучинг, реализуемый при работе с личными целями человека (в т.ч. и «карьерный коучинг»), и ставящий целью развитие профэффективности бизнес-коучинг.

Выделяется также построенная на опыте западных компаний условная классификация разновидностей коучинга:

- коучинг для руководителей, ориентированный на организацию благоприятных условий для взаимодействия звеньев «руководитель-подчиненный»;
- коучинг-наставничество (менторинг), ориентированный на «возвращение» опытных топ-менеджеров из молодых в той или иной мере талантливых молодых сотрудников;
- внешний персональный коучинг как форма коуч-

сопровождения персонального клиента (чаще – руководителя) в виде проводимых индивидуальных сессий;

- аналогичный предыдущему, но проводимый внутри консультируемой компании с ее членами внутренинний персональный коучинг;
- групповой коучинг (фактически тренинг) по решению назревших и актуальных внутригрупповых задач;
- коучинг функционального состава организации со специальным для конкретной области (менеджмент, финансы и др.) обучением персонала;
- коучинг отдельных проектов, например, при создании рабочей группы;
- системный коучинг, аналогичный групповому, но реализуемый с лицами, имеющими между собой прочные системные связи (проводится с целью их укрепления и отладки взаимодействия) [4].

В.Г. Ванькина и Т.О. Сундукова [2] считают необходимым провести определенные разграничения для коммуникативных обучающих технологий, отличающихся своей различной структурированностью (наиболее высокая для тренинга, далее – для фасилитации, и меньшая – для коучинга и самая низкая для менторинга), которые используют различные ведущие, порой их не слишком отличая друг от друга.

Проводимый как индивидуально так и в группе *тренинг* предполагает процесс передачи знаний от ведущего (опытного преподавателя) ведомым (обучаемым) с целью освоения новых знаний и навыков, расширения кругозора, улучшения поведенческих тактик, поиска новых сфер применения имеющимся навыкам, и здесь особое место имеют профессиональный инструктаж и уделение внимания практическим занятиям. Таким образом, тренинг прежде всего ориентирован на приобретение и реализацию нового на практике.

Фасилитация ориентирована на процесс объединения людей в группы с целью добиться на практике желаемых результатов за счет построения эффективных моделей поведения во внутригрупповом взаимодействии, т.е. прежде всего, фасилитация реализует себя в создании ситуаций, стимулирующих у членов группы рефлексивное мышление (часто посредством постановки перед группой соответствующих, часто риторических, вопросов, необходимых для достижения лучших, и при этом, конкретных результатов).

В отличие от тренинга и фасилитации, а также и менторинга, *коучинг* считается самым персональным и конфиденциальным процессом обучения, что обусловлено, как минимум, двумя причинами. Это, во-первых, учет для каждого обучающегося индивидуального набора знаний, быстроты восприятия информации, степени об-

учаемости и стиля обучения; во-вторых, использование (приемлемость, возможность) результатов коучинга для декларации отзывов об особенностях обучаемого (его сильных и слабых сторонах). Хотя, в целом, результаты коучинга близки для всех остальных видов обучения – повышение эффективности деятельности. Коучинг является динамичным процессом, когда преподаватель обращает свое внимание и внимание обучаемого на усовершенствованные и требующие доработки модели поведения, что и формирует индивидуальное стратегическое изменение у клиента (развитие навыка в определенной области, усовершенствование деятельности в различных областях за счет открытия в себе ресурсов развития и нового личностного развития).

Менторинг же основан почти на фактическом «копировании» навыка при наблюдении обучаемого за обучающим, т.е. прежде всего он реализуется за счет технического развития навыка. Однако процесс менторинга гораздо шире и также включает в себя наставничество, опирающееся на совместимость и духовное родство учителя и ученика, их личную привязанность и заинтересованность общим делом.

Г.И. Коноплева и А.С. Борщенко [7] на примере организационного коучинга выделяют четыре стадии в моделировании его процесса. На первой стадии формулируется направление обучения и формируется описание его профессиональной компетентности, но здесь вопрос о коучинге вообще поднимается лишь тогда, когда сам обучаемый приходит к осознанию своей потребности в улучшении своей профессиональной деятельности. Вторая стадия называется авторами планированием системы ответственности, и на ней уточняется план личностного развития в ответах на ключевые вопросы: чего именно хотят достичь процессом коучинга, когда и как это будет происходить, и сроки начала и завершения процесса коучинга. Третья стадия посвящена непосредственно реализации процесса коучинга с применением соответствующих ситуации стилей. На четвертой стадии анализируются результаты и производятся выводы по плану личностного развития.

Е.А. Куренкова [11] в выделении этапов коучинга в образовании и всей системы его построения опирается на т.н. «коучинговую стрелу», предложенную М. Аткинсон, включающую в себя «вехи»: раппорт-контракт-создание опыта-действия, шага-ценность, благодарность.

На этапе раппорта как шага по созданию особых доверительных отношений коучер или преподаватель, использующий методы коучинга, акцентирует обучающихся не на их возможных неудачах, а создает у них максимально возможную установку на успех, и уже на этом этапе в свободном диалоге, без менторства, разъясняются ценности курса, выделенные для изучения

темы, обозначаются правила совместной работы. Коучинг является элементом обучения или особым подходом к организации и проведению учебного процесса, и в этой связи он может быть использован для большинства изучаемых вузовских дисциплин. Однако коучу необходимо иметь в виду, что каждое следующее занятие требует возобновления раппорта. На этапе контракта в (обязательной) форме диалога идет прояснение намеченных преподавателем целей, и здесь важно, чтобы коуч не просто заявил собственную позицию обучаемым, а буквально «подключил» их к намеченной цели, что позволяет связать цели коучинга с личной позицией обучаемых, активизировать их мотивацию по погружению в учебный материал. Для этого используются вопросы «пирамиды логических уровней Р. Дилтса»: «– Что есть? – Что я делаю? – Что я могу? Что умею? – Что для меня правильно? А что нет? Что для меня действительно ценно! – Кто Я? – За-чем я здесь?», либо идея «формата конечного результата» М. Аткинсон: «1) позитивная формулировка конечного результата либо цели; 2) над конечным результатом возможен личный контроль; 3) цель соответствует критериям SMART (конкретна, измерима, достижима, значима, определена по времени); 4) экологичность конечного результата (Как желаемый результат/цель повлияет на вас как личность?)» [11, с.100]. На этапе создания опыта могут быть использованы самые разные инструменты творческого поиска, анализа и решения проблемы, но главным здесь является упор на создание у обучаемого умения самостоятельно мыслить. Этап «действия или шагов» подразумевает осмысление применимости результатов на практике. Этап «ценности» или «благодарности» подразумевает анализ приобретенного с принесением благодарности обучаемых друг другу за приобретенный опыт взаимодействия, что создает условия осознания процесса обучения как полезного и лично значимого.

Одной из важных сторон технологии коучинга в высшем образовании Е.А. Куренкова [11] называет умение задавать сильные вопросы, способные приглашать к самоанализу, стимулировать поиск ответов и решений, помогать выстраивать логические и причинно-следственные связи, способствующие наиболее глубокому анализу учебной (и любой другой) ситуации. «Анализируя одну и ту же проблему с разных сторон, преподаватель осуществляет процесс управления идеями обучающихся путем расслабленно-строгого лидерства, через создание вдохновляющего инновационного видения. Следовательно, через коучинг в процессе обучения преподаватель и студент могут изменить отношение к заданным ситуациям» [11, с.100-101]. Другие способы организации эффективного взаимодействия с обучаемыми, по данным этого автора, состоят в эмпатическом и глубинном слушании. Но все усилия коуча могут оказаться напрасными, если обучаемый не готов возлагать на себя ответственность за свои результаты и ощущать

необходимость потребностей в изменениях.

Е.С. Ваваева [1] считает, что под коучингом в высшем образовании следует понимать:

- направленное на эффективное достижение профессионально значимых для студента целей системное педагогическое сопровождение, реализуемое по возможности большим по своему охвату профессионально подготовленных в сфере коучинга педагогических кадров вуза, благодаря чему у студента вырабатываются гибкость и адаптивность реагирования в изменяющихся сложных и конкурентных требованиях, предъявляемых профессией и рынком;
- осуществляемое со студентом коммуникативное партнерское взаимодействие, помогающее устранить барьеры и социальные стереотипы, обусловленные разницей знаний и социального положения, традиционно задаваемые неличностно ориентированной системой предоставления знаний;
- сочетание у студента непрерывных процессов профессионального образования и личностного развития, способствующее раскрытию личности студента с целью достижения им максимальных результатов;
- технологию, позволяющую в союзе коуча и студента пересмотреть последние свои проблемы развития и переместить из них в зону эффективности решений;
- технологию, также позволяющую студенту ориентироваться на поиск собственных решений в проблемной ситуации;
- модель субъект-субъектного взаимодействия, благодаря которой повышается уровень мотивации и ответственности как у студента, так и у самого преподавателя.

Анализируя представленные в литературе данные (Дж. Уитмор, Э. Парслоу, М. Рэй) Г.И. Коноплева и А.С. Борщенко [7] выделяют следующие принципы коучинга в организации (и мы считаем, что эти принципы могут быть перенесены фактически на все модели коучинга, реализуемые в группах):

- декларация веры в способности обучаемых, благодаря которой они и будут стремиться оправдать доверие через повышение собственной мотивации;
- учитывая взаимную связанность членов любой состоявшейся социальной группы, и, особенно, коллектива, используется принцип единства и взаимосвязи, благодаря которому член группы будет стремиться улучшить собственные результаты, т.к. его собственные достижения будут влиять на достижения группы;
- для общего достижения целей группы использу-

- ется принцип коммуникативного равенства;
- принцип отсутствия готовых решений стимулирует каждого из участников искать самостоятельные ответы на поставленные задачи;
 - каждый новый шаг сотрудника может находиться только в зоне его развития, что отвечает принципу поэтапного развития;
 - согласно принципа иерархичности развитие человека рассматривается как поэтапное, состоящее из трех уровней (этапов): на первом этапе может быть реализована лишь личная выгода человека, когда другие люди рассматриваются им или как враги, или как помощники; на втором этапе человек отождествляет собственные действия с действиями группы, и здесь с членами своей группы он пытается сотрудничать, а с членами других групп конкурировать; на третьем этапе человек максимально ориентирован на сотрудничество с другими людьми, и вся его деятельность направлена на благо других людей.

Согласно Т.А. Никитиной и М.А. Шаталиной могут быть выделены следующие теоретические и методологические основы коучинга: 1) Сократовские методы диалога Майевтика; 2) Психоаналитическая теория З. Фрейда; 3) Гуманистический подход в психотерапии (К. Роджерс, А. Маслоу); 4) Методики практикующих спортивных тренеров (Т. Голви); 5) Концепция эмоционального интеллекта (EQ) Д. Голдмана» [14, с.61].

Учитывая неоднозначность восприятия коучинга современной российской аудиторией, и, особенно, ее научной частью, Д.Ю. Титовой [15] была осуществлена попытка систематизировать сложившиеся у нас в стране подходы к пониманию этого явления через обыденное его восприятие прежде всего его участниками и «потребителей», а также в междисциплинарном его понимании.

Первый подход является развитием идей французского социолога Ж. Амадо, рассматривающего коучинг в качестве социального феномена, по сути статусно-атрибутивного для обеспеченных людей, как своего рода определенного вида психотерапии, как она была модной, особенно психоанализ, примерно во второй и третьей четверти (иногда и позже) XX столетия в США и Европе (вспомним, например, сцену на яхте в фильме, в отечественном его названии «В джазе только девушки», когда герой рассказывает героине Мерелин Монро «Сахарку» об испробованных методах своего лечения): преподносимый как разновидность психотерапии коучинг имеет свою популярность для определенного круга людей не только на Западе, но и в современной России, однако такой подход к коучингу не отражает его вкладов в процессы образования и менеджмента. В противовес взглядам П. Вильямса и Д. Дейвис, сближающих коучинг и психотерапию и фактически называющих коучинг раз-

новидностью последней, Д. Клаттербек дистанцирует коучинг не только с психотерапией, но и с наставничеством, а также и с психологическим консультированием, что составляет суть второго подхода к коучингу. Согласно Д. Клаттербеку коучинг отличен от наставничества, во-первых, большей кратковременностью участия в нем обеих сторон (обучающего и обучаемого), во-вторых тем, что и в наставничестве нередко приходится прибегать к сути проявлений коучинга, и это, по сути, его третье отличие: коучинг работает над конкретной задачей по совершенствованию отдельных навыков или характеристик личности. Наставничество же предполагает достаточно широкий спектр реализуемых ролей и зон воздействия, но может в отдельных случаях и проявлять себя в умении выслушать ученика и проявить к нему сочувствие. Но если в психологическом консультировании нередко даются конкретные советы, то в коучинге, и, нередко в наставничестве, стараются побудить ученика принять самостоятельное решение, однако если в коучинге это априорное правило, то в наставничестве допускается дать опирающийся на собственный опыт учителя совет.

Э. Грант выделяет ряд отличий коучинга от психотерапии: коучинг в отличие от психотерапии не имеет дела с людьми, имеющими психические нарушения или психологические проблемы, но ориентирован на лиц, не полностью удовлетворенных своей жизнью и стремящихся к достижению более высоких результатов; коучинг не ориентирован на поиск причин и выявление сложностей развития (преимущественная ориентация психотерапии на прошлое), но направлен на поиск решений (т.е. ориентирован в будущее); наконец, коучинг не занимается клиникой, как например, депрессия.

В третьем подходе делается попытка объединить в коучинге другие техники (или найти «мостики» между ними). Так Д. Клаттербек сближает коучинг с менторством через понятие ученичества, в котором осуществляется передача опыта и знаний от человека, как правило, более старшего по возрасту и более опытного. П. Вильмс и Д. Дэйвис видят в коучинге один из инструментов или понимают его в качестве одного из направлений психотерапии, но принципиально нового и ориентированного на обретение навыков добиваться реализации конкретных поставленных целей и желаний (лайф-коучинг).

Однако сама Д.Ю. Титова [15] считает, что все три перечисленных подхода являются заблуждениями в понимании коучинга: коучинг не может быть представлен в качестве составляющей процесса наставничества (Д. Клаттербек, О. Горшкова, Е. Бухаркова), т.к. это процессы разного уровня. Но также коучинг не может быть сопоставим и с психотерапией и психологическим консультированием, и это также процессы разного уровня, работающие и с разными проблемами, и с разными условиями

их возникновения и реализации.

С точки зрения автора (Д.Ю. Титовой) четвертое, появившееся в основном в рамках отечественных исследований понимание коучинга рассматривает его в качестве важного элемента, используемого в процессе обучения в высшей школе, и именно оно является наиболее перспективным для отечественной аудитории применения коучинга, но и здесь у разных специалистов имеются разночтения в понимании коучинга: «Одни специалисты говорят о тренингах «в стиле коучинг»; другие считают коуча по большей части советчиком, помощником, консультантом как в личностном, так и в профессиональном развитии; третьи рассматривают коучинг как личное тренерство и наставничество педагога; четвертые полагают, что коучинг – это своего рода психотерапия» [15, с.179].

И хотя статья этого автора (Д.Ю. Титова) увидела свет 10 лет назад, согласно нашему мнению ситуация с восприятием и пониманием значимости коучинга как явления, существенно облегчающего процессы обучения за счет повышения мотивации обучаемого, его интеллектуальной готовности решать стоящие задачи и активно принимать ответственность за свою жизнь, в нашей стране кардинально не изменилась, в то время как реальные возможности применения коучинга в образовании как средства, «помогающего учиться», де факто не только слабо применяются на практике, но, по нашему

мнению, и сильно недооценены.

Выводы

Отличительной особенностью коучинга является осуществление помощи человеку в его собственном решении проблемы, а не составление рекомендаций по ее решению, что позволяет говорить о коучинге как явлении, помогающем обучаемому выстроить его индивидуальную траекторию развития. Коучинг позволяет организовать субъект-субъектное взаимодействие с профилированием активной позиции у обучаемого. Отличительной особенностью коучинга от хорошо зарекомендовавшего себя в нашей стране наставничества является выработка у обучаемого собственной жизненной позиции, целей, задач и планов при сохранении важной для наставничества партнерских отношений, но вне системы реализации преподавателем, или, точнее, коучем, позиций менторства и директивного давления авторитета, и также вне использования системы подсказок и советов, но при предоставлении обучаемому права выбора в принятии решений и в условиях принятия им ответственности за производимый выбор.

Что касается основной специфики организационного коучинга, то оно, прежде всего, состоит в том, что коучинг создает систему нефинансовой мотивации персонала, что является очень важным дополнением, если в организации уже хорошо функционирует финансовая мотивация персонала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваваева Е.С. Коучинг как средство формирования коммуникативной успешности обучаемых. // Амурский научный вестник. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет. 2013. №1. С.25-31.
2. Ванькина Г.В., Сундукова Т.О. Тренинг, фасилитация, коучинг и менторинг в непрерывном образовании. // Электронное обучение в непрерывном образовании. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет. 2016. №1. С.648-655.
3. Гаврилов Е.И. Коучинг: основные направления в обучении (на примере Западной Сибири). // Молодежь третьего тысячелетия. Сборник научных статей. 2017. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. 2017. С.74-78.
4. Гуцал М.В. Бизнес-коучинг в России: перспективы развития. // Социальное и экономическое развитие: опыт, проблемы, перспективы. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический университет. 2012. №1. С.21-26.
5. Гэллвей Т. Внутренняя игра в теннисе. М.: Пэн. 1986. 230 с.
6. Каменская Н.В., Незамова О.А. Коучинг: теоретические аспекты. // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Материалы Международной научно-практической конференции. 2015. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет. 2015. С.139-141.
7. Коноплева Г.И., Борщенко А.С. Коучинг как современный подход к обучению и развитию персонала в организации. // Альманах современной науки и образования. Тамбов: ООО Издательство «Грамота». 2013. №5(72). С. 110-111.
8. Коучинг в действии URL: <http://www.lifecoach-online.ru/> (дата обращения 24.08.2020)
9. Коучинг. Часть 1 URL: <http://becmology.ru/blog/general/coaching01.htm> (дата обращения 24.08.2020)
10. Кузьмина О. Коучинг и психотерапия – в чем разница? // [Электронный источник] URL: <http://mpsy.ru/biblioteka/nashi-stati/kouching-i-psihoterapiya---v-chem-raznica.html> (дата обращения 24.08.2020)
11. Куренкова Е.А. Коучинг в высшем образовании: проблемы и перспективы. // Актуальные вопросы научной и научно-педагогической деятельности молодых ученых. Сборник научных трудов III Всероссийской заочной научно-практической конференции. 2016. М.: МГЛУ. 2016. С.99-103.
12. Куренкова Е.А. Коучинг как инструмент реализации аксиологического подхода в образовании. // Вестник Костромского государственного университета. Серия: педагогика, психология, социокинетика. 2017. Т.23. №3. С.11-12.

13. Лири Т., Стюарт М. Технологии изменения сознания в деструктивных культурах. Перевод с англ. Под ред. И. Митрофановой. СПб.: Экслибрис. 2002. 224 с.
14. Никитина Т.А., Шаталина М.А. Коучинг: условия применения и перспективы развития. // Известия Академии управления: теория, стратегия, инновации. Самара: Самарская академия государственного и муниципального управления. 2011. №3. С.60-64.
15. Титова Д.Ю. Коучинг: основные подходы к исследованию проблемы. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. №1. С.176-179.
16. Черняев А.А. Коучинг: сущность, история появления и развитие в России. // Научный поиск в современном мире. Сборник материалов XV Международной научно-практической конференции. 2017. – Махачкала: ООО «Апробация». 2017. С.132-134.
17. Шляков А.В. Рефлексия «не-места» в топологии социального пространства. // Человек. 2018. №5. С.166-173.
18. Ярославцева А.В. Измененные состояния сознания и нравственность: сходства экзистенциальных функций. // Манускрипт. Тамбов: Грамота. 2019. Т.12. Вып. 10. С.137.
19. 50 принципов коучинга от Томаса Леонарда URL: <http://icennosty.blogspot.com/> (дата обращения 24.08.2020).

© Мачуха Александр Михайлович (aleksandrinfo@bk.ru), Васильева Ольга Семеновна (vos@sfedu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СКЛОННОСТИ К КРИМИНАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ И МЕТОДЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL FACTORS OF PROPENSITY TO CRIMINAL BEHAVIOR AND METHODS OF THEIR STUDY

**E. Raspopin
M. Ryabova
V. Shalamov**

Summary: The aim of the work was to study the individual psychological characteristics of a person prone to criminal behavior, and the selection of psycho-diagnostic methods that are valid for their study. The study was based on the assumption that in personal terms, criminal behavior is caused by moral, intellectual and emotional-volitional decline in personality. In turn, to study them, it is necessary to combine tests developed in line with the objective, subjective and projective psycho-diagnostic approach. According to the results of the study, it was concluded that persons prone to criminal behavior are characterized by the following individual psychological characteristics: negative attitude to moral norms of behavior, low level of legal awareness; reducing the level of analytical and synthetic activity and the ability to generalize; emotional instability, increased aggressiveness and conflict, reduced behavioral control. In turn, psycho-diagnostic methods used in the course of the study can be recommended for their study.

Keywords: personality, criminal behavior, moral, intellectual, emotional and volitional sphere of personality, psychological diagnostics.

Распопин Евгений Владимирович

*К.псх.н., доцент, Уральский юридический институт МВД
России (Екатеринбург)
ev73@mail.ru*

Рябова Мария Геннадьевна

*К.псх.н., Уральский юридический институт МВД России
(Екатеринбург)
ryabina.mari@gmail.com*

Шаламов Вячеслав Викторович

*К.п.н., доцент, Уральский юридический институт МВД
России (Екатеринбург)
shvv6969@mail.ru*

Аннотация: Целью работы выступило изучение индивидуально-психологических особенностей личности, склонной к криминальному поведению, и подбор психодиагностических методик, валидных для их изучения. Исследование строилось на предположении о том, что в личностном плане криминальное поведение обусловлено морально-нравственным, интеллектуальным и эмоционально-волевым снижением личности. В свою очередь, для их изучения необходимо сочетать тесты, разработанные в русле объективного, субъективного и проективного психодиагностического подходов. По результатам исследования были сделаны выводы, согласно которым лицам, склонным к криминальному поведению, свойственны следующие индивидуально-психологические особенности: негативное отношение к морально-нравственным нормам поведения, низкий уровень правосознания; снижение уровня аналитико-синтетической деятельности и способности к обобщению; эмоциональная неустойчивость, повышенная агрессивность и конфликтность, сниженный поведенческий контроль. В свою очередь, для их изучения могут быть рекомендованы использованные в ходе исследования психодиагностические методики.

Ключевые слова: личность, криминальное поведение, морально-нравственная, интеллектуальная, эмоционально-волевая сфера личности, психологическая диагностика.

Введение

Проблема изучения склонности к криминальному поведению имеет большое значение в таких областях профессиональной деятельности психологов, как пенитенциарная психология и психологическое сопровождение служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

В области пенитенциарной психологии ведущее значение занимает изучение индивидуально-психологических особенностей личности осужденных с целью организации психолого-педагогической работы с этими лицами, прогноза и профилактики риска рецидивов

криминального поведения и т.д. Что касается психологического сопровождения сотрудников правоохранительных органов, то здесь на первый план выступают вопросы профессионально-психологического отбора кандидатов на службу, а также профилактики и коррекции профессиональной деформации сотрудников, которая нередко реализуется в различных формах противоправного поведения.

В свою очередь, для решения этих вопросов необходимо, во-первых, определить индивидуально-психологические особенности личности, склонной к криминальному поведению, и, во-вторых, определить набор психодиагностических методик, валидных для их изуче-

ния, что и выступило **целью** данного исследования.

Процедура и методы проведения исследования

Исследование строилось на предположении о том, что в личностном плане криминальное поведение обусловлено морально-нравственным, интеллектуальным и эмоционально-волевым снижением личности.

В свою очередь, для их изучения необходимо сочетать тесты, разработанные в русле объективного, субъективного и проективного подходов [2; с. 13]. Исходя из этого, был определен набор методик.

Для исследования морально-нравственных качеств личности использовались следующие психодиагностические методики:

1. Опросник отношения к морально-нравственным категориям и нормам поведения (ОМК) [6].
2. Методика изучения правосознания (ПС) [3].
3. Тест Сонди, такая его характеристика, как социальный индекс, который отражает уровень социальной нормативности поведения [7].

Для оценки интеллектуальных способностей использовались:

1. Субтест определения общих черт теста интеллекта Амтхауэра (IST) [8].
2. Методика исключения слов [5].

Эти методики моделируют мыслительные процессы анализа и синтеза, обобщения и абстрагирования.

Для изучения эмоционально-волевых и поведенческих особенностей личности были использованы:

1. Айзенка опросник личностный (EPI) [5]. Методика предназначена для оценки уровня экстраверсии и нейротизма.
2. Тест Сонди, такие его характеристики, как:
 - 1) коэффициент напряженности тенденций и процент симптоматических реакций, позволяющие оценить, насколько сдержанным или несдержанным является поведение испытуемого;
 - 2) сексуальный индекс, который позволяет оценить, насколько у испытуемого выражены типично мужские (жесткие, агрессивные) или женские (мягкие) черты характера и поведения;
 - 3) классы опасностей, которые отражают глубокие и устойчивые индивидуально-психологические качества личности испытуемого [7].
3. Опросник склонности к виктимному поведению. Предназначен для оценки склонности к реализации следующих форм виктимного поведения: 1) агрессивное поведение; 2) саморазрушительное

поведение; 3) гиперсоциальное поведение; 4) пассивное поведение; 5) некритичное поведение; 6) реализованная виктимность [4].

Изучение индивидуально-психологических особенностей личности, склонной к криминальному поведению, и отбор психодиагностических методик, пригодных для их изучения, осуществлялись по методу контрастных групп [1; с. 41]. В качестве таких групп были привлечены:

- 1) сотрудники правоохранительных органов. Эта группа рассматривалась как группа «нормы», поскольку служба в правоохранительных органах требует высокого уровня развития моральных, волевых и интеллектуальных качеств, и сотрудники проходят строгий профессионально-психологический отбор на соответствие этим требованиям;
- 2) осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях ФСИН России.

Объем выборки различался при обследовании по разным тестам, что было обусловлено объективными возможностями проведения исследования. В итоге, выборку составили:

- 1) по опроснику отношения к морально-нравственным категориям и нормам поведения – 520 сотрудников и 432 осужденных;
- 2) по методике изучения правосознания – 224 сотрудника и 202 осужденных;
- 3) по тесту Сонди, опроснику Айзенка и субтесту определения общих черт – 51 сотрудник и 52 осужденных;
- 4) по методике исключения слов и опроснику склонности к виктимному поведению – 198 сотрудников и 303 осужденных.

Таким образом, всего в исследовании приняли участие 993 сотрудника и 989 осужденных; общий объем составил 1982 испытуемых.

Представители данных групп проходили психологические тестирование, направленное на оценку их морально-нравственных, интеллектуальных и эмоционально-волевых качеств, после чего проводился сравнительный анализ полученных результатов между группами. Анализ проводился с помощью t-критерия Стьюдента (после проверки на нормальность распределения) и критерия Φ^* Фишера.

Результаты исследования и их обсуждение.

На первом этапе были изучены особенности морально-нравственной сферы испытуемых. Результаты сравнительного анализа показали, что для осужденных характерны более низкий уровень правосознания, отношения к морально-нравственным нормам поведения и

социальной нормативности поведения, чем для сотрудников (все различия значимы при $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$).

На втором этапе был проведен сравнительный анализ уровня интеллектуального развития между группами испытуемых. Здесь сотрудники показали более высокий уровень интеллекта, чем осужденные, как по субтесту определения общих черт ($p \leq 0,01$), так и по методике исключения слов ($p \leq 0,01$).

На третьем этапе были изучены особенности эмоционально-волевой сферы испытуемых.

При сравнении результатов по EPI было обнаружено, что осужденные имеют более высокий уровень нейротизма ($p \leq 0,01$). По шкале экстраверсии значимых различий обнаружено не было.

По результатам изучения виктимности были получены данные, согласно которым у осужденных выше уровень виктимности по всем шкалам опросника ($p \leq 0,01$). Исключение составили результаты по шкале склонности к гиперсоциальному поведению, которые оказались выше у сотрудников ($p \leq 0,05$), что, в целом, согласуется с той социальной ролью, которую они выполняют в обществе.

Наконец, по результатам теста Сонди были получены результаты, согласно которым у осужденных, по сравнению с сотрудниками, доминируют: класс Ss ($p \leq 0,01$) и подкласс Ss- ($p \leq 0,05$), которые выявляют агрессивные тенденции, и класс Schp- ($p \leq 0,05$), который выявляет черты подозрительности и проекции (приписывание собственных негативных переживаний и установок окружающим лицам). По другим показателям теста значимых различий не выявлено.

Далее представляется необходимым обсудить полученные по разным тестам результаты с точки зрения их психологического содержания и логической обоснованности.

Доминирующие у осужденных классы Ss- и Schp- могут нести в себе потенциальную опасность для окружающих, поскольку содержат в себе элемент деструктивности. Но, вместе с тем, эти реакции могут отражать не только агрессивность и подозрительность как устойчивые черты личности, но и ситуационно обусловленную защитную реакцию этой личности в ответ на условия отбывания наказания в местах лишения свободы.

То же самое можно сказать и о различиях по уровню нейротизма. Нейротизм выявляет склонность к эмоциональной неустойчивости, вспыльчивости, конфликтности, что может служить почвой для совершения противоправных действий, но напрямую криминальность не

предопределяет.

Интеллектуальное снижение, свойственное многим осужденным, также не носит явного оттенка криминальности. Проблема здесь состоит в том, что в широком смысле снижение умственных способностей отражает неумение человека адекватно оценивать различные жизненные ситуации, возникающие, в том числе, в правовом поле, его неспособность в полной мере осознавать последствия своих действий и поступков.

Поэтому классы опасностей, нейротизм и сниженный интеллект представляется корректным рассматривать в качестве дополнительных маркеров риска криминального поведения; для окончательного вывода о предрасположенности к криминальному поведению их недостаточно.

Что же касается различий по социальному индексу, то здесь есть весомые основания рассматривать низкие значения этого индекса в качестве признака склонности к криминальному поведению. Связано это с тем, что снижение индекса напрямую отражает асоциальную направленность личности испытуемого [7]. То же касается различий, выявленных по методикам изучения правосознания и отношения к моральным нормам поведения: низкие показатели, свойственные осужденным, указывают на их явное противопоставление себя закону, общечеловеческим ценностям и нормам поведения. Наконец, что касается повышенного уровня виктимности, свойственного осужденным, то этот признак также представляется криминально значимым, поскольку отражает предрасположенность этих лиц вовлекаться в негативные, криминально опасные ситуации и, кроме того, самим провоцировать возникновение таких ситуаций.

Выводы

Таким образом, лицам, склонным к криминальному поведению, свойственны следующие индивидуально-психологические особенности:

- 1) низкая социальная нормативность поведения, негативное отношение к нормам морали, низкий уровень правосознания;
- 2) снижение уровня аналитико-синтетической деятельности, способности к обобщению и абстрагированию;
- 3) нейротизм, эмоциональная неустойчивость, повышенная виктимность в форме агрессивного, саморазрушительного, пассивного и не критичного поведения.

В свою очередь, для их изучения могут быть рекомендованы использованные в ходе исследования психодиагностические методики. Маркерами риска криминального поведения по результатам этих методик выступают:

1. Основные маркеры:
 - а) низкий уровень отношения к моральным нормам поведения и низкий уровень правосознания по методикам ОМК и ПС;
 - б) низкий социальный индекс по тесту Сонди;
 - в) высокий уровень виктимности по опроснику склонности к виктимному поведению.
2. Дополнительные маркеры:
 - а) высокий уровень нейротизма по EPI;
 - б) низкий уровень интеллектуальных способностей по тестам определения общих черт и исключения слов (либо, в принципе, по любым другим релевантным тестам интеллекта);
 - в) классы опасностей Ss (Ss-) и Schp- по тесту Сонди.

Выбор методик для диагностики риска криминального поведения в каждом конкретном случае может подбираться психологом самостоятельно, в зависимости от конкретных ситуаций и стоящих перед ним задач. Но при этом рекомендуется придерживаться следующих правил:

- 1) набор методик должен охватывать и морально-нравственную, и интеллектуальную, и эмоционально-волевыми сферы личности;
- 2) в тестовую батарею должны входить методики, разработанные в рамках всех трех основных психодиагностических подходов: объективного, субъективного и проективного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб.: Питер, 2002. – 528 с.
2. Головина А.А. Диагностика склонности к противоправному поведению // Социальное и профессиональное поведение сотрудников полиции: оценка и измерение. – Уральский юридический институт МВД России, 2018. – С. 11-13.
3. Ермош В.О., Распопин Е.В. Методика изучения правосознания сотрудников органов внутренних дел // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2015. – № 1. – С. 124-129.
4. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы. – М.: Эксмо, 2006. – 1008 с.
5. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии: учебное пособие / Под общей ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. – СПб.: Питер, 2000. – 560 с.
6. Распопин Е.В., Ермош В.О. Методика изучения отношения к морально-нравственным категориям и нормам поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 4 (76). – С. 222-229.
7. Сонди Л. Глубинно-психологическая диагностика и ее применение в психопатологии, психосемантике, судебной психиатрии, криминологии, психофармакотерапии, профессиональном, семейном и подростковом консультировании, характерологии и этнологии: учебник экспериментальной диагностики влечений. – М.: Когито-Центр, 2005. – 557 с.
8. Тест структуры интеллекта Амтхауэра: учебно-методическое пособие / Сост. Ж.А. Балакшина, Т.В. Прохоренко. – СПб.: Речь, 2002. – 46 с.

© Распопин Евгений Владимирович (ev73@mail.ru), Рябова Мария Геннадьевна (ryabina.mari@gmail.com), Шаламов Вячеслав Викторович (shvv6969@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЮДЕЙ, ПРЕДРАСПОЛОЖЕННЫХ К ПАНИЧЕСКИМ АТАКАМ И ТРЕВОЖНЫМ РАССТРОЙСТВАМ

Семикова Ксения Владимировна

Старший преподаватель, Еврейский Университет,

г. Москва

k.semikova@chamesh.ru

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PEOPLE PREDISPOSED TO PANIC ATTACKS AND ANXIETY DISORDERS

K. Semikova

Summary: The article is devoted to the problem of panic attacks and anxiety disorders, compiled based on official original sources and publications in foreign media. The article discusses the relationship between the development of panic attacks and the level of autoaggression, aggressive and defensive position. Influence of disorders of emotion regulation on the development of panic attacks and stress tolerance. Features of the influence of birth injuries on the formation of panic attacks and aggression.

Keywords: panic, panic attacks, anxiety, distress tolerance, anxiety disorders, depression.

Аннотация: Статья посвящена проблеме панических атак и тревожных расстройств, составлена на основе официальных оригинальных источников и публикаций в зарубежных СМИ. В статье рассматривается взаимосвязь развития панических атак с уровнем аутоагрессии, агрессивно-защитной позицией. Влияние нарушений регуляции эмоций на проживание панических атак и стрессоустойчивости. Особенности влияния родовых травм на формирование панических атак и агрессии.

Ключевые слова: паника, панические атаки, тревожность, стрессоустойчивость, тревожное расстройство, депрессия.

Настоящая статья посвящена проблеме панических атак и тревожных расстройств, составлена на основе официальных оригинальных источников и публикаций в зарубежных СМИ и является частью исследовательского проекта автора на тему: «Психологические условия коррекции эмоциональной сферы людей, предрасположенных к паническим атакам».

Основу статьи составили публикации на сайтах ведущих мировых каналов и онлайн изданий, таких как Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology, BMC Psychiatry volume, International Journal of Cognitive Therapy, Cognitive Therapy and Research volume, Clinical Psychological Science - представляющие интерес для проводимого исследования.

При отборе материалов автор придерживался следующих принципов и критериев: соответствие тематике научной работы, новизна, практическая значимость

Актуальность темы обусловлена нарастающими нагрузками на нервную систему и психику современного человека, которые приводят к формированию эмоционального напряжения. Оно выступает одним из главных факторов развития различных психосоматических заболеваний. В настоящее время на первый план выходит забота о сохранении психического здоровья и формировании эффективных способов преодоления деструктив-

ных эмоциональных состояний современными методами коррекции.

Нарастающие нагрузки на нервную систему и психику современного человека приводят к формированию эмоционального напряжения, которое выступает одним из главных факторов развития различных психосоматических заболеваний. В настоящее время на первый план выходит забота о сохранении психического здоровья и формирования эффективных способов преодоления деструктивных эмоциональных состояний современными методами коррекции.

Тревожно-фобические расстройства относятся к наиболее распространенным формам пограничной психической патологии; ими страдает до 6% населения. В последнее время в медицине и психологии возрос интерес исследователей к данным состояниям, среди которых особое внимание привлекают панические расстройства, наиболее ярким и драматичным проявлением которых являются панические атаки. Этот интерес определяется негативным влиянием панических расстройств на качество жизни и социальную адаптацию, низкой эффективностью существующих методов диагностики и лечения этих состояний.

По данным, как российских, так и зарубежных ученых, панические расстройства встречаются у 1,5-3%

взрослого населения.

Изучение панических расстройств свидетельствует о том, что многие аспекты этой важной проблемы все еще далеки от своего разрешения. До настоящего времени нет единства в терминологическом обозначении панических расстройств, существует множество способов коррекции, неясны причины формирования данных расстройств.

Панические атаки или вегетативный криз – представляет собой рационально необъяснимый практически неконтролируемый, и, как бы, случайный приступ тревоги, сопровождаемый страхом вместе с различными соматическими проявлениями: онемение отдельных участков тела или всего тела, дрожь, заторможенность реакций и прочие симптомы. Любопытным является тот факт, что страх часто, но не всегда, является не предметным, то есть скорее речь идет о переживании беспричинной тревоги крайне высокой интенсивности.

Отечественные исследователи традиционно квалифицируют панические расстройства как синдром, встречающийся при различных психических заболеваниях – шизофрении, маниакально-депрессивном психозе, неврозах, алкоголизме, а также в рамках синдрома соматоформной вегетативной дисфункции.

Важно отметить, что «паническая атака», практически никогда не является самостоятельным диагнозом, а является лишь одним из указателей на наличие какого-либо психологического, психического или физиологического расстройства и нередко входит в контекст того или иного психического расстройства и ряда сложных психологических состояний кризисного спектра.

Выделяют три основных разновидности панических атак:

1. Спонтанные панические атаки, возникающие неожиданно, без видимых причин;
2. Ситуационные панические атаки, спровоцированные переживаниями определенной психотравмирующей ситуации, либо же чувством её ожидания;
3. Условно-ситуационные панические атаки, возникающие чаще под действием биологического или химического стимула (прием алкоголя, перестройка гормонального фона при менструальном цикле).

В зарубежной литературе панические расстройства представлены на синдромальном уровне, в основном в связи с проблемой коморбидных состояний.

В данной работе панические атаки будут рассматриваться преимущественно с точки зрения психологии, как особый вид тревожного состояния (симиотомокомплекс

на основе переживания тревоги).

В контексте проблематики исследования анализировались зарубежные исследования в области психологического консультирования, клинической психологии и психотерапии, исследования природы тревожности и сопутствующих феноменов. Среди них: Andrew J. Baillie, Ronald M. Rapee. «Panic attacks as risk markers for mental disorders», Arthur Janov. «THE ORIGIN S OF AN XIETY, PANIC AND RAGE ATTACKS», Claire M Kelly 1, Anthony F Jorm, Betty A Kitchener. «Development of mental health first aid guidelines for panic attacks: a Delphi study», Gulay Oguz, Zekiye Celikbas, Sedat Batmaz, Saime Cagli1, Mehmet Zihni Sungur. «Comparison Between Obsessive Compulsive Disorder and Panic Disorder on Metacognitive Beliefs, Emotional Schemas, and Cognitive Flexibility», Kirsten A. Johnson, Erin C. Berenz, Michael J. Zvolensky. «Nonclinical Panic Attack History and Anxiety Sensitivity: Testing the Differential Moderating Role of Self-Report and Behavioral Indices of Distress Tolerance», Lynne Lieberman, Stephanie M Gorka, Stewart A Shankman, K Luan Phan. «Impact of Panic on Psychophysiological and Neural Reactivity to Unpredictable Threat in Depression and Anxiety», Matthew T. Tull. «Extending an Anxiety Sensitivity Model of Uncued Panic Attack Frequency and Symptom Severity: The Role of Emotion Dysregulation»

В настоящее время тема панических атак очень актуальна. Заболевание как правило начинается остро и быстро хронифицируется, вызывая значительную социальную дезадаптацию и снижение качества жизни. Панические атаки часто сочетается с другими формами психопатологии. У 30% больных паническими расстройствами отмечается депрессия, у 42% тревожные и соматоформные расстройства, в 34-58% случаев ПА сочетаются с алекситимией, в 68% - с агорафобией, которая значительно ограничивает социальную активность. Развивающееся ограничительное поведение препятствует профессиональной деятельности.

В результате анализа исследований, проведенных зарубежными учеными, можно сделать несколько выводов:

1. Слишком сильная тревога при непредсказуемой угрозе (U-threat) является основной чертой панического расстройства. При этом паническое расстройство характеризуется периодами острого страха, длительной тревоги и беспокойства между приступами паники. Анализ отдельных теоретических моделей панического расстройства показал, что слишком сильная тревога во время неопределенности при панической атаке увеличивает вероятность дополнительных атак. (Lynne Lieberman, Stephanie M Gorka, Stewart A Shankman, K Luan Phan, 2016).
2. Специфика развития панических атак связана

с уровнем аутоагрессии, агрессивно-защитной позицией по отношению к окружающему социальному пространству. (Andrew J. Baillie, Ronald M. Rapee, 2004).

3. Люди с обсессивно-компульсивным и паническим расстройством обладают меньшей когнитивной гибкостью, у них преобладают дисфункциональные метакогнитивные убеждения и отрицательные убеждения относительно эмоциональных схем. (GulayOguz ,Zekiye Celikbas, Sedat Batmaz, Saime Cagli1,Mehmet Zihni Sungur,2019).
4. При нарушении регуляции эмоций панические атаки и стресс переживаются тяжелее. Результаты исследования показывают, что нарушение регуляции эмоций может влиять на то, как люди оценивают симптомы, связанные с паникой (Matthew T. Tull, 2006).
5. Одной из причин панических атак и повышенной агрессии являются родовые травмы и образ жизни матери в период беременности. Например, применение анестетиков при родах приводит к формированию базового чувства недоверия к миру.

Во время утробной жизни депрессия или хроническая тревога у матери могут навредить ребенку. Если мать сидит на диете, то у ребенка может возникнуть рас-

стройство пищевого поведения. Если в утробе матери ребенок испытывал голод, то, у него остается страх голода и, он может передать.

Человек может не осознавать причин паники или агрессии, потому что они появились из-за родовых травм. Очень часто психотерапия не дает нужного эффекта из-за того, что не работает с первичными причинами страхов, фобий и агрессии. (Arthur Janov,2017).

Несмотря на то что проводится множество исследований на тему панических, тревожных расстройств, изучаются различные методики и их эффективность при лечении этих расстройств. До сих пор помощь, которая оказывается больным с паническими расстройствами недостаточно эффективна. Это связано во многом с редким использованием комплексного подхода к лечению, с отсутствием четко определенных критериев использования различных методов лечения. Часто лечение панических атак осуществляется без учета особенностей депрессивных состояний, в структуре тревожных расстройств.

Для успешного лечения панических атак и других тревожных расстройств требуется комплексный подход с изучением причин, факторов риска и прочих особенностей панических расстройств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Andrew J. Baillie, Ronald M. Rapee. Panic attacks as risk markers for mental disorders/Andrew J. Baillie, Ronald M. Rapee. — Текст : электронный // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology, 06 Oct., 2004. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00127-005-0892-3> //
2. ArthurJanov. THE ORIGIN S OF AN XIETY, PAN IC AND RAGE ATTACKS/Janov A. — Текст : электронный // Activitas Nervosa Superior volume, Feb.21,2017. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/BF03379596/>
3. Claire M Kelly 1, Anthony F Jorm, Betty A Kitchener. Development of mental health first aid guidelines for panic attacks: a Delphi study/ Claire M Kelly 1, Anthony F Jorm, Betty A Kitchener. — Текст : электронный // BMC Psychiatry volume 9, Aug. 10, 2009. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/BF03379596/>
4. Gulay Oguz, Zekiye Celikbas, Sedat Batmaz, Saime Cagli1,Mehmet Zihni Sungur. Comparison Between Obsessive Compulsive Disorder and Panic Disorder on Metacognitive Beliefs, Emotional Schemas, and Cognitive Flexibility/ Gulay Oguz,Zekiye Celikbas,Sedat Batmaz,Saime Cagli1,Mehmet Zihni Sungur. — Текст : электронный // International Journal of Cognitive Therapy, Jul. 09, 2019. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s41811-019-00047-5>
5. Kirsten A. Johnson, Erin C. Berenz, Michael J. Zvolensky. Nonclinical Panic Attack History and Anxiety Sensitivity: Testing the Differential Moderating Role of Self-Report and Behavioral Indices of Distress Tolerance/ Kirsten A. Johnson, Erin C. Berenz, Michael J. Zvolensky. — Текст : электронный // Cognitive Therapy and Research volume, Oct. 30, 2011. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10608-011-9410-y/>
6. Lynne Lieberman , Stephanie M Gorka , Stewart A Shankman , K Luan Phan . Impact of Panic on Psychophysiological and Neural Reactivity to Unpredictable Threat in Depression and Anxiety/ Lynne Lieberman , Stephanie M Gorka , Stewart A Shankman , K Luan. — Текст : электронный // Clinical Psychological Science 1–12, Oct. 21, 2016. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28138418/>
7. MatthewT. Tull. Extending an Anxiety Sensitivity Model of Uncued Panic Attack Frequency and Symptom Severity: The Role of Emotion Dysregulation/ Tull Matthew T. — Текст : электронный // Cognitive Therapy and Research, Jun. 22, 2006. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10608-006-9036-7>

© Семикова Ксения Владимировна (k.semikova@chamesh.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗМЕНЕНИЕ МОЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК БИОЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЗГА ЧЕЛОВЕКА ПОД ВЛИЯНИЕМ СПЕЛЕОКЛИМАТОТЕРАПИИ

Семилетова Вера Алексеевна

*К.б.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
медицинский университет им. Н.Н. Бурденко»*

*Минздрава РФ
vera2307@mail.ru*

CHANGE OF POWER CHARACTERISTICS OF BIOELECTRIC ACTIVITY OF HUMAN BRAIN UNDER INFLUENCE OF SPELEOCLIMATOTHERAPY

V. Semiletova

Summary: The purpose of our study is to study changes in the power characteristics of the bioelectric activity of the human brain under the influence of speleoclimatotherapy. The study involved 14 volunteer students, aged 19-22. The electroencephalogram of patients was recorded in a state of functional rest before and after a 2-hour session of speleoclimatotherapy using an «Encephalan - EEGR - 19/26» electroencephalograph (Medicom, Taganrog).

Analysis of the average power of brain bioelectric activity of various rhythmic ranges showed that the power of the theta rhythm tended to decrease after caving both with closed and open eyes of the subjects. In a state of functional rest with open and closed eyes, the stress in the central nervous system decreased after exposure to electronegative air ions.

The power of the beta-1 rhythm with closed and open eyes, and the alpha rhythm with open eyes increases after caving. At rest, with closed eyes, the alpha rhythm power decreased slightly in the Cz and C4 regions, the rest - increased. Changes in the power of beta-2 rhythm are ambiguous. In the functional state of rest with closed eyes, the hemisphere asymmetry of the arising changes manifested itself, on the right, the power of the theta rhythm decreased, on the left, it mainly increased.

The obtained results allow us to recommend speleoclimatotherapy as a method of non-pharmacological correction and prevention of prenosological changes in the health and electrical activity of students' brains, with caution, in a state of health or remission, taking into account the individual approach to each patient and controlling the main parameters of his health during the course of speleoclimatotherapy.

Keywords: speleoclimatotherapy, electroencephalogram, EEG rhythm, brain, bioelectric activity.

Аннотация: Цель нашего исследования – исследование изменения мощностных характеристик биоэлектрической активности мозга человека под влиянием спелеоклиматотерапии.

Методы. В исследовании приняли участие 14 студентов-добровольцев (19-22 года). Электроэнцефалограмма пациентов записана в состоянии функционального покоя до и после 2-х часового сеанса спелеоклиматотерапии с помощью электроэнцефалографа «Энцефалан – ЭЭГР – 19/26» фирмы Медиком (г. Таганрог).

Результаты. Анализ средней мощности биоэлектрической активности мозга различных ритмических диапазонов показал, что мощность тета-ритма имела тенденцию к снижению после спелеосеанса как при закрытых, так и при открытых глазах испытуемых. В состоянии функционального покоя с открытыми и закрытыми глазами у пациентов после воздействия электроотрицательных аэроионов снизилось напряжение в ЦНС.

Мощность ритма бета-1 при закрытых и открытых глазах, и альфа-ритма при открытых глазах увеличивается после спелеосеанса. В состоянии покоя с закрытыми глазами мощность альфа-ритма несколько снизилась в областях Cz и C4, в остальных – возросла. Изменения мощности бета-2 ритма неоднозначны. В функциональном состоянии покоя с закрытыми глазами проявилась межполушарная асимметрия возникающих изменений, справа мощность тета-ритма снизилась, слева – преимущественно увеличилась.

Выводы. Полученные результаты позволяют рекомендовать спелеоклиматотерапию как метод донозологической коррекции и профилактики психосоматического здоровья и ЭЭГ мозга человека, с осторожностью, в состоянии здоровья или ремиссии, учитывая индивидуальный подход к каждому пациенту и контролируя базисные показатели его здоровья во время прохождения курса.

Ключевые слова: спелеоклиматотерапия, электроэнцефалограмма, ритм ЭЭГ, мозг, биоэлектрическая активность.

Введение

Спелеоклиматотерапия – моделирование микроклимата силвинитовых пещер. В настоящее время спелеоклиматотерапия является популярным методом лечения и профилактики различных заболеваний в условиях санаториев, лечебниц и даже поликлиник. Положительный эффект от воздействия микроклимата спелеотерапии объясняют составом воздуха: так, содержание

легких электроотрицательных аэроионов в специально оборудованной спелеокамере составляет 760–960 в 1 см³, что существенно больше, чем в атмосферном воздухе (содержание электроотрицательных аэроионов в атмосферном воздухе 115–160 в 1 см³) [1].

Согласно литературным данным, под влиянием спелеоклиматотерапии у пациентов наблюдалось повышение физического компонента качества жизни, физиче-

ского функционирования, интенсивности, психического компонента качества жизни [2].

Исследования показателей иммунного статуса показали увеличение количества Т-лимфоцитов CD45+CD3+, в том числе Т-хелперов CD45+CD3+CD4+, обеспечивающих иммунный ответ крови пациентов под влиянием спелеоклиматотерапии, а также увеличение количества Т-цитотоксических лимфоцитов CD45+CD3+ CD8+, обеспечивающих клеточный иммунитет и В-лимфоцитов CD19+, обеспечивающих гуморальный иммунитет человека [3].

Анализ кардиоритма до и после посещения сеансов спелеоклиматотерапии выявил снижение индекса напряжения, повышение мощности волн спектра HF, что является выражением активности парасимпатического отдела автономной нервной системы и снижение мощности волн спектра VLF, что, как полагают, отражает развитие у пациентов психоэмоционального стресса.

После курса спелеоклиматотерапии наблюдалось снижение показателей ситуативной и личностной тревожности. По параметрам простой зрительно-моторной реакции после прохождения десяти курсов спелеоклиматотерапии наблюдалось достоверное снижение среднего времени реакции, параметры уровня активации центральной нервной системы повышались, а суммарное число ошибок уменьшалось [2].

Следовательно, спелеовоздействие увеличивает адаптационные возможности организма человека благодаря перестройке деятельности нейроиммунно-эндокринной системы, что не только препятствует формированию стресс-индуцированных изменений регуляторных систем организма, но и способствует повышению активности иммунной системы и активизирует защитные силы организма человека [2].

Несмотря на достаточно подробное изучение общих физиологических эффектов воздействия спелеоклиматотерапии на организм человека, исследований ЭЭГ, на наш взгляд, недостаточно [4, 5]. А ведь это основная регулирующая система нашего организма, и от ее функционирования будет зависеть работа и иных физиологических органов, и систем.

Цель нашего исследования – исследование изменения мощностных характеристик биоэлектрической активности мозга человека под влиянием спелеоклиматотерапии.

Методы

В исследовании приняли участие 14 студентов-дубровольцев (19-22 года). Исследование проведено на

базе кафедры нормальной физиологии ВГМУ им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж. Электроэнцефалограмма пациентов записана в состоянии функционального покоя до и после 2-х часового сеанса спелеоклиматотерапии, в малой спелеокамере на одного пациента, с помощью электроэнцефалографа "Энцефалан – ЭЭГР – 19/26" фирмы Медиком (г. Таганрог). Для анализа использовались показатели мощности тета, альфа, бета-1 и бета-2 ритмов в 19-ти зарегистрированных отведениях. Вычисление средних значений, стандартного отклонения, ошибок средних значений и корреляционный анализ проведены с использованием пакета программ Excel и Statistica 13.3.

Среднюю мощность биоэлектрической активности мозга различных ритмических диапазонов мы использовали как интегральный показатель.

Сумма корреляционных связей, учитывая модули представленных связей между признаками, позволила сделать вывод об уровне напряжения в регулирующей системе. Динамика мощностей отдельных ритмов ЭЭГ по отдельным отведениям до и после сеанса спелеоклиматотерапии оценена на основании средних значений мощностей ритмов ЭЭГ по отдельным отведениям. Для наглядности эта динамика представлена в виде рисунка, где разными цветами мы указали уменьшение, увеличение, либо отсутствие изменений в динамике мощности. Сами средние значения не приведены из соображений загруженности статьи и сложности ее восприятия.

Результаты

Среднюю мощность биоэлектрической активности мозга различных ритмических диапазонов до и после влияния спелеосеанса рассчитали как среднее значение мощностей отдельных ритмов от 19-ти отведений ЭЭГ в целом по группе. Анализ средней мощности биоэлектрической активности мозга различных ритмических диапазонов показал, что мощность тета-ритма имела тенденцию к снижению после спелеосеанса как при закрытых ($p=0,704$), так и при открытых глазах испытуемых ($p=0,844$).

Мощность альфа и бета-1 ритмов достоверно возросла закрытых ($p=0,0004$ и $p=0$) при открытых глазах ($p=0,001$) испытуемых. Мощность бета-2 ритмов при открытых глазах пациентов не изменялась ($p=0,704$), при закрытых глазах – имела тенденцию к повышению ($p=0,203$), табл. 1.

Проведен корреляционный анализ для оценки взаимосвязи средней мощности биоэлектрической активности мозга различных ритмических диапазонов до и после влияния сеанса спелеоклиматотерапии, рис 2. Достоверность корреляционных связей не рассчитывалась, поскольку мы использовали корреляционный ана-

Таблица 1.

Средняя мощность биоэлектрической активности мозга различных ритмических диапазонов до и после влияния спелеосеанса

	Среднее, до	СКО, до	Ошибка среднего, ОГ	Среднее, после	СКО, после	Ошибка среднего, после
Тета-ритм, ОГ	7,056	1,491	0,107	6,891	1,806	0,129
Тета-ритм, ЗГ	7,269	4,024	0,287	7,080	1,896	0,135
Альфа-ритм, ОГ	9,525	5,023	0,359	13,399	9,881	0,706
Альфа-ритм, ЗГ	17,316	9,639	0,688	20,631	11,936	0,853
Бета-1 ритм, ОГ	7,971	2,095	0,150	15,597	4,067	0,291
Бета-1 ритм, ЗГ	8,182	1,784	0,127	42,363	8,612	0,615
Бета-2 ритм, ОГ	4,267	2,021	0,144	4,036	1,562	0,112
Бета-2 ритм, ЗГ	3,826	1,088	0,078	4,359	2,240	0,160

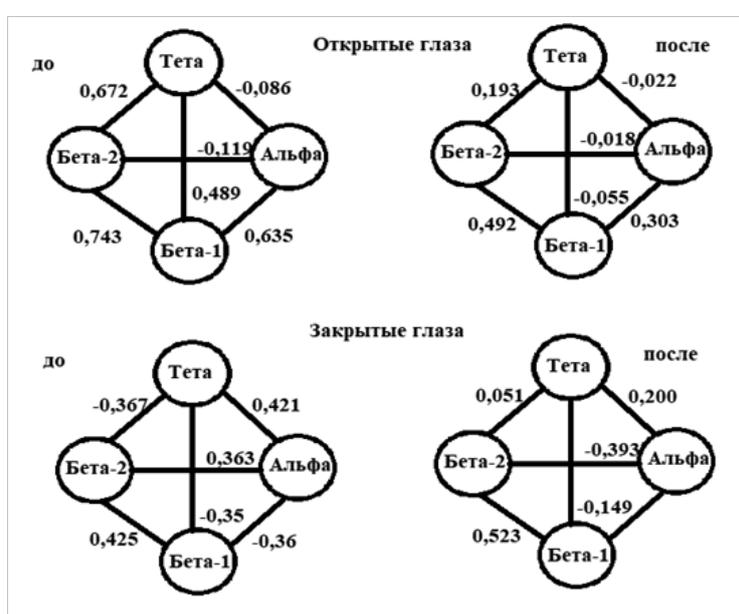

Рис. 1. Корреляционные связи средней мощности биоэлектрической активности мозга различных ритмических диапазонов до и после влияния сеанса спелеоклиматотерапии

лиз как маркер напряженности регулирующей системы организма.

Проведенный корреляционный анализ показал, что в функциональном состоянии покоя при открытых глазах происходит ослабление связи между изучаемыми мощностными характеристиками (например, Альфа-Бета-1 равно 0,635 до и 0,303 после: Бета-1-Бета-2 равно 0,743 до и 0,492 после).

Для наглядности мы рассчитали сумму корреляционных связей, учитывая модули представленных связей между признаками. В состоянии покоя с открытыми глазами сумма составила 2,743, после спелеосеанса 1,083. Известно, что чем сильнее взаимосвязи между признаками в системе, тем выше напряжение в системе. В нашем случае, у пациентов в состоянии покоя с открытыми глазами после воздействия электроотрицательных

аэроионов напряжение в ЦНС снизилось.

Несколько сложнее наблюдаемые изменения у пациентов в состоянии покоя с закрытыми глазами. Сумма корреляционных связей, учитывая модули представленных связей между признаками, составила 2,286 до и 1,356 после спелеосеанса. Однако обращает на себя внимание инверсия знаков корреляционных связей между мощностями тета и бета-2 ритмов (-0,367 и 0,051) и альфа и бета-2 ритмов (0,363 и -0,393), а также увеличение корреляционной связи между бета-1 и бета-2 (0,425 и 0,523) диапазонами ЭЭГ.

Поскольку средняя мощность биоэлектрической активности мозга различных ритмических диапазонов отражает только общие изменения ЭЭГ после сеанса спелеоклиматотерапии, мы распределили испытуемых в зависимости от динамики: с повышением, понижением

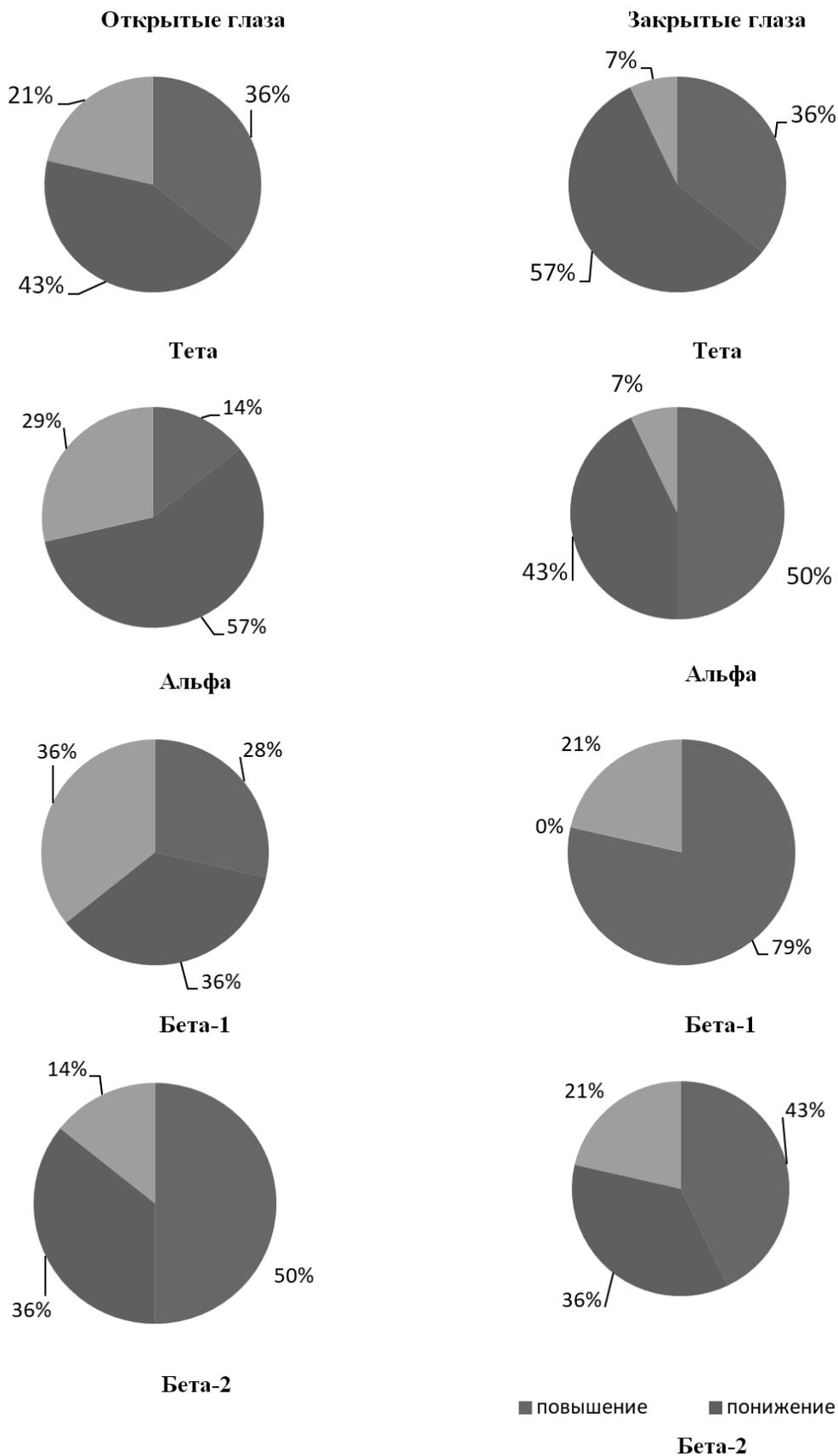

Рис. 2. Распределение испытуемых в зависимости от динамики мощности после сеанса спелеоклиматотерапии.

мощности и отсутствием изменений, рис. 1.

Выявлено, что спелеоклиматотерапия обладает индивидуальным, неоднозначным воздействием на мощность ЭЭГ ритмов. Так, в состоянии покоя с открытыми глазами у 43% испытуемых повышается мощность тета-ритма, у 57% - мощность альфа-ритма, у 36% - мощность бета-1 и бета-2 ритмов. В состоянии покоя с закрытыми глазами динамика мощности альфа, бета-1 и бета-2 ритмов у большинства испытуемых имеет тенденцию к снижению; динамика мощности тета-ритма - к повышению, рис. 2.

Поэтому, поскольку речь идет о здоровье каждого пациента, - следует учитывать индивидуальные изменения ЭЭГ пациента после воздействия спелеотерапии, и глобальной актуальной проблемой встает изучение тонких ЭЭГ-механизмов этого воздействия. Далее мы провели анализ динамики мощностей отдельных ритмов ЭЭГ до и после сеанса спелеоклиматотерапии, результаты представлены на рис. 3. Отметим, что изменения бета-1 диапазона ритмов ЭЭГ однозначны как при закрытых, так и при открытых глазах, мощность ритма бета-1 увеличивается.

Мощность альфа-ритма также увеличилась при открытых глазах генерализованно, независимо от области головного мозга. В состоянии покоя с закрытыми глазами мощность альфа-ритма несколько снизилась в областях C_2 и C_4 (C_2 : $31,74 \pm 1,655$ и $30,62 \pm 1,29$; C_4 : $23,93 \pm 1,309$ и $23,29 \pm 1,115$), в остальных – возросла. Мощность тета-ритма в состоянии функционального покоя с открытыми глазами увеличилась во фронтальных и центральных, и снизилась в затылочных, теменных и височных областях мозга.

В функциональном состоянии покоя с закрытыми глазами проявилась межполушарная асимметрия возникающих изменений, справа мощность тета-ритма снизилась, слева – преимущественно увеличилась.

Наиболее неоднозначно проявляются изменения бета-2 ритма.

В состоянии функционального покоя с открытыми глазами справа в височных областях мощность бета-2 ритма увеличилась (T_4 и T_6), слева – снизилась (T_3). В затылочной области справа мощность не изменилась (O_2 , $4,99 \pm 0,205$ и $5,29 \pm 0,201$), слева – возросла (O_1 , $7,16 \pm 0,277$ и $5,12 \pm 0,184$). В центральных областях выявлена тенденция к снижению бета-2 активности. Во фронтальных отведениях справа и слева отметили увеличение мощности, ближе к центру – снижение.

В состоянии функционального покоя с закрытыми глазами в затылочных, теменных и центральных (C_3 и C_4)

и F_3 областях коры больших полушарий мощность бета-2 ритма возрастает, во фронтальных (F_7 , F_2 , F_4 , F_8) – снижается.

Обсуждение результатов

Таким образом, выявлены изменения биоэлектрической активности мозга под влиянием спелеоклиматотерапевтического сеанса и отмечены индивидуальные особенности изменения мощности. Делая акцент на функциональных особенностях каждого ритма ЭЭГ, следует отметить, что генерализованное повышение альфа-ритма может быть связано с отдыхом, состоянием покоя испытуемых.

Тета-ритм исследователи связывают эмоциональным напряжением, стрессом, самообучением, состоянием озарения, качественным усвоением информации. Снижение тета ритма в затылочных, височных и теменных областях может быть связано со снижением стрессорной нагрузки, со снижением напряжения в регуляторных системах под воздействием сеанса спелеотерапии. Увеличение тета-ритма во фронтальных и центральных областях коры может свидетельствовать об активной мыслительной деятельности, принятии решения, озарении.

Повышение бета-1 ритма может быть обусловлено восстановлением работоспособности, готовностью к активной умственной деятельности под влиянием спелеосенса.

Межполушарная асимметрия изменения тета-ритма при закрытых глазах отражает увеличение аналитической стратегии переработки информации и доли произвольной регуляции с участием сознания.

Таким образом, возвращаясь к интегральным показателям, следует отметить, что среднюю мощность биоэлектрической активности мозга различных ритмических диапазонов можно использовать как простейший индикатор изменения уровня функциональной активности ЭЭГ пациента (пациентов) под воздействием аэроионов. Корреляционный анализ средних мощностей биоэлектрической активности мозга различных ритмических диапазонов до и после влияния сеанса спелеоклиматотерапии отражают уровень напряжения в регуляторной системе, и его снижение характеризует спелеовоздействие как положительное.

Однако, на наш взгляд, объяснения влияния сеанса спелеоклиматотерапии на ЭЭГ человека с позиций функций головного мозга являются недостаточными. Высокое содержание электроотрицательных аэроионов в воздухе спелеокамеры однозначно оказывают влияние на функционирование отдельных нервных клеток.

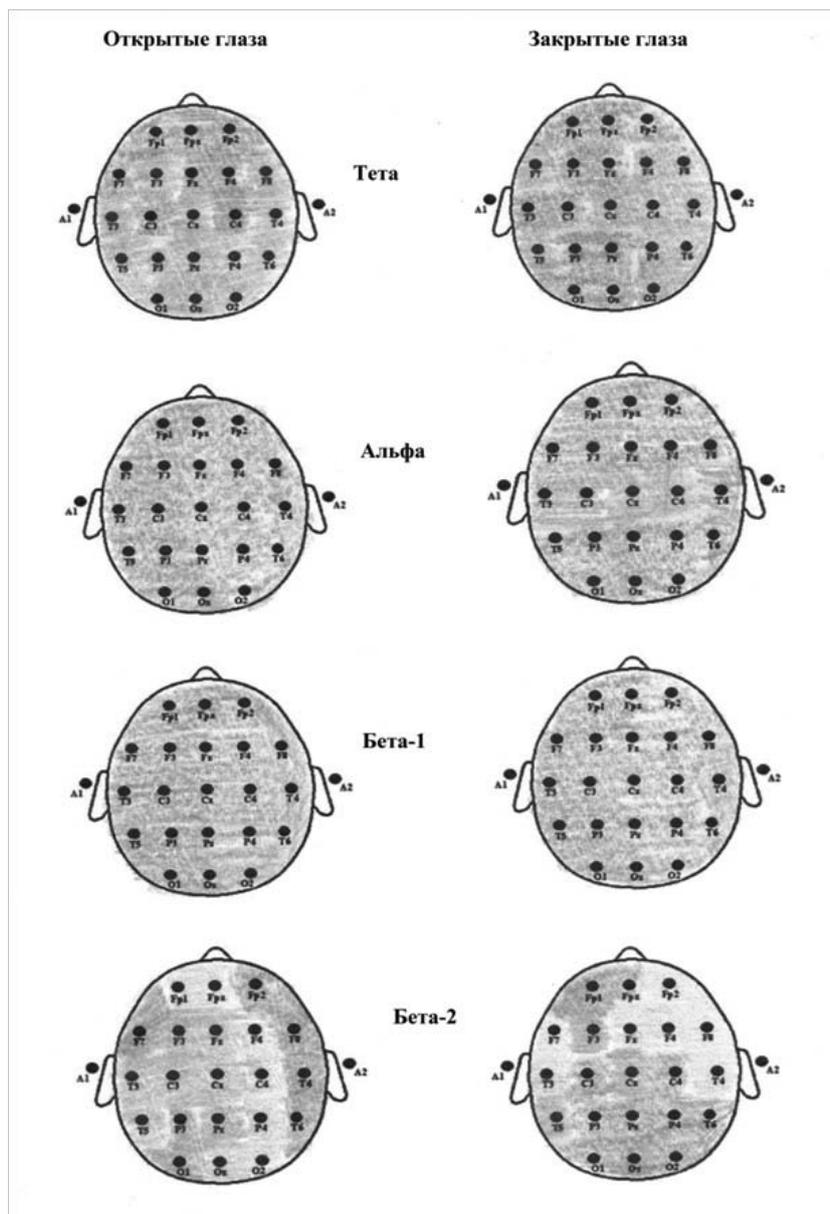

Рис. 3. Анализ динамики мощностей отдельных ритмов ЭЭГ до и после сеанса спелеоклиматотерапии.

Обращаясь к механизмам формирования потенциалов действия нервных клеток, можно утверждать, что изменение содержания Na^+ , K^+ , Cl^- неизбежно приведет к изменению механизмов формирования потенциалов действия. И это тоже будет отражаться в функциях коры больших полушарий головного мозга.

Следовательно, проводя лечебные воздействия в условиях сильвинитовой спелеокамеры, следует помнить об индивидуальных особенностях воздействия аэроионов на ЭЭГ человека. Поэтому требуется детальное изучение тонких физиологических механизмов изменения биоэлектрической активности мозга.

Полученные результаты позволяют рекомендовать спелеоклиматотерапию как метод донозологической

коррекции и профилактики психосоматического здоровья и ЭЭГ мозга человека, с осторожностью, в состоянии здоровья или ремиссии, учитывая индивидуальный подход к каждому пациенту и контролируя базисные показатели его здоровья во время прохождения курса.

Заключения (выводы)

1. Анализ средней мощности биоэлектрической активности мозга различных ритмических диапазонов показал, что мощность тета-ритма имела тенденцию к снижению после спелеосеанса как при закрытых, так и при открытых глазах испытуемых.
2. В состоянии функционального покоя с открытыми и закрытыми глазами у пациентов после воздействия электроотрицательных аэроионов снизи-

лось напряжение в ЦНС.

3. Мощность ритма бета-1 при закрытых и открытых глазах, и альфа-ритма при открытых глазах увеличивается после спелеосеанса. В состоянии покоя с закрытыми глазами мощность альфа-ритма несколько снизилась в областях C_z и C_4 (C_z : $31,74 \pm 1,655$ и $30,62 \pm 1,29$; C_4 : $23,93 \pm 1,309$ и $23,29 \pm 1,115$), в остальных – возросла. Изменения мощности бета-2 ритма неоднозначны.
4. Мощность тета-ритма в состоянии функционального покоя с открытыми глазами увеличилась во фронтальных и центральных, и снизилась в затылочных, теменных и височных областях мозга. В функциональном состоянии покоя с закрытыми глазами проявилась межполушарная асимметрия возникающих изменений, справа мощность тета-ритма снизилась, слева – преимущественно увеличилась.
5. Проводя лечебные воздействия в условиях сильвинитовой спелеокамеры, следует помнить об индивидуальных особенностях воздействия аэроионов на ЭЭГ человека. Поэтому требуется детальное изучение тонких физиологических механизмов изменения биоэлектрической активности мозга.
6. Полученные результаты позволяют рекомендовать спелеоклиматотерапию как метод донозологической коррекции и профилактики психосоматического здоровья и ЭЭГ мозга человека, с осторожностью, в состоянии здоровья или ремиссии, учитывая индивидуальный подход к каждому пациенту и контролируя базисные показатели его здоровья во время прохождения курса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Файнбург Г.З. О доказательности эффективности методов спелеотерапии в калийных рудниках и спелеоклиматотерапии в сильвинитовых спелеокамерах // В сборнике: Актуальные проблемы охраны труда и безопасности производства, добычи и использования калийно-магниевых солей Материалы I Международной научно-практической конференции. Под ред. Г.З. Файнбурга. 2018. С. 416-441.
2. Есауленко И.Э., Дорохов Е.В., Горбатенко Н.П. и др. Эффективность спелеоклиматотерапии у студентов в состоянии хронического стресса // Экология человека. 2015. № 7. С. 50-57.
3. Дорохов Е.В., Жоголева О.А. Спелеоклиматотерапия как инновационный метод здоровьесбережения // Вестник новых медицинских технологий. 2011. Т. 18. № 2. С. 133-135.
4. Горбатенко Н.П., Семилетова В.А., Дорохов Е.В. Влияние спелеоклиматотерапии на психоэмоциональное состояние и электрической активности мозга здорового человека // В сборнике: Материалы XXIII съезда Физиологического общества им. И. П. Павлова с международным участием 2017. С. 1145-1147.
5. Невзоров А.Ю., Мухина М.Ю. Спелеотерапия как разновидность альтернативной медицины // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2013. Т. 3. № 2. С. 177.

© Семилетова Вера Алексеевна (vera2307@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ И ПОНИМАНИЕМ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Шадурко Олег Владимирович

Соискатель, Московский педагогический
государственный университет
9911151@gmail.com

METHODS OF MANAGEMENT OF COGNITIVE ACTIVITIES AND UNDERSTANDING OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN

O. Shadurko

Summary: The article discusses the methods of managing cognitive activity and understanding of younger students. The federal educational standard of elementary general education considers the development of cognitive activity as a target landmark that ensures the successful educational activity of a primary school student. Creating conditions for the development of cognitive activity and understanding in primary school children and its activation is one of the urgent tasks of an elementary education teacher. The youngest student by the time of transition to the secondary level of education should have a developed, stable and diverse system of interests, which is an indicator formed by a growing personality. The author concludes that the combined lesson "does not focus" the very idea of an activity-based approach to the organization of training. For the successful activation of cognitive activity, it is necessary in the learning process to create conditions for enhancing cognitive activity, as well as to improve the system of mastering basic knowledge, skills, and it is necessary to observe the conditions for activating cognitive activity: an atmosphere of goodwill and cooperation in the classroom; a "success" situation for each student; inclusion of each student in collective work; the use of non-standard tasks when learning new things or when repeating already completed material; taking into account the individual characteristics of students.

Keywords: cognitive activity, understanding, primary school age, teaching methods, activity approach.

Аннотация: В статье рассматриваются методы управления познавательной деятельностью и пониманием младших школьников. Федеральный образовательный стандарт начального общего образования рассматривает развитие познавательной деятельности как целевой ориентир, обеспечивающий успешную учебную деятельность младшего школьника. Создание условий для развития познавательной деятельности и понимания у детей младшего школьного возраста и его активизации является одной из актуальных задач педагога начального общего образования. Младший школьник к моменту перехода на среднюю ступень образования должен иметь развитую, устойчивую и разностороннюю систему интересов, которая является показателем сформированное подрастающей личности. Автор приходит к выводу, что комбинированный урок «не фокусирует» саму идею деятельностного подхода к организации обучения. Для успешной активизации познавательной деятельности необходимо в процессе обучения создавать условия для активизации познавательной деятельности, а также совершенствовать систему усвоения базовых знаний, умений и навыков, при этом необходимо соблюдать условия активизации познавательной деятельности: атмосфера доброжелательности и сотрудничества в классе; ситуация «успеха» для каждого учащегося; включение каждого учащегося в коллективные работы; использование нестандартных заданий при изучении нового или при повторении уже пройденного материала; учет индивидуальных особенностей учащихся.

Ключевые слова: познавательная деятельность, понимание, младший школьный возраст, методы обучения, деятельностный подход.

Проблема развития познавательной деятельности младших школьников является одной из самых актуальных в педагогической психологии. Современное общество ставит перед детьми требование – умение самостоятельно усваивать знания и грамотно использовать полученную информацию в социуме.

Многочисленные наблюдения педагогов показали, что ребенок, который не усвоил способы работы с информацией в начальной школе, обычно показывает более низкие результаты учебной деятельности в средней школе. Для полноценного умственного развития ребенка, в начальной школе должны быть созданы условия, обеспечивающие полноценное умственное развитие младшего школьника с устойчивыми познавательными

интересами мыслительной деятельности, интеллектуальными качествами и творческой инициативой. Проблема развития, коррекция и совершенствование интеллектуальных способностей учащихся – является одними из важнейших компонентов образовательного процесса в психолого-педагогической практике. Справедливо считается, что главный путь его эффективного развития – рациональная организация на уровне когнитивных процессов.

С учетом различных жизненных ситуаций одна и та же информация может пониматься детьми различным образом. При этом, эмоциональное состояние опережает словесную формулировку. По мнению К.М. Творек и А. Цимпиан, выбор правильного решения задачи, в

процессе учебной деятельности, младшим школьником зависит от умения устанавливать существенные отношения. Ребенку нужно понять, какое из свойств объекта образовательной ситуации соотносится с требуемыми условиями задачи [15, с. 24]. В случае, если информация для понимания знакома обучающемуся, то он правильно отвечает на вопросы, выполняет задания, соотносит категории данных. Если же объект понимания содержит абсолютно неизвестную информацию, то новое знание включается в контекст уже имеющихся.

По мнению Лидер, Ф., Гриффитс, Т. Л., Хьюс, К. Дж., и Гудман, Н. Д. целостность, единство, интегральность – это важные свойства субъекта, выступающие основой для системности всех психических качеств личности младшего школьника, часто имеющие противоречивый и трудно совместимый характер [12, с. 46].

Понимание младшего школьника в теории З. Хорн и С. Хемлани осуществляется в определенно организованных учебных условиях. В каждой ситуации образовательного процесса могут возникать рассогласования (внутренние противоречия) между учебной задачей и возможностью ее непосредственного решения. Образовательная ситуация включает определенную степень проблемности (рассогласования). Поиск степени проблемности педагогом есть не что иное, как процесс решения [10, с. 34]. Поэтому образовательная деятельность должна быть проанализирована под углом зрения конкретных требований, которые она предъявляет к творческому потенциалу личности младшего школьника.

Психологические принципы, законы и методы применяются к разработке образовательных стратегий, анализу обучающих ситуаций, результаты и выводы применяются в области начального образования, включая когнитивные и поведенческие аспекты детей младшего школьного возраста. По словам Скиннера, «образовательная психология – это раздел психологии, который занимается преподаванием и обучением». Данный научный подход, в котором используются психологические конструкции и инструменты для понимания различных характеристик учащихся и педагогов, учебная среда и образовательная среда взаимодействуют, чтобы изменить поведение учащихся в условиях определенной образовательной задачи.

В трудах А.М. Джонстона, С.Г. Джонсона, М.Л. Ковена и Ф.С. Кейла определено, что несмотря на различные учебные ситуации, психологические элементы мышления едины, они функционируют во взаимосвязи при решении тактических и стратегических задач [9, с. 1]. В познавательном процессе младшего школьника, по мнению зарубежных авторов, присутствуют такие черты как прогнозирование, предвидение этапов развития и решения учебной задачи; нахождение правильного от-

вета за минимальный период времени; видение и схватывание информации при одновременном внимании к деталям.

По словам Пия, «педагогическая психология помогает педагогу понимать психологическое развитие своих учеников, диапазон и пределы их возможностей, процесс, посредством которого они учатся, и их социальные отношения [14, с. 45]. Учитель должен уметь правильно предоставлять информацию о многих факторах, которые влияют на преподавание и обучение, и предлагать проверенные идеи по улучшению инструкции образовательного процесса. Именно педагогическая психология делает учителя эффективным, предоставляет возможность владения вербальной / невербальной обратной связью с учащимися.

Педагогическая психология связана с пониманием следующим образом:

- индивидуальные психологические особенности ученика, его развитие, потребности, возможности, интерес и способности;
- среда обучения, которая включает групповую динамику, которая способствует обучению социальным взаимодействиям;
- процесс обучения, его характер и способы его эффективного развития.

Педагогическая психология – есть научное исследование поведения человека в образовательной ситуации, и связана с факторами, принципами, концепциями и методами, которые относятся к различным аспектам роста и развития учащихся. Педагогическая психология помогает организовать на уровне класса социальную платформу, где происходит обмен идеями и полезными дискуссиями между учениками и учителями. Знание психологических процессов младшего школьника и особенно его понимания фокусируется на том, чтобы создать среду в классе благоприятной, а класс будет катализатором в создании благоприятной учебной среды для обеспечения эффективного преподавания и обучения.

Зарубежные авторы обращались к проблеме использования педагогической психологии в организации благоприятной атмосферы в классе. Например, Уильямс исследовал пять ключевых компонентов для повышения мотивации школьников: ученик, учитель, содержание, метод / процесс и среда. Эти пять компонентов могут способствовать и / или препятствовать развитию познавательной деятельности младшего школьника. Педагоги могли наблюдать за собой и своим поведением, чтобы осознать новое понимание мотивации. Эймс (1990) показал, что мотивация, как результат, важен для всех учащихся в классе.

Данлоски, Роусон, Марш, Натан и Уиллингем (2013)

исследовали простые в обучении методы, разработанные когнитивными и педагогическими психологами, которые могут помочь учащимся достичь своих учебных целей за счет понимания и обработки информации. Vojuwoye, Moletsane, Stofile, Moolla и Sylvester (2014) изучили опыт учащихся начальной и средней школы в отношении предоставления и использование вспомогательных психологических процессов для улучшения обучения. Результаты показали, что учащиеся использовали различные формы поддержки обучения со стороны своих школ, учителей и сверстников [10, с. 70]. Поддержка обучения помогает в удовлетворении академических, социальных и эмоциональных потребностей младших школьников путем устранения препятствий на пути к обучению, создание благоприятной образовательной среды, повышение успеваемости учащихся самоуважение и повышение успеваемости учащихся наиболее важно при достижении высокого уровня понимания учебной задачи. Согунро (2015) исследовал восемь факторов мотивации для школьников. Эти мотивирующие факторы: качество обучения, качество учебной программы, актуальность и прагматизм, интерактивность класса и эффективные методы управления понимание информации, прогрессивная оценка и своевременная обратная связь, самостоятельность, благоприятная учебная среда и эффективная практика консультирования педагогом. Результаты показали, что эти восемь факторов играют важную роль в устранении или усилении уровня понимания информации младших школьников и повышают их мотивацию к эффективному обучению.

На основании приведенных выше обзоров мы можем с уверенностью заключить, что использование педагогической психологии полезно для развития понимания младших школьников и создания лучшей учебной среды. Есть основания считать, что общей основой полноценности любого интеллектуального процесса является наличие трех минимальных универсальных компонентов умственных способностей:

- высокий уровень сформированности элементарных интеллектуальных операций: анализ, синтез, сравнение, выделение наиболее значимой информации и другие, выступающие как частичные элементы мышления;
- высокая активность, бескорыстие и плюралистичность мышления проявляются в производстве большого количества разных гипотез;
- высокая организованность и целеустремленность мышления, проявляющаяся в отчетливой ориентации выявления наиболее значимых явлений.

Очевидно, что все психические функции очень важны: память, внимание, воображение, но все же ведущая когнитивная функция – это понимание. Вполне вероятно, что без понимания не будет никаких других высших психических функций.

Как было определено в теории зарубежных авторов – одним из важнейших условий, основы и средств развития личности является процесс обучения. В связи с этим Л.С. Выготский сформулировал положение, согласно которому обучение и воспитание играют ведущую роль в психическом развитии ребенка, так как «обучение предшествует развитию, продвигая его дальше и вызывая в нем новый рост. В качестве достижений теории у А.Н. Леонтьева выступает представление психологического строения у деятельности, в соответствии с которым деятельность обладает следующими компонентами: мотив, потребность, цель (как предполагаемый и желаемый результат деятельности), условия для достижения цели (где условия + цель = задача), действия (основанные на операциях, которые соответствуют задачам деятельности) [2, с. 56].

Как отмечает Н.М. Мякишева, у каждого вида деятельности есть свои мотивы, потребности, действия, задачи. Это обусловлено наличием у каждого вида деятельности своего предметного содержания [3, с. 18].

Существуют различные подходы к определению понятия «познавательная деятельность».

По мнению В.А. Беликова, познавательная деятельность заключается в том, что обучающийся под руководством своего учителя решает новые для себя практические и познавательные проблемы [1, с. 13]. Г.И. Щукиной трактуется понятие «познавательная деятельность» как «познавательная деятельность самими учащимися» [4, с. 12]. В.А. Беликов считает, что познавательная деятельность – это целенаправленное, сознательное выполнение физической или умственной работы, которая требуется ему для того, чтобы овладеть теми или иными навыками, знаниями, умениями [1, с. 14]. На основе изложенных подходов, можно прийти к выводу, что познавательная направленность в совокупности с имеющимся положительным опытом осуществления познавательной деятельности является причиной формирования желания непрерывно выполнять познавательную активность. Под влиянием обучения происходит постепенный переход от познания внешней стороны явлений к познанию их сущности, отражению в мышлении существенных свойств и признаков, что даст возможность делать первые обобщения, первые выводы, проводить первые аналогии, строить элементарные умозаключения. На этой основе у ребенка постепенно начинают формироваться научные понятия. Научное понятие – одна из форм отражения мира в мышлении, с помощью, которой познаётся сущность явлений, процессов, обобщаются их существенные стороны и признаки, что оказывает крайне важное значение на становление словесно-логического мышления. Овладение в процессе обучения системой научных понятий даёт возможность говорить о развитии у младших школьников основ понятийного или теорети-

ческого мышления. Теоретическое мышление позволяет ученику решать задачи, ориентируясь не на внешние, наглядные признаки и связи объектов, а на внутренние существенные свойства и отношения [8, с. 35].

Хотя школьная успеваемость является результатом сложного взаимодействия между интеллектом и контекстными переменными, здоровье является жизненно важным сдерживающим фактором способности ребенка. Идея о том, что здоровые дети лучше обучаются, подтверждена эмпирически и хорошо принята (Basch, 2010), а многочисленные исследования подтвердили, что польза для здоровья связана с физической активностью, включая сердечно-сосудистую и мышечную пригодность, здоровье костей, психосоциальные результаты, а также когнитивное здоровье и здоровье мозга. (Strong et al., 2005). Взаимосвязь физической активности и физической подготовки с когнитивным здоровьем и здоровьем мозга, а также с успеваемостью. Учитывая, что мозг отвечает, как за умственные процессы, так и за физические действия человеческого тела, здоровье мозга важно на протяжении всей жизни. У взрослых здоровье мозга, представляющее отсутствие болезней и оптимальную структуру, и функцию, измеряется с точки зрения качества жизни и эффективного функционирования в повседневной деятельности. У детей здоровье мозга можно измерить с точки зрения успешного развития внимания, поведения при выполнении задания, памяти и успеваемости в образовательной среде.

В младших классах особое значение имеет готовность учеников применять приобретенные знания и познавательные учебные действия в решении реальных ситуаций. Новый ФГОС второго поколения акцентирует внимание на формировании у школьника личностных и творческих качеств, его духовно-нравственном формировании, и предлагает конкретные пути, обеспечивающие этот переход: изменение метода и средств обучения в разной деятельности. Это говорит о важности рассмотрения вопроса о современных и эффективных методах и средствах обучения.

Учителя должны стремиться к созданию позитивной учебной атмосферы, в которой основное внимание уделяется сотрудничеству. Сотрудничество, а не конкуренция. Учитель должен мотивировать учащихся делиться своими идеями и искать разъяснения, пока они не поймут это должным образом [7, с. 57]. Чтобы добиться такой учебной среды, учителям необходимо создать атмосферу взаимного доверия, поддержки, сочувствия и взаимоуважения. В такой среде учащиеся понимают, что во время обучения они могут иногда терпеть неудачу, но они должны собраться и продолжить свою борьбу, это отношение призывает их к активному участию в учебно-методическом процессе. Ученики не должны забывать то, о чем говорит доктор APJ Абдул Калам: «Неудача оз-

начает первую попытку обучения».

Актуальной проблемой является выбор средств формирования познавательного компонента познавательных учебных действий в процессе образования. Дети, которые мотивированы на то, чтобы избежать неудачу ведут себя по-другому. Они осуществляют свою деятельность только для того, чтобы избежать разного рода неудач. Ребенок является неуверенным в себе. Он не верит в то, что может добиться успеха, опасается возникновения негативного мнения. При выполнении задач, где вероятность неудачи довольно высока, он переживает негативные эмоции, в результате чего пропадает удовлетворенность от осуществляемой деятельности. По этой причине зачастую он не может стать победителем, то есть является жизненным неудачником [9, с. 78].

Ребенок много времени посвящает тому, чтобы провести анализ осуществляемой деятельности, не отображая при этом свои переживания. Другими словами, его внутренние переживания нельзя понять по его внешнему виду, поведению [9, с. 13]. Учебная деятельность требует развития высших психических функций – произвольности, продуктивности и устойчивости всех познавательных процессов: внимания, памяти, воображения. Внимание, память, воображение младшего школьника уже приобретают самостоятельность – ребёнок научается владеть специальными действиями, которые дают возможность сосредоточиться на учебной деятельности, сохранить в памяти увиденное или услышанное, представить себе нечто, выходящее за рамки воспринятого раньше.

Чтобы учащиеся понимали новую информацию и идеи, им необходимо установить связи с существующими знаниями, чтобы они могли обрабатывать, а затем понимать новый материал. Это осмысление – это активный процесс, который может иметь место во время широкого спектра учебных мероприятий. Может быть в отличие от пассивного подхода к обучению, в котором учитель в первую очередь говорит «с учениками» и просто предполагает, что они будут понимать сказанное без необходимости проверять. Активное обучение требует от учащихся много думать и практиковать использование новых знаний и навыков для развития долгосрочного воспоминания и более глубокого понимания. Это глубокое понимание также позволит учащимся соединить различные идеи вместе и мыслить творчески. Активное обучение основано на теории обучения называется конструктивизмом, который подчеркивает тот факт, что учащиеся строят свое понимание. Жан Пиаже (1896–1980), психолог и основатель конструктивизма, исследовал познавательное развитие детей, отмечая, что их знания были индивидуальными и накапливались постепенно. В процессе осмысления дети заменяют или адаптируют свои существующие знания и понимание на более глубо-

ком уровне понимания [10, с. 5].

Обучение происходит по мере того, как знания переходят от короткой к долговременной памяти и постепенно включается в более подробные и сложные ментальные модели, называемые схемами. Схемы можно рассматривать как категории, которые мы используем для классификации входящей информации (Wadsworth, 1996). Теория социального конструктивизма гласит, что обучение происходит прежде всего через социальное взаимодействие с другими людьми, например, учителем или сверстниками ученика. Один видный социальный конструктивист Лев Выготский (1896–1934) описал зону ближайшего развития (ЗПР). Это район где должна быть сосредоточена учебная деятельность, лежащая между тем, чего ученик может достичь самостоятельно и тем, что учащийся может достичь результатов под руководством специалиста.

Важно, чтобы учителя были хорошо осведомлены о теории, лежащей в основе активного обучения, чтобы избежать заблуждения, необходимо оценивать новые идеи, применять стратегии, которые полезны для их текущего контекста и цели.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что познавательный интерес проявляется в разных формах:

- в форме интеллектуальной активности. Ученик задает вопросы, которые несут в себе подлинный познавательный смысл. Например, вопросы, уточняющие что-то по теме или вопросы, открывающие перспективу дальнейшего познания. Так же ученик стремится активно участвовать в деятельности, обсуждать вопросы, поднимаемые на уроке, высказывать свою точку зрения, делиться знаниями, добытыми за пределами школы;
- в форме эмоционального проявления. В данном случае интерес ученика выдают: мимика, острое внимание, боязнь нарушить тишину, жесты, обмен впечатлениями с товарищем;
- в форме волевых проявлений, когда внимание ученика особенно сосредоточено, и он мало отвлекается на внешние раздражители, так как полностью поглощен заинтересовавшим его предметом, явлением. Так же показателем познавательного интереса школьника является особенность его поведения при возникновении затруднений.

Немаловажными являются факторы, которые побуждают учащихся к познавательной активности:

- творческий характер является стимулом к познанию, и определяется он со следующих позиций: творческой фантазией, уровнем мотивации, оригинальностью метода решения.

— исследовательский характер направлен на пробуждение в учениках творческого интереса, побуждает к самостоятельному поиску новых знаний.

Например, проведение учебного эксперимента, нетрадиционная форма занятия. Создание ситуаций интереса, занимательности, познавательной новизны, опоры на жизненный опыт помогают ребенку проявить активность в обучении. Учащиеся сами должны отстаивать свое мнение, принимать участие в дискуссиях, задавать вопросы своим одноклассникам и учителю, находить несколько решений задачи или же проблемы, ведь все это подталкивает ребенка размышлять, анализировать что способствует активности.

В качестве инновационного направления конструирования дидактического процесса в начальной школе в концепции необходимо использовать классификацию типов по характеру приоритетной деятельности, в которой участвует обучающийся на данном этапе обучения. Для успешной активизации познавательной деятельности необходимо в процессе обучения создавать условия для активизации познавательной деятельности, а также совершенствовать систему усвоения базовых знаний, умений и навыков, при этом необходимо соблюдать условия активизации познавательной деятельности:

- атмосфера доброжелательности и сотрудничества в классе;
- ситуация «успеха» для каждого учащегося;
- включение каждого учащегося в коллективные работы;
- использование нестандартных заданий при изучении нового или при повторении уже пройденного материала;
- учет индивидуальных особенностей учащихся;
- формирование у учащихся только положительных отношений и эмоций к обучению;
- максимальная опора на активную мыслительную деятельность учащихся.

При активизации познавательной деятельности педагог не только может, но и должен:

- учитывать интересы младших школьников и одновременно формировать мотивы их учения при организации познавательной деятельности;
- для повышения понимания предлагается включать младших школьников в решение проблемных ситуаций на уроке;
- использовать дидактические игры и дискуссии, различные интерактивные методы обучения.

Подводя итоги, следует отметить, что главной особенностью развития познавательных процессов детей младшего школьного возраста является переход психических познавательных процессов ребенка на более

высокий уровень. Это, прежде всего, выражается в более произвольном характере протекания большинства психических процессов (восприятие, внимание, память, воображение), а также в формировании у ребенка абстрактно логических форм мышления и обучении его письменной речи. Создание ситуаций интереса, занимательности, познавательной новизны, опоры на жизнен-

ный опыт помогают ребенку проявить активность в учебе. Младшим школьникам необходимо самостоятельно отстаивать свое мнение, принимать участие в дискуссиях, задавать вопросы своим одноклассникам и учителю, находить несколько решений задачи или же проблемы, ведь все это подталкивает ребенка размышлять, анализировать, что способствует активности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов, В.А. Философия образования личности: Деятельностный аспект: монография / В.А. Беликов. – М.: Владос, 2013. – 357 с.
2. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Изд – во Смысл, Издательский центр «Академия», 2014. – 352с.
3. Мякишева Н.М. особенности познавательной деятельности младших школьников, или как современному школьнику сохранить познавательную потребность [Текст] // Начальная школа плюс до и после. – 2018. – №2. – С.18–24.
4. Щукина Г.И. Активизация познавательной деятельности учащихся в образовательном процессе. [Текст] – М.: Просвещение, 1979. 160 с
5. Шпаковская, Е. Поведенческие особенности людей, мотивированных на достижение успеха и избежание неудач. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.komanda.ru/shpakovskaja/007a.html> (Дата обращения 20.03.20)
6. Aubrey, K. and Riley, A. (2016). Understanding and using educational theories. London: SAGE Publications Ltd.
7. Cambridge Assessment International Education. (2019). Implementing the Curriculum with Cambridge: A Guide for School Leaders.
8. Coe, R., Aloisi, C., Higgins, S. and Elliot Major, L. (2014). What makes great teaching? Review of the underpinning research. Sutton
9. Johnston, A.M., Johnson, S.G., Koven, M.L., & Keil, F.C. (2017). Little Bayesians or little Einsteins? Probability and explanatory virtue in children's inferences. *Developmental Science*, 20(6), 1-14
10. Horne, Z., & Khemlani, S. (2018). Conceptual constraints on generating explanations. In C. Kalish, M. Rau, T. Rogers, & J. Zhu (Eds.), *Proceedings of the 40th Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Austin, TX: Cognitive Science Society.
11. Trust. Available at: www.suttontrust.com/wp-content/uploads/2014/10/What-makes-great-teaching-FINAL-4.11.14-1.pdf
12. Lieder, F., Griffiths, T.L., Huys, Q.J., & Goodman, N.D. (2018). The anchoring bias reflects rational use of cognitive resources. *Psychonomic Bulletin & Review*, 25(1), 322-349.
13. Education Endowment Foundation (EEF). (2019b). Metacognition and self-regulated learning. EEF. Available online at: https://educationendowmentfoundation.org.uk/public/files/Publications/Metacognition/EEF_Metacognition_and_selfregulated_learning.pdf
14. Mourshed, M., Krawitz, M. and Dorn, E. (2017). How to improve student educational outcomes, McKinsey & Co. Available at: www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Industries/Social%20Sector/Our%20Insights/How%20to%20improve%20student%20educational%20outcomes/How-to-improve-student-educational-outcomes-New-insightsfrom-data-analytics.ashx
15. Tworek, C.M., & Cimpian, A. (2016). Why do people tend to infer "ought" from "is"? The role of biases in explanation. *Psychological Science*, 27(8), 1109-1122

© Шадурко Олег Владимирович (9911151@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОРРЕЛЯЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МОЗГА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Ядрищенская Татьяна Васильевна

К.б.н., доцент, Тихоокеанский государственный
университет, г. Хабаровск
tagir.on-line@mail.ru

CORRELATION RELATIONSHIPS OF SPATIO-TIME BRAIN ORGANIZATION AS A SYSTEM APPROACH IN THE STUDY OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL PROCESSES

T. Yadrishenskaya

Summary: The article examines the correlation relations of the indicators of the spatio-temporal organization of the brain from the side of the systems approach. During the study, reliable values of the correlation coefficient were established between the individual asymmetry profile as a spatial indicator and temporal characteristics of the system, such as the «individual» minute, the speed of a simple visual-motor reaction, circadian chronotype. The discovered relationships are a manifestation of one of the properties of the multidimensional space-time system of the brain.

Keywords: spatio-temporal organization of the brain, correlation relationships, systemic approach, individual asymmetry profile, speed of simple visual-motor reaction, circadian chronotypes, individual minute.

Аннотация: В статье рассматриваются корреляционные отношения показателей пространственно-временной организации мозга с позиций системного подхода. В ходе исследования установлены достоверные значения коэффициента корреляции между индивидуальным профилем асимметрии как пространственным показателем и временными характеристиками системы, такими как «индивидуальная» минута, скорость простой зрительно-моторной реакции, суточный хронотип. Обнаруженные взаимоотношения являются проявлением одного из свойств многомерной пространственно-временной системы мозга.

Ключевые слова: пространственно-временная организация мозга, корреляционные отношения, системный подход, индивидуальные профиль асимметрии, скорость простой зрительно-моторной реакции, суточные хронотипы, индивидуальная минута.

Введение

Согласно теории функциональных систем П.К. Анохина, в основе поведения, как активного отношения организма со средой, лежат качественно специфические системные процессы или процессы организации элементов в систему. Функциональные системы – «это динамические, саморегулирующиеся организации, все составные компоненты которых взаимодействуют достижению полезных для системы и метаболизма организма в целом приспособительных результатов» [1]. Наличие функциональных систем позволяет регулировать поведение, причем наиболее важным аспектом данного подхода было постулирование иерархичности и динамического характера систем. Системный принцип изучения различных сторон функционирования и деятельности организма человека предполагает наличие многомерных и многоуровневых связей как в пределах отдельной частной конституции, так и между ними [3]. Целостность индивидуальности лежит в основе того факта, что любое воздействие хотя бы на один из уровней (биохимический, физиологический, психологический и др.) неизбежно приводит к откликам

на всех других уровнях и изменяет текущее состояние организма человека [3]. Реализация принципа целостности обязывает исследователей рассматривать различные аспекты индивидуальности во всем многообразии их взаимосвязей и взаимодействия

«Любому явлению психики присущи две неотрывные друг от друга характеристики, взаимно определяющие друг друга. Первая – это специфически психическое содержание, вторая – пространственно-временная организация» [2, с. 153]. Человек функционирует психически в реальном и индивидуальном пространстве и времени – пространственно-временном континууме. Индивидуальные пространство и время соответствуют пространственно-временной организации парной работы полушарий мозга. Участие полушарий мозга в реализации различных пространственно-временных отношений подтверждается клиническими данными. В исследованиях Брагиной Н.Н. и Доброхотовой Т.А. «гипотеза об асимметрии полушарий как о выражающей собой особую пространственно-временную организацию функций целого мозга основана на сравнительном анализе психопатологической симптоматики избирательного

поражения мозга правой и левой. Нарушение симметрии функций пространственно противоположных полушарий мозга в этой гипотезе предполагается опосредованным временем. Функциональный вклад правого и левого полушарий в формирование психики человека предполагается различным потому, что полушария в их парной работе функционируют несходно во времени. Парная работа осуществляется в настоящем времени так, что правое полушарие опирается на прошлое, левое – на будущее время» [2, с.156]

Использование системного принципа в изучении феномена пространственно-временной организации мозга позволяет раскрывать новые ракурсы реализации взаимодействия мозг – психика.

Целью нашего исследования является актуализация принципа целостности (системного подхода) в отношении пространственно-временной организации мозга через изучение корреляций латеральных (пространственно асимметричных) признаков человека с его индивидуальными, временными, особенностями.

Гипотеза нашего исследования предполагает, что пространственно-временная организация мозга проявляет себя через определенные психофизиологические показатели, а системный подход к изучению этой организации мозга можно реализовать с использованием коэффициента корреляции.

Материалы и методы исследования

В обследовании приняли участие студенты Тихоокеанского государственного университета в возрасте 18-27 лет в количестве 159 человек. Исследование проводилось в утренние часы в состоянии физического и психического покоя. В качестве индивидуальных латеральных пространственных показателей были использованы элементы индивидуального профиля асимметрии. Профиль латеральной организации мозга, или индивидуальный профиль асимметрии (ИПА), рассматривается как фактор, обеспечивающий индивидуальную специфику двигательных функций. Индивидуальный профиль асимметрии по моторным и сенсорным показателям определяли с помощью тестов и опросника; оценивали в баллах, а затем высчитывали среднее значение уровня асимметрии в процентах.

По результатам тестирования выделяют следующие типы сенсорно-моторной асимметрии (ИПА): 1) тип 1: процент латеральности в баллах составляет от -100 % до -50 % – это сильный левосторонний профиль; 2) тип 2: от -50 % до -10 % – частичный левосторонний профиль; 3) тип 3: от -10 % до +10 % – неопределенный, равносторонний профиль; 4) тип 4: от +10 % до +50 % – частичный правосторонний профиль; 5) тип 5: от +50 % до +100 % –

сильный правосторонний профиль.

Для оценки временных показателей были выбраны: тест Ф. Халберга – определение «чувства времени» по индивидуальной минуте (ИМ), оценка скорости простой зрительно-моторной реакции с помощью компьютерного аппаратного комплекса «НС-ПсихоТест» (ПЗМР) и оценка суточных хронотипов по методике Хорна-Остберга.

Результаты исследования и обсуждение

При оценке профилей латеральной организации в обследуемой студенческой группе были получены следующие результаты: 67 % студентов были отнесены к 5 типу, с сильным правосторонним профилем по моторной и сенсорной асимметрии; 29 % студентов были отнесены к 4 типу, с частичным правосторонним профилем; 3% составили студенты с левосторонним профилем и 1 % с неопределенным профилем [10].

Проведенные нами исследования по вычислению коэффициента корреляции профиля асимметрии с индивидуальной минутой, как показателя «чувства времени», продемонстрировали достоверные результаты:

$r = 0,419$, что достоверно при $p \leq 0,01$ по двустороннему критерию [10]. Данные результаты показывают, что при увеличении доли правшества в индивидуальном профиле наблюдается тенденция к недоотмериванию эталонных отрезков времени (секунд) и увеличению значения «индивидуальной минуты» по нашей методике. И, наоборот, студенты с частичным левосторонним профилем асимметрии в большей степени проявляют тенденцию к «растягиванию» времени, их индивидуальное время течет более медленно, чем у большинства выраженных правосторонних по профилю студентов. Полученные результаты согласуются с исследованиями Тришина Е.С. и др. в отношении того, что «что люди с высокой адаптацией к нагрузкам (физическим, интеллектуальным, эмоциональным и др.) способны «растягивать» время (левши) или обладать эталонной ИМ (правши)» [8]

В нашем исследовании 77 % студентов отмеривают минутный интервал замедленно, они растягивают время, поэтому метрическая минута у них субъективно укладывается в значения 38–54 секунды. Необходимо отметить, что умеренное растягивание, согласно данным исследователей, считается нормальным, значительное же замедление может быть проявлением доминирования тормозных процессов на фоне усталости, заболевания, неврастении, эмоционального ступора [4].

В работах В.А. Москвина подчеркиваются связи индивидуальных профилей латеральности с такими параметрами психологического времени как характер

временных ориентаций, особенности восприятия и переживания времени. Отсчет длительности временных интервалов, в основе которого лежит сознательный счет с использованием определенного временного эталона, представляет собой специфический мозговой паттерн возбуждения и торможения, который в свою очередь определяется состоянием кортикального тонуса, уровнем активации мозговых структур, а также межполушарной мозговой асимметрией [5].

Одним из показателей временных, скоростных, процессов является время (скорость) простой зрительно-моторной реакции. Общая скорость ПЗМР обусловлена анатомическими особенностями анализатора, свойствами нервных процессов, психофизиологическим состоянием организма и двигательного-координационным потенциалом обследуемого.

Оценка результатов ПЗМР производится на основе средних значений времени реакции и стандартного отклонения. Среднее значение времени реакции отражает среднюю скорость реакции и характеризует свойство подвижности.

Оценка общего результата скорости реакции по методике «Простая зрительно-моторная реакция» в группе студенческой молодежи показывает относительно высокие показатели функциональной подвижности тестируемых – среднее значение простой сенсо-моторной реакции составляет 270,7 мс, что свидетельствует о достаточно хороших психофизиологических ресурсах и, в целом, характеризует функциональное состояние исследуемых студентов, как находящееся в пределах психофизиологической нормы [11; 12].

Вычисление коэффициента корреляции индивидуального профиля асимметрии с быстротой реакции выявило его достоверную значимость при $r = 0,517$ [11]. Полученные результаты подтверждают данные исследований Е.Б. Сологуб, согласно которым левши по сравнению с праворукими имеют более короткое латентное время двигательной реакции на свет, обеспечивающее успешность простых и быстрых действий, но меньшую скорость переработки сложной информации [7].

Е.Д. Хомская также свидетельствует о том, что праволатеральные индивиды от природы являются двигательными более активными и обнаруживают более высокую способность к произвольному ускорению такой активности [9].

Изучение распределения суточных биоритмов среди студентов по методике Хорна-Остберга показало, что в исследуемой студенческой группе преобладающим является «дневной тип», или «голубь», что составляет 54 % от общего количества респондируемых студентов. На втором месте по рейтингу суточных биоритмов находятся представители «вечернего типа», «сова», – 33 % обследуемых и, меньше всего среди студентов ТОГУ людей «утреннего» типа, или «жаворонков» – 13 % [13]. Сопоставление взаимосвязи количественных значений суточного хронотипа и индивидуальной минуты с использованием коэффициента корреляции с дальнейшей проверкой на достоверный уровень значимости показало, что $r = 0,596$ при $p < 0,05$ [10; 13]. Таким образом, подтверждается предположение о том, что именно люди вечернего типа субъективно растягивают время, таким образом их внутреннее время течет медленнее, чем объективное метрическое. Следовательно, у представителей «вечернего» типа могут возникать проблемы во временной ориентации, что часто проявляется в неправильной оценке своих временных действий и возможности нередких опозданий.

Оценка корреляционных отношений показала наличие достоверных корреляций в обследуемой группе студентов между суточным хронотипом и индивидуальным профилем асимметрии – $r = 0,312$, при $p < 0,05$. Корреляция показывает, что для студентов «утреннего» типа в большей степени характерно наличие правостороннего профиля асимметрии.

Заключение

В нашем исследовании показано, что реализация системного подхода в изучении пространственно-временных отношений в деятельности мозга может быть частично осуществлена использованием статистического метода оценки корреляционных взаимосвязей. Такой подход позволяет в определенной степени обнаружить известные взаимоотношения, но для понимания и раскрытия этих взаимодействий необходимы другие методы инструментального исследования, которые на современном этапе развития науки пока не разработаны или не применимы для человека. Тем не менее, определение отношений между компонентами пространственно-временной организации мозга как свойства этой системы позволяет оценивать другие характеристики этой сложной многомерной структуры, такие как результативность, функциональность, адаптивность, устойчивость, способность к саморегуляции и развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохин, П.К. Узловые вопросы теории функциональных систем / П.К. Анохин. – М.: Наука, 1980. – 197 с.

2. Брагина, Н.Н. Функциональные асимметрии человека [Текст] / Н.Н. Брагина, Т.А. Доброхотова. – М.: Медицина, 1988. – 468 с.
3. Мерлин, В.С. Психология индивидуальности: Избранные психологические труды / В.С. Мерлин; Под ред. Е.А. Климова. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2005. – 544 с.
4. Моисеева, Н.И. Время в нас и время вне нас. / Н.И. Моисеева – Л.: Лениздат, 1991. – 156 с.
5. Москвин, В.А. Нейропсихологические аспекты исследования временной перцепции у здоровых лиц / В.А. Москвин, В.В. Попович // I Международная конференция памяти А.Р. Лурия. Сб. докладов под ред. Е.Д. Хомской, Т.В. Ахутиной. – М.: Изд-во РПО, 1998. – С. 160–166.
6. Психология человека от рождения до смерти / под ред. А.А. Реана. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. – 656 с.
7. Сологуб, Е.Б. Корковая регуляция движений человека. – М.: Медицина, 1981. – 184 с.
8. Тришин, Е.С. Хронотопобиологические свойства спортсменов индивидуальных ситуационных видов спорта с учетом латерализации полушарий / Е.С. Тришин, Е.М. Бердическая, Е.М. Тришин, А.С. Голубева // Физическое воспитание и спортивная тренировка. – №2. – 2020. – С. 114–121.
9. Хомская, Е.Д. Нейропсихология индивидуальных различий: Учеб. пособие / Е.Д. Хомская, И.В. Ефимова, Е.В. Будыка, Е.В. Ениколопова. – М.: Рос. Пед. Агентство, 1997. – 281 с.
10. Ядрищенская, Т.В. Индивидуальный профиль асимметрии и некоторые психофизиологические показатели студентов ДВГУ / Т.В. Ядрищенская // Научные чтения «Биология. Экология. Образование / под ред. В.Т. Тагировой, А.Ф. Дулина. – Хабаровск: Изд-во, ДВГУ – 2009. – С.80–85.
11. Ядрищенская, Т.В. Психофизиологические показатели и успеваемость студентов ДВГУ / Т.В. Ядрищенская, Е.Г. Жулий // Научные чтения «Биология. Экология. Химия. Образование»: сб. научных трудов по итогам работы 58 научной конференции преподавателей ДВГУ / под ред. В.Т. Тагировой, А.Ф. Дулина. – Хабаровск: Изд-во ДВГУ, 2013. – С. 127–134.
12. Ядрищенская, Т.В. Психофизиологические показатели в аспекте адаптации студентов к учебной деятельности в вузе / Т.В. Ядрищенская // Наука и образование на российском Дальнем Востоке: современное образование и перспективы развития. – Т2. – Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, 2016. – С. 380 – 385.
13. Ядрищенская Т.В. Циркадианные биоритмы студентов и их значение в учебной деятельности / Т.В. Ядрищенская // Материалы международной научно-методической конференции «Проблемы высшего образования» Хабаровск, 6–8 апреля 2016 г. – Том II. – ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск г, 2016. – С.176 – 178.

© Ядрищенская Татьяна Васильевна (tagir.on-line@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЕ О СЧАСТЬЕ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ КИТАЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ КАК ВАЖНЫЙ КОМПОНЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА¹

Ань Цюань

Доцент, Хэйхэский университет, г. Хэйхэ,
провинция Хэйлуцзян, КНР
26073252@qq.com

THE CONCEPT OF HAPPINESS IN THE STUDENT ENVIRONMENT OF CHINESE UNIVERSITIES AS AN IMPORTANT COMPONENT OF THE ORGANIZATION OF SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION IN THE SPACE OF THE UNIVERSITY

An Quanyi

Summary: This article is intended to determine the role of the concept of happiness among Chinese students of higher schools as an important component, which must be taken into account when planning and organizing spiritual and moral education in the space of a university. The author of the work notes that the historical and social development of modern China has radically influenced the disunity of the concept of happiness in the student community of the country, which significantly complicated the work of teachers in the process of moral education of future specialists. In this work, an attempt is made to describe possible vectors of reorientation, reforming old and introducing new mechanisms for educating a versatile and harmonious personality, taking into account its life and social aspirations, as well as needs, the implementation of which will allow a person to realize his own happiness, that is, satisfaction with his role in the life of his contemporary society.

Keywords: students; happiness; spiritual and moral education.

Аннотация: Настоящая статья призвана определить роль представления о счастье в среде китайских студентов высших школ как важнейшего компонента, учёт которого необходим при планировании и организации духовно-нравственного воспитания в пространстве вуза. Автором работы отмечается, что историческое и социальное развитие современного Китая коренным образом повлияли на разобщение понятия о счастье в студенческом сообществе страны, что значительно осложнило работу педагогов в процессе нравственного воспитания будущих специалистов. В настоящей работе предпринята попытка описать возможные векторы переориентации, реформирования старых и внедрения новых механизмов воспитания разносторонней и гармоничной личности, учитывающих её жизненные и общественные стремления, а также потребности, реализация которых позволит человеку осознать собственное счастье, то есть удовлетворение своей ролью в жизни современного ему социума.

Ключевые слова: студенты; счастье; духовно-нравственное воспитание.

Счастье – это тот важный критерий, который определяет уровень удовлетворённости человека своей ролью, своим личным вкладом в жизнь современного ему общества. Симптоматично, что здесь представляется возможным говорить о взаимосвязи личностного энтузиазма (иными словами, личностной активности) и степенью собственного удовлетворения по результатам этой деятельности.

В то же время счастье является важным психологическим параметром, отражающим качество жизни людей в обществе окружающих. В глубинный смысл феномена счастья два аспекта: когнитивный и эмоциональный

компоненты. Когнитивный компонент в общем состоит в степени удовлетворенностью жизнью, то есть в осознании того, удовлетворен ли конкретный человек или же группа людей жизнью в социуме, в котором они функционируют. Эмоциональный компонент представляет собой чувственное переживание конкретного человека или определенной группы людей за качество их социальной жизни. Отметим, что эмоциональный компонент включает как положительные эмоции, нейтральные эмоции, так и отрицательные эмоции. В реальной общественной жизни отрицательные эмоции снижают уровень личностного счастья или даже непосредственным образом влияют на появление ощущения практически полного

¹ Данная статья является результатом научно-исследовательского проекта 2018 г. провинциальных вузов Хэйлуцзяна «Исследование эффективного пути построения партийных организаций базового уровня в университетах с точки зрения «больших мыслей и политики». Номер проекта: 2018-KYYWF-1271.

отсутствия чувства счастья. Положительные же – увеличивают индивидуальное счастье, тем самым стимулируя более активное включение человека в общественную жизнь. В эмоциональном опыте человека удовлетворение жизнью занимает ключевое место. Практика доказала, что люди или группы, которым присущи в основном положительные эмоции обычно выше оценивают уровень своей удовлетворенности жизнью.

Эти данные следует учитывать при планировании и организации мер, направленных на духовно-нравственное воспитание детей, подростков (в средних образовательных организациях) и студентов (в том числе и в высших учреждениях). В рамках настоящей статьи будет рассмотрена такая разнородная социальная группа, как студенчество. Вузы на сегодняшний день практически полностью отошли от догмы, что должны лишь обучать будущих специалистов: непосредственно транслировать им знания из определенной научной области. В современном мире функция высших образовательных организаций несколько расширена, в которую активно внедряется необходимость всестороннего развития личности, в том числе и её духовно-нравственного компонента.

Студенты представляют собой особую группу молодых людей. Они обладают определенными научными и культурными знаниями, моральными качествами. Их понимание морали сильно отличается от других социальных групп. Отличительные черты имеет и такой личностный критерий, как представление о счастье. Исследования показали, субъективная самооценка уровня счастья у современных китайских студентов ниже, чем у американских [1].

Отметим и то, что данные представления разнятся у студентов, проходящих обучение в разных по уровням и категориям университетах. Причиной этому служит тот микроклимат, особенности учебного процесса конкретного учреждения, где получают образование будущие специалисты. У них наблюдаются разные видения будущего, а также личностные ожидания, что определяет их осознание себя, что и отражается в оценке собственного счастья. Более того, эмоциональные переживания учащихся в университетах разного уровня также отличаются неоднородностью. Чем выше общий уровень университета, тем сильнее у учащихся способность к профессиональному обучению. Соответственно, чем выше степень инициативы, тем сильнее чувство счастья, и наоборот. Кроме того, после поступления в университет также существует различие представление о счастье между студентами в зависимости от их половой принадлежности. Уровень счастья у студентов-мужчин значительно ниже, чем у студенток, и их ожидания в отношении будущего несколько ниже, чем у студентов-женщин.

Симптоматично, что данные сведения необходимо классифицировать и учитывать в практике духовно-

нравственного воспитания с целью повышения познавательных способностей студентов, укоренения в них чувства необходимости непрерывного образования. Чем выше удовлетворенность современных обучающихся жизнью и обучением, тем более позитивный взгляд они имеют на собственную жизнь, чем выше признание ими авторитета университета, тем выше эффективность нравственного воспитания, что также имеет огромное влияние на темпы социальной адаптации.

Духовно-нравственное воспитание в современных университетах учитывает ценность счастья для современных студентов. С точки зрения марксистской концепции счастья, духовно-нравственное воспитание – это не только диалектическая задача, направленная на помощь людям правильно осмыслить смысл феномена человеческого счастья и социального счастья, но и в процессе социальной практики проявить о них своеобразную заботу, вселить понятие «свободной личности». Нравственное воспитание, таким образом, состоит в вдохновении на улучшение познания, стандартизации и воспитании «реалистичных людей», необходимых современному обществу. Духовно-нравственное воспитание молодёжи предполагает формирование у них стремления к социальным ценностям, усвоения и принятия требований социальных норм, что должно гармонично интегрироваться в их индивидуальную идеологию, собственные понятия о морали. Все эти меры способствуют воплощению человеческой субъективности в процессе социального развития, способствуют дальнейшему совершенствованию и трансформации методов и парадигм социального управления и становится способом развития всесторонней личности. Субъективное познание – важное ценностное средство для достижения человеческой свободы.

В деятельности, направленной на объективизацию нравственного воспитания, счастье проявляется в удовлетворении и свободном выражении образовательных идеалов, потребностей развития и внутренних стремлений, в получении признания и уважения образовательного объекта и общества, в осознании собственного потенциала и в проявлении личностных характеристик и «свободной индивидуальности». Это непосредственно влияет на внутренний опыт счастья, который включает в себя сублимацию познания и эмоций.

Таким образом, счастье – это удовлетворение собственной жизнью, уровень реализации личностных потребностей учащихся в сумме с сформированной системой ценностей, высоким понятием морали; это интеграция истинной ценности истины, добра и красоты с социальным существованием.

У студентов в процессе получения образования в вузах чувство счастья проявляется в двух аспектах, первый из которых – это интерес и эмоция, которые являются

основой для достижения обучающимися своего собственного счастья. Как сказал Маркс: «Мой труд – это выражение свободной жизни, поэтому это радость жизни» [2]. Следовательно, труд, или социальная практика, – это выражение человеческих качеств, а также источник и основа для подтверждения собственного счастья, в зависимости от которых находится и уровень инвестиций молодых студентов в свой профессиональный труд и качество их представления о счастье в целом. Поэтому интерес и эмоции возникают в результате трудовой и социальной практики, коренятся в социальных отношениях, сформированных реальными людьми в процессе различных видов взаимодействия, что, несомненно, способствует социальному развитию. Практичность и историчность стали для нас основными предпосылками интерпретации феномена счастья студентов.

Второй – это реализация самосознания, которое отражает способность молодых людей осознавать роль человека в рабочих моментах и в социальных отношениях. Потребности являются подтверждением личностной сущности и проявляют человеческую природу. Только когда молодые студенты имеют четкое представление о системе собственных потребностей, они могут правильно интерпретировать ценностные отношения между объектами, сформировать чувство индивидуальной эффективности и ценности в процессе обучения и по-настоящему понять, что такое значит для них счастье, познать их интересы. Только на основе осознанного понимания представляется возможным обрести правильное представление об академическом и социальном существовании, а также о получении «настоящего счастья», о повышении значимости познания и академической ценности, а также о чувстве выполненного долга в пространстве развития будущей жизни.

Можно увидеть, что реализация самосознания является основной способностью жизненного развития молодых студентов и ключом к формированию их духовной жизни. Только постоянная стимуляция стремления к улучшению самопознания молодых людей поможет им почувствовать счастье и реализовать совокупность их интересов и личностных достоинств.

Счастье – это отсыл к природе человека. Оно развивается и реализуется в практической деятельности. Поскольку социальное развитие Китая вступило в новую эру, а социалистическая модернизация достигла важного периода трансформации, взгляды современных студентов на счастье в определенной степени изменились, и возникли «четыре модернизации» ценностей счастья, что привело к многоголосице представлений студентов о счастье. Например, данные факторы заставили некоторых людей впасть в чистое физическое счастье и чистое духовное удовлетворение. Это нельзя ни учитывать при планировании работы по духовно-нравственному воспитанию современного студенчества: необходимо

ориентироваться на насущные проблемы сегодняшнего студента, поскольку «обучать счастливых людей» и оказывается целью преподавателей высшей школы. В условиях новой эры еще более актуализировалась нужность и важность использования механизмов воспитания с учётом данных представлений о счастье учащих-ся категорий. Это реализует задачу научить студентов применять «борьбу за счастье» в условиях новой эры, улучшать свой когнитивный уровень и на практике применять знания об уважении человеческой природы и о необходимости непрерывного человеческого развития на протяжении всей жизни.

Столкнувшись с резко увеличивающимся разрывом между трудовым доходом и приростом капитала, общество стало ориентироваться на рынок, что, неизбежно, привело к изменению вектора ценности человеческого развития: слишком высоко ценилось материальное благополучие, и общество постепенно отходило от «погони за счастьем». Студенты также оказываются теми субъектами, которые интересуются современным состоянием экономики, поэтому стремятся к максимальному раскрытию своих интересов в процессе собственного развития, чтобы оказаться конкурентоспособным на современном рынке труда. Но нельзя обойти стороной тот факт, что им присущи и социальные качества, т.е. неукоснительное соблюдение основных социальных норм и моральных законов. Только когда «экономические люди» и «социальные люди» объединятся, студенты смогут осознать высшую ценность человеческой природы – свободу и освобождение. Следовательно, процесс духовно-нравственного воспитания не ограничивается лишь формированием высокого морального уровня личности. Данный факт свидетельствует о необходимости создания грамотных воспитательных систем, учитывающих как престижные (чисто профессиональные потребности человека), так и нравственные. В связи с этим приведём слова Генерального секретаря Си Цзиньпин, который в отчете 19-го Национального конгресса Коммунистической партии Китая указал: «Мы должны придерживаться мышления, ориентированного на людей, продолжать удовлетворять растущие потребности людей в лучшей жизни, продолжать продвигать социальную справедливость и справедливость и формировать эффективное социальное управление и хороший общественный порядок, чтобы народ испытывает чувство приобретения, счастья и безопасности, и делать данные чувства более существенным, безопасным и устойчивым» [3].

Поэтому современный вуз оказывается в ситуации необходимости ориентации на насущные проблемы студенческого сообщества и социума в целом, что неизбежно показывает важность реформирования и корректировки, а также внедрения новых механизмов нравственного воспитания молодёжи, чтобы избежать образовательного утилитаризма. Всё это кроется в усилении государственного надзора и управления, созда-

нии благоприятной экологической среды нравственно-го воспитания в университетах и нацеливании учащихся на признание системы ценностей (личных и общественных), удовлетворение престижных потребностей (так называемое общественное признание). Всё вышперечисленное стимулирует развитие природных талантов молодых людей, формирует механизм здоровой конкуренции, чтобы действительно знающие и способные студенты получали возможность развиваться в выбранной профессиональной области. А разумные и целесообразные вознаграждения и наказания, также входящие в арсенал механизмов реализации духовно-нравственного воспитания, способствуют интеграции социальной морали студентов и цели развития, а также повышают их успеваемость в целом.

Симптоматично, что использовать единый стандарт для измерения и оценки деятельности студентов не представляется возможным. Однако обеспечение качественного нравственного воспитания и всесторонней поддержки студентов, а также грамотное руководство процессом их образования – это высшая цель любого педагога вуза. Кроме того, воспитательная деятельность не предполагает учёт различий в зависимости от социального и материального положения учащихся. «Новая эра» высшего образования предполагает ориентацию на доступность обучения.

Гуманизм Маркса предполагает, что реальные условия существования общества являются первостепенной основой для реализации человеческого счастья. Чтобы его достичь, люди должны иметь конкретное и полное представление об окружающем мире. Кроме того, счастье людей основано на стремлении к удовлетворению собственных производственных материальных целей. В условиях применения высокоразвитых производственных методов, а также при коренных изменениях в образе жизни людей члены общества постоянно преодолевают препятствия, вызванные объективными законами социального развития. Поэтому саморазвитие в материальном труде, максимизация личного потенциала для внесения посильного вклада в совершенствование действительности поможет получить настоящее чувство счастья посредством собственной трудовой деятельности.

Таким образом, за последние 40 лет реформ и открытости Китая сформировалась модель разнообразных социальных и экономических компонентов и интересов. В условиях постоянного углубления и масштабности распространения социалистических реформ различные идеологии и культуры переплелись, что не могло не сказаться на ценностных устремлениях студентов, их представлении о счастье, которое отличается высокой степенью разобщенности. Данные противоречия обсуждаются и на государственном уровне. В частности, Центральный комитет партии во главе с Си Цзиньпином принял решение гарантировать студентам получение возможности стать носителями принятых в современном обществе социальных ценностей наряду с получением высшего образования, что предполагает их высокую профессиональную квалификацию.

В качестве рекомендаций педагогом высшей школы, осуществляющим духовно-нравственное воспитание студентов, представляется возможным выразить следующее:

- необходимо укоренить в сознании молодых людей стремление к противостоянию размытия мышления декадентскими и отжившими культурами;
- способствовать созданию гармоничной культуры нравственного воспитания;
- смоделировать и представить студентам основную концепцию счастья (личностного и общественного в совокупности);
- стимулировать студенчество на постоянные активные действия, нацеленные на получение счастья своими силами и старательным трудом.

Только с учётом всех вышперечисленных положений основной акцент в образовательном процессе будет уделяться разумному нравственному воспитанию посредством пропаганды и применения основных концепций, выстроенных на основе социалистических ценностей, которые стимулируют развитие устойчивой мотивации студентов к учебной деятельности, защищают провозглашённые права и свободы людей, содействуют построению гармонии в межличностных отношениях, актуализируют стремление учащейся молодёжи к всестороннему и непрерывному личностному развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. 严标宾, 郑雪, 邱林, 中国大陆、香港和美国大学生主观幸福感比较 [J] 心理学探新, 2003(2): 59-62.
2. 马克思, 恩格斯. 马克思恩格斯全集[M]第42卷. 北京: 人民出版社, 1979: 38.
3. 习近平. 第十九次全国代表大会上的报告[N]. 人民日报, 2017-10-28(03).

© Ань Цюань (26073252@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЧЕМУ ВРЕМЯ В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ ВСЕГДА НАСТОЯЩЕЕ

WHY TIME IN NATURE AND SOCIETY IS ALWAYS PRESENT

**T. Lolaev
A. Dryaev**

Summary: According to researchers, even if final answers to all the questions that make up the problem of time are found, but the answer to the question of what objectively real parameters or characteristics differs the existence of past events from the existence of present events, and possibly the future, then the problem of time will remain a problem. In this regard, the authors try to substantiate the thesis - time in nature and society is always present, and the past and future times do not have the status of reality. At the same time, they proceed from the provisions of the functional concept of time, according to which time is formed and in time there are material, social, historical and other objects, processes (each object according to Einstein is a process), as well as from the fact that time does not exist outside of objects, processes, time is always present. Since time is formed and in time there are only material, social, historical and other objects, processes time, and outside of objects, processes, therefore, in the past and future time does not exist, according to the authors, the past and the future cannot have the status of reality. The authors theoretically substantiated the new scientific propositions they formulated. In the opinion of the authors, the research they carried out has practical significance as well.

Keywords: functional time, objectively real time, proper time, present time, past time, future time, reality status.

Лолаев Тотраз Петрович

Профессор, Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)

lolaev.t@globalalania.ru

Дряев Аксентий Герисоевич

К.и.н., доцент, Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)

arsenn26@mail.ru

Аннотация: По мнению исследователей, если даже будут найдены окончательные ответы на все вопросы, составляющие проблему времени, но не будет дано ответа на вопрос, какими объективно-реальными параметрами или характеристиками отличается бытие событий прошлого от бытия событий настоящего, а возможно и будущего, то проблема времени так и останется проблемой. В этой связи, авторы, пытаются обосновать тезис - время в природе и обществе всегда настоящее, а прошлое и будущее времена статуса реальности не имеют. При этом они исходят из положений функциональной концепции времени, согласно которым время образуют и во времени существуют материальные, социальные, исторические и другие объекты, процессы (каждый объект по Эйнштейну – процесс), а также из того, что вне объектов, процессов время не существует, время всегда настоящее. Поскольку время образуют и во времени существуют лишь материальные, социальные, исторические и другие объекты, процессы время, а вне объектов, процессов, следовательно, и в прошлом и будущем время не существует, по мнению авторов, прошлое и будущее не могут иметь статус реальности. Авторы теоретически обосновали сформулированные ими новые научные положения. По мнению авторов, проведенное ими исследование имеет и практическое значение.

Ключевые слова: функциональное время, объективно-реальное время, собственное время, настоящее время, прошлое время, будущее время, статус реальности.

Центральным в комплексе вопросов, составляющих проблему времени, наиболее важным и наименее исследованным, по мнению исследователей, является вопрос о соотношении между прошлым, настоящим и будущим.

Так, видный отечественный философ Ю.Б. Молчанов писал: «Даже в том случае, если будут найдены окончательные ответы на все вопросы, составляющие проблему времени, но не будет дано ответа на вопрос, какими объективно-реальными параметрами или характеристиками отличается бытие событий прошлого от бытия событий настоящего (а возможно и будущего)... то проблема времени так и останется проблемой, то есть вопросом, на который нужно найти ответ» [1].

Начнем с того, что согласно функциональной концепции времени, материальные, социальные, исторические

и любые другие реальные объекты, процессы (по Эйнштейну любой объект - процесс) образуют собственные времена, в которых и существуют. Поскольку функциональное время несубстанционально и образуется реальными объектами, процессами с возникновения и до воплощения их материального содержания в последующие объекты, также образующие свои собственные времена, время вне объектов, процессов не существует. Из сказанного следует, что время в природе всегда настоящее.

Вместе с тем в прошлом и будущем временах нет реальных объектов, процессов, которые бы образовывали свои собственные времена. В этой связи, неправомерно вести речь о существовании в природе прошлого или будущего времени.

Прошлое и будущее времена, как отмечали многие

мыслители античности и современные исследователи, возникают и существуют лишь в сознании человека и к объективной реальности не имеют какого-либо отношения. По этой причине, попытки как-то увязать их с реальностью, в которой обитает человек, на наш взгляд, не могут иметь успеха.

С тезисом, что время в природе всегда настоящее и течет из настоящего к последующему настоящему, исследователи, как правило, не согласны, так как, по их мнению, в этом случае настоящее не течет, а течение времени является характерной его чертой.

В этой связи следует иметь в виду, что настоящее время, образуемое объектами, процессами, всеми вещами и явлениями, происходящими в объективной реальности, течет, во-первых, в результате последовательной смены их качественно новых состояний, во-вторых, по причине того, что каждый из последовательно сменяющихся объектов, образует также свое собственное время. Из сказанного следует вывод: время течет не от прошлого, через настоящее к будущему, а от настоящего к последующему настоящему [2].

На своеобразии отношений прошлого, настоящего и будущего указывал ещё Аристотель: «Что время или совсем не существует, или едва существует, будучи чем-то неясным, можно предположить на основании следующего. Одна его часть уже была и не существует, а другая – в будущем, и её ещё нет; из этих частей складывается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый промежуток времени. А то, что складывается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным к существованию» [3].

С нашей точки зрения, в природе нет бесконечного времени, поскольку, согласно функциональной концепции, оно всегда, конечно. В объективной реальности ничто не соответствует прошлому и будущему времени, их просто нет, а потому бесконечное время не может складываться из них.

По мнению ряда мыслителей далекого прошлого, настоящее – это выделяемый промежуток времени, момент «теперь», мгновение. И такое представление о времени сохранилось до наших дней, хотя в природе и обществе нет другого времени кроме настоящего, которое только и причастно к существованию.

Аристотель, полагая, что прошлое и будущее времена не существуют, вместе с тем сомневался и в существовании настоящего времени: «Кроме того, для всякой делимой вещи, если она только существует, существовали бы и её части, или все, или некоторые, а у времени, которое делимо, одни части уже прошли, другие только будут, и ничто не существует» [3].

Однако, по Аристотелю время, тем не менее, реально существует. Он указывает на то, что от «последующего» и «предыдущего» отличаются лежащие между ними моменты «теперь», ограничивающие именно то, что «и кажется нам временем» [3].

Несмотря на то, что Аристотель предполагал, что время состоит из моментов прошлого, настоящего и будущего, великий мыслитель, скорее всего, отдавал предпочтение именно настоящему времени, состоящему, по его мнению, из моментов «теперь».

И.А. Хасанов пишет: «Начиная от Парменида и Аристотеля, широкое распространение имеет мнение, что настоящее время – это отделяющее прошлое от будущего бездлительное мгновение. Представление о бездлительности настоящего времени заставило многих мыслителей отказывать материальному миру от истинного бытия. В действительности же любое материальное тело, любой материальный процесс, пока они существуют, – они существуют в настоящем времени» [4].

Представление о точечном и мгновенном настоящем, о моменте настоящего времени у мыслителей прошлого вытекало из наличия у времени трех модусов, трех видов. И это представление о том, что время имеет три вида, настолько укоренилось, что от него не отказались и современные исследователи. Именно по указанной причине, многие из них стали отказывать материальному миру от истинного бытия и задавались вопросом: чем бытие прошлых событий отличается от бытия настоящих, и чем бытие более прошлых событий отличается от бытия менее прошлых.

По нашему мнению, неправомерно ставить вопрос об отношении понятия бытия к событиям прошлого и будущего, поскольку деление на прошлое, настоящее и будущее составляет черту сознания, а в природе прошлое и будущее реально не существуют. О бытии прошлых событий можно вести речь только в том смысле, что когда-то они также реально существовали в своём собственном настоящем времени и собственном пространстве.

Принято считать, что проблема объективности времени не решена с античной эпохи несмотря на то, что в наши дни она серьезно обсуждается учеными всего мира.

Например, по справедливому мнению профессора И.А. Хасанова, любое материальное тело, любой материальный процесс, пока они существуют, пребывают в настоящем времени. Однако при этом он не ссылается на источники несмотря на то, что данное научное положение, касающееся объективности времени, было сформулировано и обосновано до него.

В.Н. Зима пишет: «У Аристотеля постановка решения

вопроса о сущности времени выявляется в двух взаимосвязанных аспектах. Первый представлен знаменитым парадоксом, в котором существование времени поставлено под сомнение. Второй касается связи времени с движением»⁷.

О первом аспекте мы уже сказали. Что касается второго аспекта, он представляет для нас особый интерес, поскольку в нем речь идет уже об объективности времени, истинность которой мы пытаемся обосновать.

Аристотель писал: «Таким образом, время не есть движение (само по себе), но (является им поскольку) постольку движение заключает в себе число. Время есть именно число считаемое, а не посредством которого считаем» [3].

Как видно из сказанного, Аристотель осознает связь времени с движением, хотя не объясняет механизм этой связи. Он называет время числом, но не в прямом смысле, а для того, чтобы показать, что время является числом, считаемым так же, как и движение.

И с нашей точки зрения, связь времени с движением не вызывает сомнения, поскольку движение, как качественное изменение, является причиной объективно-реального, функционального времени, так как время возникает и существует в результате последовательной смены качественно новых состояний реальных объектов в природе и обществе.

Движение, как простое перемещение, не образует объективно-реальное, функциональное время. При механическом движении время возникает лишь в сознании человека, наблюдателя, и поэтому оно является субъективным временем.

Проблеме существования прошлого, настоящего и будущего, их соотношения много внимания уделено в учении Августина Аврелия. И, если не принимать во внимание его религиозное мировоззрение, учение Августина о времени представляет интерес и для современных исследователей.

По мнению Августина, прошедшего уже нет и будущего еще нет. Вместе с тем он писал, что «если бы ничего не проходило, то не было бы прошедшего, или бы ничего не приходило, то не было бы будущего» [6].

С нашей точки зрения ничто не проходит, поскольку материальное содержание объектов воплощается в последующие объекты, а не переходит в несуществующее прошлое время. Ничто не приходит из будущего, поскольку все объекты и явления всегда образуют свои собственные настоящие времена, в которых и существуют до воплощения их материального содержания в по-

следующие объекты, которые, в свою очередь, начинают образовывать свои собственные настоящие времена.

В этой связи будущее время не существует объективно-реально, как настоящее, а потому не может переходить в прошлое через настоящее.

Нельзя согласиться и с тем, что настоящее уходит в прошлое. Настоящее время не может уходить в прошлое или приходить из будущего, поскольку в природе нет ни прошлого, ни будущего времени.

Во-первых, понятие настоящего времени применимо лишь к постоянно возникающим и последовательно сменяющимся объектам, образующим свои собственные настоящие времена. В этой связи настоящее одного объекта не может оставаться всегда настоящим, поскольку после воплощения его материального содержания в последующий объект, его время заканчивается, а последующий объект, как уже было сказано, начинает образовывать свое собственное настоящее время. По этой причине, настоящее никогда не переходит из будущего в прошедшее.

Во-вторых, настоящее время не может являться вечностью, поскольку время всегда конечно, а вечность принято считать безначальной и бесконечной.

Здесь уместно будет сослаться на мнение французского философа Франсуа Жюльена, который, имея в виду противоречие между настоящим метафизики и мгновенным настоящим физики, пишет: «Чтобы решить этот вопрос, вновь прибегнем к анализу. Если в настоящем есть какая-то неосновательность, то она состоит, прежде всего, в том, что, как и само время, рассматривается с двух противоположных углов зрения, с которых мы подошли к этой проблематике. Из этого вытекает внутренняя противоречивость статуса настоящего; более того, именно в настоящем апория времени подвергается самому решающему испытанию: с одной стороны, существует в высшей степени устойчивое вечное настоящее метафизики, а с другой – мгновенное настоящее физики...» [7].

В этой связи заметим, что проведенное исследование убеждает нас в том, что в природе нет ни настоящего метафизики, ни мгновенного настоящего физики, как нет прошлого и будущего времени – есть только настоящее, образуемое реальными объектами и явлениями. А, поскольку в природе существует лишь настоящее время, длительность которого зависит лишь от длительности существования каждого конкретного объекта, в настоящем объективно-реального, функционального времени отсутствует всякая неосновательность.

По указанным причинам, в настоящем объективного времени нет внутренней противоречивости статуса на-

стоящего, поскольку в природе отсутствуют бесконечное время и мгновенное «теперь».

Очевидно, отдавая предпочтение существованию настоящего времени, Августин также отмечает: «Можно измерять время только текущее..., а прошедшее, равно как и будущее, которых нет в действительности, не могут подлежать нашему наблюдению и измерению» [8].

С мнением Августина можно согласиться, но с учетом того, что наблюдению не подлежит и настоящее время, поскольку оно не является физической сущностью.

По мнению Ф.Ф. Горбачевича: «Наиболее развитую концепцию времени разработал Августин Аврелий в первом тысячелетии новой эры. «Что же представляет собой время?». Как понимать «длительность» или «краткость» времени, где оно существует? В прошлом его уже нет. В будущем его еще нет. Значит, в настоящем. Но, если мы возьмем отрезок настоящего времени любой длины - в сто лет, в год, в месяц, в день, в час и т.д., то мы увидим, что он состоит как бы из трех интервалов. Один из них находится в прошлом, другой еще в будущем и кратчайший, неделимый уже далее на мельчайшие части, миг и составляет собственно настоящее время. Он так краток, что длительности в нем нет. Если бы он длился, в нем можно было бы отделить прошлое от будущего; настоящее продолжается. Но как же тогда мы можем измерять время, сравнивать временные отрезки и т.п.? Где же пребывает это неумолимое время?» [9].

Во-первых, как уже было сказано, время в природе и обществе всегда является настоящим. Следовательно, оно не состоит из трех интервалов, трех модусов.

Во-вторых, поскольку время всегда настоящее, оно не отделяет прошлое от будущего, поскольку прошлого и будущего времени в природе и обществе нет.

В-третьих, в связи со сказанным, можно измерить лишь настоящее время и сравнивать его временные отрезки.

В-четвертых, время образуют и во времени существуют все объекты и явления, составляющие мир, Вселенную, в которых необходимо происходят последовательно сменяющиеся качественно новые изменения, являющиеся причиной возникновения и существования настоящего времени, но не прошлого и будущего времен.

Поскольку наука призвана исследовать природу и выявлять в ней новые закономерности, чтобы использовать их в интересах человека, она должна считать неправомерной ситуацию, в которой, к примеру, человек, в течение всей своей жизни, существовал бы и в прошлом,

и в настоящем, и в будущем времени. Хотя, точнее, в этом случае, он должен был бы жить во всех видах времени, поскольку принято считать, что настоящее существует мгновение, миг, который не имеет длительности.

А какие закономерности могла бы выявить наука в прошлом и будущем временах, которых в природе нет. Как наука могла бы функционировать в так называемых прошлом и настоящем временах?

По указанной причине, ни мыслители древности, ни современные ученые не смогли обнаружить в природе прошлое и будущее времена. Искать указанные времена в природе равносильно поиску кошки в темной комнате, в которой ее нет.

Если бы настоящее не считалось мгновением, моментом «теперь», не имеющим длительности, а продолжалось бы секунду, минуту, или час, что можно было бы создать за это время? Как можно творить в течение мгновения?

В этой связи мы не можем принять за истину представления, согласно которым прошлое и будущее времена существуют. В этом случае пришлось бы признать, что человек живет и творит в прошлом и будущем временах, а не в настоящем времени, состоящим из моментов «теперь», которые не имеют длительности.

Наше мнение совпадает с точкой зрения тех ученых, которые считают, что прошлое и будущее существуют лишь в сознании человека.

Что касается настоящего времени, оно существует не только в сознании, но и в природе.

Проиллюстрировать сказанное можно примерами из славянского фольклора и художественной литературы, из которых следует, что человек давно осознал значение настоящего, что вся его деятельность протекает именно в настоящем времени, что «нельзя откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня».

В сказке Н.С. Лескова «Час воли божьей» [10] между её персонажами: Разлюляем и Мудрой девицей – состоялся следующий диалог:

«Молви, девица: какой час важнее всех?

- Теперешний, – ответила девица.

–А почему?

–А потому, что всякий человек только в одном теперешнем своём часе властен.

–Правда! А какой человек нужнее всех?

–Тот, с которым сейчас дело имеешь.

–А почему?

–Это потому, что от тебя зависит, как ему ответить, чтоб он рад и печален стал.

–А какое дело дороже всех?

–Добро, которое ты сей же час этому человеку успеешь сделать. Если станете все жить поэтому, то всё у вас заспорится и сладится. А не захотите так, то и не сладите».

Автор сказки Н.С. Лесков уже в ее названии указывает на то, что речь в ней пойдет о часе-времени (так, по словарю Даля, час – это время, времена, година, пора) [11], а не о часе, как периоде времени.

Когда Разлюляй обращается к мудрой девице со словами: «Молви, девица: какой час важнее всех?», он имеет в виду – время, а не час.

– «Теперешний», ответила девица, а это означает не что иное как – настоящее время.

На следующий вопрос: «А почему? - она ответила:

«А потому, что всякий человек только в одном теперешнем своём часе властен».

Иными словами, девица говорит о том, что человек властен лишь в своем собственном настоящем времени, в котором он общается с другим человеком.

Права девица, когда говорит, что «всякий человек только в одном теперешнем своём часе властен».

И, действительно, если человека не станет, он не перейдет в несуществующее прошлое время, которого нет ни в природе, ни в обществе.

Нет ни в природе, ни в обществе и будущего времени, в котором бы человек находился до своего рождения.

На вопрос: «А какой человек нужнее всех?», девица спрашивительно отвечает: «Тот, с которым сейчас дело имеешь».

Об этом свидетельствует ответ девицы и на очередной вопрос: «А почему? – «это потому, что от тебя зависишь, как ему ответить, чтоб он рад и печален стал, поскольку рад и печален может стать человек, который существует в своем настоящем времени.

Ответ мудрой девицы на последний вопрос Разлюляя: «А какое дело дороже всех? – «Добро, которое ты сей же час этому человеку успеешь сделать», окончательно убеждает нас в том, что с ее точки зрения время всегда настоящее.

И не случайно мудрая девица заканчивает свой диалог с Разлюляем, словами: «Если станете все жить поэтому, то всё у вас заспорится и сладится. А не захотите так, то и не сладите». Очевидно, что не только девица, но и другие славяне, осознавали практическое значение

того, что время всегда настоящее и не следует откладывать на будущее то, что можно сделать сегодня, в настоящее время, при котором происходит любое реальное действие.

Тем не менее, следует констатировать, что в наши дни далеко не всеми учитывается значение настоящего. Позволю себе привести ещё одно свидетельство, подтверждающее высказанную выше мысль, принадлежащую известному польскому писателю Тадеушу Доленга-Мостовичу, вложившему в уста одного из персонажей своей книги «Знахарь, или Профессор Вильчур» следующие слова: «Не умеешь философски смотреть на вещи. Обрати внимание: все люди думают о «завтра»... Вследствие этого не замечают день сегодняшней, не замечают настоящего. Все живут завтрашним, а когда это «завтра» становится действительностью, когда стрелки отмеривают соответствующее количество часов и переносят их в «завтра», уже ни на что не обращают внимания. Поэтому, как безумные, уставятся на уже следующее «завтра». Что-то рядом с ними случается, валом валят дела, что-то происходит. Они не могут видеть этого, не могут сосредоточить на этом внимание, ибо всё их внимание снова на будущее. Если бы я писал монографию о нашем времени, я бы назвал её «Люди без настоящего»... (Не считаете ли, что в этом заключено парадоксальное расточительство?). А ведь нельзя быть мудрым, не зная настоящего, не видя его и себя в нём» [12].

Уже по своей семантике слово «завтра» воспринимается как будущее. Не случайно отнесенность слова «завтра к среднему роду, оправдывается близким лексическим значением с существительным среднего рода «будущее». Но, как было сказано, согласно функциональной концепции времени, в природе нет ни прошлого, ни будущего времени.

В этой связи, когда наступает «завтра», человек продолжает существовать в «сегодня», т.е. в своем настоящем, а не в своем несуществующем будущем времени «завтра».

Согласно функциональной концепции времени, человек существует в своем настоящем времени всю жизнь. Время, в котором он существует, образуется в результате последовательной смены качественно новых состояний организма человека, как в едином целом.

Следовательно, когда наступает завтра, человек не переходит в завтра, которое для него стало сегодня, а продолжает жить в собственном настоящем времени - стрелки часов не способны переносить человека из сегодня в завтра, т.е., из настоящего в будущее.

В этой связи, чтобы завтра добиться лучшего результата, чем сегодня, не следует ждать прихода «завтра», а

действовать сегодня, т.е. в своем собственном настоящем времени.

Автор, как нам представляется, хорошо знал славянский фольклор, и отношение славян к настоящему времени. Не случайно его слова почти идентичны словам мудрой девицы. А потому можно полагать, что и сказочный персонаж мудрая девица, и реально существовавший пи-

сатель Тадеуш Доленга-Мостович осознавали не только свое существование в собственном настоящем времени, но и практическое значение понятия настоящего.

Таким образом, как нам представляется, в природе и обществе время всегда настоящее, а прошлое и будущее времена статуса реальности не имеют, поскольку существуют лишь в сознании человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. М., 1990. с. 8.
2. Лолаев Т.П. О «механизме» течения времени // Вопросы философии. 1996, №1
3. Аристотель. Соч. т. 3, с. 224.
4. Хасанов И.А. Время как объективно-субъективный феномен. Словарь. М.: Прогресс-Традиция. 2011. С. 187-188.
5. Зима В.Н. Проблема объективности времени в философии. М. Прометей. 2019. С. 323.
6. Августин Аврелий. Исповедь. Абеляр П. история моих бедствий. М., 1992. С. 167.
7. Жульен Ф. О «времени». Элементы философии «жить». М.: Прогресс-Традиция. 2005. С. 129.
8. Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. М.: 1969. С. 586.
9. Горбачевич Ф.Ф. Эфирная среда и гравитация. М.: «Либроком», 2020. С. 134.
10. Лесков Н.С. Собр. соч. в 12-ти т. Т. 11. М.: Правда. 1989. С.583.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4. С. 583.
12. Тадеуш Доленга-Мостович. Знахарь или профессор Вильчур. М., 1990. С. 462-427.

© Лолаев Тотраз Петрович (lolaev.t@globalalania.ru), Дряев Аквсентий Герисоевич (arsenn26@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Кавказский горно-металлургический институт

ВОСПИТАНИЕ КАК ПЕРВООСНОВА СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ

Лукинова Ирина Алексеевна

*К.ф.н., преподаватель, Северо-Кавказский федеральный
государственный университет г. Ставрополь.
lykinova09@mail.ru*

EDUCATION AS THE FUNDAMENTAL PRINCIPLE OF SOCIAL LIFE: ESSENCE, STRUCTURE AND CONTENT

I. Lukinova

Summary: The article makes a conceptual attempt to show that in any country in the world the very essence of its common culture, traditions, way of life, social reality, practices of human activity, values, worldview, beliefs, sociality, spirituality, etc., which, in turn, determine its politics, economics, law, governance, ecology, national security, etc. are always private and specific manifestations of one single, main and general principle - education. To achieve this goal, scientific means reveal and substantiate an extremely important, directly proportional relationship between the two main principles A and B, where A is the state of the state and society, on the one hand, and B is the general state of affairs in a given state and society with theory and practice of the implementation of the educational process. Education is presented as a real beginning, which endows with meanings the essence of both the person himself and the world around him in all significant aspects - ontological, epistemological, axiological, anthropological, sociological, praxeological, theological, futurological and other components of the semantic unity of man and the world given by this or that, necessarily already carried out education. The idea is substantiated that in the modern scientific world the phenomenon of education plays an ever less noticeable role, which cannot but lead to numerous negative phenomena in the development of man and society, in their interaction with nature.

Keywords: education, reality, person, state, society, activity, values, identity.

Аннотация: В статье делается концептуальная попытка показать, что в любой стране мира само существо ее общей культуры, традиций, уклада жизни, социальной реальности, практик человеческой активности, ценностей, мировоззрения, верований, социальности, духовности и др., которые, в свою очередь, определяют ее политику, экономику, право, управление, экологию, национальную безопасность и т.д. всегда являются частными и конкретными проявлениями одного единого, главного и общего начала – воспитания. Для достижения этой цели научными средствами вскрывается и обосновывается крайне важная, прямо-пропорциональная зависимость между двумя главными началами А и В, где А – это состояние государства и общества, с одной стороны, а В – это общее положение дел в данном государстве и обществе с теорией и практиками осуществления воспитательного процесса. Воспитание представлено как настоящее первоначало, которое и наделяет смыслами сущность, как самого человека, так и окружающего его мира во всех значимых аспектах - онтологическом, гносеологическом, аксиологическом, антропологическом, социологическом, праксиологическом, теологическом, футурологическом и др. составляющих смыслового единства человека и мира, задаваемого тем или иным, обязательно уже осуществленным воспитанием. Обосновывается мысль о том, что в современном научном мире феномен воспитания играет всё менее заметную роль, что не может не приводить к многочисленным негативным явлениям в развитии человека и общества, в их взаимодействии с природой.

Ключевые слова: воспитание, реальность, человек, государство, общество, деятельность, ценности, идентичность.

На произошедшие в нашем Отечестве радикальные изменения за последние десятилетия необходимо исследовательски взглянуть как на сложный, противоречивый и в то же время как на существенный исторический опыт развития, как на важнейший эксперимент, осуществленный самой историей, который заслуживает всестороннего научного анализа, для того, чтобы извлечь из него жизненно-важные уроки и сделать соответствующие выводы. Один из таких важнейших уроков напрямую, как будет представлено ниже, показано, связан с феноменом воспитание.

Основная цель данной статьи и состоит в том, чтобы научными средствами вскрыть и обосновать крайне важную, прямо-пропорциональную зависимость между двумя главными началами А и В, где А – это состояние государства и общества, с одной стороны, а В – это общее

положение дел в данном государстве и обществе с теорией и практиками осуществления... воспитательного процесса.

На первый взгляд сформулированное положение выглядит несколько необычным, и неожиданным. Мы остановились перед вопросом: как можно благополучие страны измерять степенью успешности и достижениями воспитания ее граждан? Действительно, при анализе мощи и благополучия той или иной страны, как правило, такая зависимость никогда даже не рассматривается, поскольку традиционно главными факторами этой успешности считаются политика, экономика, право, управление, экология, национальная безопасность и т.д. Не отрицая высокой значимости всех этих факторов следует заметить, что все они - не более, чем принципиально-вторичные и, следовательно, подчиненные феномены

по отношению к принципиально-первичному и базовому феномену – именно к воспитанию.

В связи с этим в статье делается концептуальная попытка показать, что в любой стране мира само существо ее общей культуры, традиций, уклада жизни, социальной реальности, практик человеческой активности, ценностей, мировоззрения, верований, социальности, духовности и др., которые, в свою очередь, полностью определяют ее политику, экономику, право, управление, экологию, национальную безопасность – лишь частные и конкретные проявления одного единого, главного и общего начала – воспитания.

Сразу отметим, что сущность воспитания настолько сложна и противоречива, что современная наука до сих пор не может прийти к его однозначному и общепринятому пониманию. Наиболее распространенными парадигмами понимания воспитания являются следующие [7]:

- воспитание как личностно ориентированный феномен;
- воспитание как феномен национально-культурного развития;
- воспитание как религиозно-духовный феномен;
- воспитание как феномен историко-педагогического процесса;
- воспитание как феномен педагогической действительности и др.

Современные концепции воспитания разрабатываются на основе различных философских, психологических, социологических и педагогических теорий; среди наиболее распространенных следует особо отметить психоаналитическую теорию (А. Гезелл, З. Фрейд, А. Фрейд, Э. Эриксон); когнитивную теорию (Ж. Пиаже, Л. Кольберг, Д. Дьюи); поведенческую (бихевиористскую) теорию (Д. Локк, Д. Уотсон, Б. Скиннер); биологическую (генетическую) теорию (К. Лоренц, Д. Кеннел); социоэнергетическую (культурно-родовую) теорию (Л.С. Выготский, П.А. Флоренский, Д. Радьяр); гуманистически-психологическую теорию (А. Маслоу, К. Роджерс) и др. [5]

Не останавливаясь на анализе всего многообразия пониманий понятия «воспитание» (это - предмет отдельной научной статьи), а возьмем за основу его сущности то определение воспитания, которое совсем недавно было нормативно предложено Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» [9]. В статье 2, пункте 2 этого Закона дано, на наш взгляд, достаточно полное и системное определение процесса воспитания, которое может быть использовано для решения основных задач данной статьи: «воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализа-

ции обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде».

Представляется возможным, чтобы с помощью философского анализа содержания данного определения показать истинный масштаб и значимость воспитания для любого государства и общества, обосновать его принципиальную первичность по отношению к другим, вторичным факторам существования и активности государства и общества - к политике, экономике, праву, национальной безопасности и т.д.

Решение обозначенных задач можно представить с помощью аналитико-синтезирующего теоретико-методологического подхода. Для этого следует: во-первых, разделить содержание воспитания на самые значимые смысловые элементы; во-вторых, исследовать сущность каждого отдельного элемента; в-третьих, попытаться найти то общее и неизменное, что есть в каждом из элементов; в-четвертых, с учетом всех выявленных общих и особенных черт исследованных элементов попытаться вновь соединить их в единое целое в форме сущности воспитания через синтез всех значимых сторон.

В определении воспитания выделяется шесть основных элементов, целостно и системно связанных друг с другом настолько, что потеря хотя бы одного такого элемента сразу разрушает сущностное содержание этого понятия. Здесь важно подчеркнуть то обстоятельство, что предложенное в Федеральном законе определение воспитания – результат огромной, а возможно многолетней работы большого количества отечественных и зарубежных ученых в разных исследовательских областях, что и позволило настолько глубоко и целостно определить сущность этого феномена. В чем же она?

Первый значимый элемент содержания приведенного выше нормативного определения исследуемого понятия – это тот его фрагмент, который утверждает то, что «воспитание – это деятельность». Этот элемент – самый важный и определяющий все другие. Этим элементом впервые утверждается новое концептуальное понимание воспитания именно как некоей деятельности. В самом деле, для подтверждения этого положения достаточно вспомнить, что среди основных концептуальных подходов, приведенных выше, нет ни одного, который бы рассматривал воспитание именно как деятельность,

что сразу подчеркивает принципиальную новизну этого понимания воспитания. Поскольку воспитание – это деятельность, то поиска его сущности возможен в тех его базовых аспектах и их связях, которые присущи деятельности вообще. Анализ научных работ, посвященных исследованию человеческой деятельности [2;6], показывает, что она есть активность субъекта, направленная на объекты или другие субъекты и главными структурными ее составляющими являются следующие: субъект, наделенный активностью; объект, на который направлена эта активность; сама активность как способ овладения объектом или коммуникации с другими субъектами. Для целей данного исследования важно подчеркнуть, что деятельность проявляет себя в одной из возможных форм: преобразование природы (по своему содержанию эта форма соответствует категории труда); преобразование общества; преобразование самого человека [4]. Воспитание как деятельность связана со всеми этими формами, но особенно, с преобразованиями самого человека, что неминуемо влечет и преобразование общества, которые, в свою очередь, совокупно осуществляют преобразование природы. Этим смысловым кортежем форм деятельности по отношению к воспитанию является изначальной первичности именно воспитания – процесса, сначала формирующего того или иного человека, который только потом уже в своем формате, заданным именно воспитанием, предстает как преобразователь и общества, и природы. Сначала осуществляется все формирующее в этом мире воспитание, а уж только потом политика, экономика и т.д.; сначала собирающее в тех или иных особых конструктах человека воспитание, а лишь только затем все практики и активности этого воспитательно-конструкционного варианта человека.

Все это дает основание утверждать, что вся реальность (объекты и отношение к ним), человек (субъект), общество (субъекты и коммуникации между субъектами) – это некие конструкты, во всем производные начала от соответствующего воспитания. Такое представление о процессе воспитания во многом способствует закреплению результатов исследований человеческой деятельности, проведенных М. Вебером. Немецкий социолог и социальный философ вскрыл глубинную сущность деятельности единством только двух важнейших понятий – «действием» и «смыслом»: любое действие как некая человеческую активность обязательно «привязано» к субъективным смыслам индивида, например, практик людей к их религиозным воззрениям в рамках протестантизма [1]. Выходит, что каждое действие как элемент человеческой деятельности всегда обременено какими-то смыслами, которые усвоены и приняты человеком именно из процесса воспитания – через семью, школу, общество, СМИ, веру и т.д. М. Вебер в своих теоретических построениях сумел обосновать и доказать, что деятельные ориентации человека в его историческом развитии роковым образом оказались смещенными с

нравственно-ценностных смыслов на принципиально иные их заменители, среди которых центральное место заняло новое «смысловое» начало – успех, которое и стало выполнять роль ключевого смыслообразующего признака не только в религиозной активности людей, например, в протестантизме, но и в их хозяйственной деятельности – в капитализме [1].

Итак, воспитание – это не просто некая человеческая деятельность наряду с различными другими, а самое настоящее всех их первоначало, которое и наделяет смыслами сущность самого человека и окружающего его мира.

Это значит, что воспитание наделяет смыслами элементы онтологии, гносеологии, аксиологии, философской антропологии, социологии, праксиологии, теологии, футурологии и других важнейших составляющих единства человека и мира, задаваемого тем или иным уже осуществленным воспитанием.

Второй важный элемент нормативного определения воспитания, задаваемый его фрагментом «направленная на развитие личности» указывает целевую составляющую процесса воспитания. Развитие личности может быть самым различным – физическим, нравственным, умственным, эстетическим, религиозным, гармоничным и т.д. [3] все зависит от того, какие цели и задачи ставятся в качестве основных для процесса воспитания. Сегодня чаще всего говорят о развитии личности как о приобретении его, прежде всего, базовых профессиональных компетенций и тех качеств, которые сделают её подлинно успешной (опять этот самый успех!) в современном обществе. В недалеком прошлом нашей истории ставилась цель воспитания совершенно иначе – ради созидания гармонично развитого человека, ради формирования его научного мировоззрения, ради созидания таких личностных качеств воспитуемых, которые бы соответствовали нормам Морального кодекса. Совершенно понятно, что от того, какие цели и задачи ставятся перед самим процессом воспитания зависит и конечный его результат – тот или иной набор личностных качеств формируемого человека. Иначе говоря, личность человека тоже представляет собой предельно вариативный и принципиально рукотворный конструкт, в котором именно воспитание выполняет роль самого настоящего производства («фабрики») личностей с теми или иными заданными качествами (роль «заказчика» качеств личности чаще всего выполняет государство).

Третий важный элемент содержится в следующем фрагменте анализируемого определения: «создание условий для самоопределения и социализации обучающихся». Здесь наиболее важно подчеркнуть, что воспитание как деятельность для полной своей реализации должно быть обеспечено соответствующими условиями;

например, если мы хотим воспитать граждан своей страны гармонично развитыми личностями, то для достижения такого формата целей воспитания должна быть создана и необходимая система условий для умственного, нравственного, физического, эстетического, духовного и др. аспектов развития личности – иначе ни о каком гармоничном развитии не может быть и речи. В нашем обществе на данном направлении, к сожалению, проблем больше чем достижений.

Четвертый важный элемент нормативного определения воспитания – это еще один его фрагмент: «на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения». Элемент – архиважный: если не будет выполняться в полном соответствии с национально-культурными идентичностями своей страны и ее народа, то даже хорошо осуществляемое воспитание будет скорее негативным, а не позитивным фактором развития. В самом деле, если, например, в России воспитание будет происходить по западным социокультурным и духовно-нравственным матрицам и в соответствии с такими же западными ценностями, то российское общество под действием такого воспитания будет только разрушаться. Мы уже сегодня становимся свидетелями если не поражения, то массивной атаки на наши собственно национальные и культурно идентичные качества. Это хорошо понимал еще Ф.М. Достоевский, который в качестве национальной идеи выдвинул известную всем формулу – «стать русскими, перестать презирать народ свой». С тех пор, как был озвучен этот подлинный смысл национальной идеи России, прошло уже более века, но, к сожалению, изменения в позитивном направлении пока происходят медленно. Другой отечественный философ – С.Л. Франк [8] утверждал: Россия – это «Мы»-философия, а Запад – «Я»-философия. Другими словами: мы с нашими европейскими «партнерами» – антиподы во всем. Поэтому в процессе воспитания важно в первую очередь утверждать наши ценности, наши смыслы бытия и человеческой активности.

Пятый важный элемент анализируемого определения содержится в следующем его положении: «в интересах человека, семьи, общества и государства». Смысл этого элемента сущности воспитания предельно прозрачен и понятен – должны быть соблюдены интересы всех акторов, представленных в этом фрагменте и только тогда можно будет говорить об успешности всего процесса воспитания. В равной ли мере соблюдаются интересы всех перечисленных акторов в современной России? К сожалению, еще слишком многочисленны примеры того, когда ради сиюминутной экономической выгоды интересы человека, семьи, общества, государства вообще не учитываются или переходят в разряд второстепенных.

Шестой важный элемент сущности воспитания содержится в заключительном фрагменте нормативного определения: «формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде». На наш взгляд, этот элемент определения воспитания есть не что иное, как подробная детализация содержания уже обозначенного выше четвертого элемента, главным смыслообразующим стержнем которого является понятие «национально-культурная идентичность»; если строить процесс воспитания не в строгом соответствии с четвертым и шестым элементами нормативного его определения, то этот процесс будет для нашей страны весьма неустойчивым, он будет больше разрушать, чем созидать.

Если соединить в единое целое все исследованные выше элементы с учетом выявленных общих и особенных их аспектов тогда получится:

Воспитание как особая перводеятельность человека, одновременно формирующая его самого, общество, мир и все человеческие практики.

Воспитание как человеческая перводеятельность, задающая всему миру и всем его элементам смыслы и определенности.

Воспитание как перводеятельность человека, которая определяет смыслы всех других активностей людей – политической, экономической, правовой и т.д.

Это значит, что исходная авторская трактовка воспитания как первоосновы по отношению к любому виду человеческой деятельности, а также к ее субъекту и объекту, к условиям и средствам осуществления этой деятельности в основном подтверждена и обоснована. Положение о первичности воспитания уже не выглядит таким преувеличенным, поскольку становится вполне очевидным тот факт, что все виды деятельности, все их перечисленные выше атрибуты действительно напрямую зависят от того, какие цели и ценности положены в основу той или иной активности человека, какими профессиональными и личностными качествами обладают субъекты этой деятельности, какими смыслами наделяются объекты всех видов деятельности, что воспринимается в качестве должного и необходимого во всех этих процессах, что положено в качестве условий человеческой активности, средств и инструментов ее осуществления.

В заключение следует подчеркнуть: основная цель данного исследования, состоявшая в том, чтобы науч-

ными средствами вскрыть и обосновать крайне важную, прямо-пропорциональную зависимость между состоянием государства и общества, с одной стороны, и общим положением дел в государстве и обществе с теорией и практиками осуществления воспитательного процесса, с другой стороны, в целом достигнута. От своевременной реализации обозначенных проблем во многом бу-

дет зависеть не только успешность, но и интенсивность дальнейшего развития нашего общества и государства. Воспитание это первооснова человеческого бытия и любой активности человека в этом мире, в силу чего оно намного значимее по отношению к разного рода другим факторам развития - политическим, экономическим, финансовым, технологическим, техническим и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
2. Гегель Г. Философия религии. В двух томах. М.: Мысль, 1977.
3. Гликман, И.З. Теория и методика воспитания. Воспитатика / И.З. Гликман. - М.: Школьные технологии, 2018.
4. Каган М.С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М.: Политиздат. 1974.
5. Константинова, С.В. Теория и методика воспитания / С.В. Константинова. - М.: Научная книга, 2017.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
7. Полякова М.В. Концепты теории воспитания. Практико-ориентированная монография. – Екатеринбург, 2010.
8. Франк С.Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию / С.Л. Франк. - Репринт изд. 1930 г. - Нью-Йорк: Посев, 1988.
9. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310075>

© Лукинова Ирина Алексеевна (lykinova09@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Николаева Татьяна Анатольевна

к.ф.н., ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск
004012@pnu.edu.ru

GENDER IDENTIFICATION OF YOUNG PEOPLE IN TODAY'S SOCIAL SPACE: THE PHILOSOPHICAL ASPECT FULL NAME

T. Nikolaeva

Summary: The article examines the gender identification of young people in the modern social space within the framework of the philosophical aspect. The author notes that the most important stage in the development of modern society is the transformation of universal human values, sociocultural norms, traditions, including the institution of the family, which in turn leads to a discussion of gender identification of youth. The author also noted further directions of scientific research in this matter. The author emphasizes that the complex combination of social invariants, sociocultural norms and random events is a matrix due to which an individual is formed. All these value levels are strictly functional from a socio-philosophical point of view and are of particular interest to philosophical researchers. Thus, the author concludes that ideal utopian abstractions serve as a guide to final goals, specific values are the subject of real private values of youth.

Keywords: gender identification, youth, philosophy, gender, modern society.

Аннотация: В статье рассматривается гендерная идентификация молодежи в современном социальном пространстве в рамках философского аспекта. Автор отмечает, что важнейшим этапом развития современного общества является трансформация общечеловеческих ценностей, социокультурных норм, традиций, в том числе и института семьи, что в свою очередь обуславливает обсуждение гендерной идентификации молодежи. Автором также отмечены дальнейшие направления научных изысканий в данном вопросе. Автор подчеркивает, что сложное сочетание общественных инвариантов, социокультурных норм и случайных событий представляют собой матрицу, благодаря которой формируется индивид. Все эти ценностные уровни строго функциональны с социально-философской точки зрения и представляют особый интерес для исследователей-философов. Таким образом автор делает вывод, что идеальные утопические абстракции служат ориентиром финальных целей, конкретные ценности - предметом реальных частных ценностей молодежи.

Ключевые слова: гендерная идентификация, молодежь, философия, гендер, современное общество.

Современный этап развития общества характеризуется трансформацией общечеловеческих ценностей, социокультурных норм, традиций, в том числе и института семьи. Подобные преобразования в обществе влекут за собой и изменение результатов исследований в области семейной и возрастной психологии и философии. Так, с одной стороны молодые люди, получая родительские установки, построения семейных отношений, приносят их в свои собственные, культивируют и изменяют их собственным опытом, таким образом, следуют родительскому сценарию. С другой стороны, исследования показывают, что современные молодые люди имеют отличные от старшего поколения ценности и установки относительно брака и семьи и тем самым модернизируют современный институт семьи. Демографические показатели свидетельствуют о том, что на данном этапе значительно возросло количество разводов, и уменьшилась рождаемость, что оставляет свой след в изучении семейной психологии.

Таким образом, можно судить о неоднозначном положении современного института семьи и гендерной идентификации молодежи. Подобные исследования никогда не перестанут быть актуальными, так как общество

меняется стремительно и научные сведения должны обновляться и дополняться. Так как институт семьи меняется, появляются все новые разновидности отношений между людьми. В нынешнем обществе, люди, например, с нетрадиционной сексуальной ориентацией вступают в гражданские браки и формируют семьи, как одни из представителей современной молодежи. Вместе с этим, особый интерес представляет внутренняя атмосфера брака, которая под собой содержит семейные установки, как основу для образования новых супружеских установок, составляющим один из основных объектов изучения в философском аспекте.

Установка – это первичное, целостное состояние, предшествующее сознательной психологической деятельности, и обуславливающее собой поведение человека [1]. Брачные установки имеют тенденцию предопределения возможной устойчивости брака. В этом случае достаточно значимым является процесс соотношения установок человека с объективной реальностью отношений, от чего и зависит устойчивость дальнейшего брачного союза.

Аспекты, на которые выше было заострено внима-

ние, демонстрирует актуальность исследования гендерной идентичности молодежи с позиции философского аспекта. На сегодняшний день проблемное поле, связанное с формированием и функционированием идентичности [7], в том числе этнической идентичности [2], и особенно гендерной идентичности и ее философской рефлексией является, без преувеличения, одним из наиболее востребованных, интересных и сложных [5].

Для нашего исследования, следует рассматривать гендер как часть особого социального языка, специфический текст, специфическую систему знаков имеет смысл анализировать и описывать в герменевтическом, феноменологическом и семиотическом ключе. Феноменологический инструментарий посредством исследования эволюции формы и содержания наиболее полно отражает постепенное переструктурирование гендера и гендерного сознания (поведения, гендерных практик) в процессе перехода от традиционного общества к современному (так может быть описан процесс постепенного выхода из жестких предписанных обществом гендерных ролей, переход к культуре само моделирования и само проектирования индивидуальной идентичности) [6].

В современном обществе совершенствование и трансформация внешнего облика приводит к повышению требований к индивидуальности, уникальности и заботе о себе [4, 7]. Уход за телом и внимание к элементам внешности отражается на содержании гендерной идентичности, определяя новые стандарты облика/требований мужчин и женщин. Более того, кардинальное изменение установок в отношении внешности касается не только женщин, но и мужчин.

Актуальность исследования определяется важностью построения телесного образа Я для гендерной самоидентификации в контексте жизненного самоопределения. Мы предполагаем, что динамическое социально - экономическое развитие общества приводит к усилению конкуренции и стиранию границ гендерной идентичности в телесном Я образе как у женщин, так и у мужчин [9]. Культ активности и здорового образа жизни создает тренд стремления к совершенству, размывая границы мужского-женского в социальных активностях, формах и линиях одежды, цветовых предпочтениях. Нацеленность на успех повышает значение принятия и понимания себя, ядром которого является образ тела и сформированная гендерная идентичность [3].

Телесный образ – представление о том, как мы выглядим, что думают о нас другие, строится на самоощущении тела и его отражении в сознании в виде слов, смыслов и образов Я.

Онтогенетическое формирование телесного Я происходит в процессе взаимодействия ребенка с окружа-

ющей средой, и зависит не только от объективных параметров роста, веса, цвета кожи и разреза глаз, но и от тех субъективных оценок, которые им дают значимые другие. Наибольшую популярность данная тема связи телесного образа в зависимости от содержания. Внешний облик и телесный образ Я имеет ключевое значение в работах И. Кона, К. Роджерса, З. Фрейда, Е.Т. Соколова, К. Юнга, Р. Бернс, В.А. Петровского и др. Исследования показывают [1, 2, 5], что на формирование представления о себе оказывает влияние социальное окружение, семья, средства массовой информации. Особенно подвержены влиянию внешних факторов женщины, активно меняющие образ своего тела с помощью диет, спортивных тренировок, пластической хирургии, одежды и т.д.

Гендерная идентичность так же трансформируется под социально-психологическими и философскими факторами, с позиции общественных трендов. Особенно остро соответствие или не соответствие образа тела стандартам маскулинности-феминности переживается в молодости, поскольку влияет на выбор партнера, друзей, работы и стиля жизни. А проблемы в формировании образа тела приводят к проблемам в самоидентификации и самореализации [10].

Нами было проведено исследование, в рамках которого были выявлены философские аспекты гендерной идентичности молодежи. В исследовании приняли участие 80 человек - 40 женщин и 40 мужчин в возрасте от 20 до 30 лет. Уровень образования: 52 респондента имеют высшее образование, 28 - среднее специальное. Период после 20 лет является возрастом, когда телесный образ Я имеет устойчивую структуру. И именно в этом возрасте молодые люди особенно восприимчивы к изменениям в обществе и культуре, поскольку они активно строят личную жизнь, карьеру и отношения.

Анализ результатов гендерной идентичности испытуемых подтверждает тренд на размывание границ между мужским и женским в современном обществе (таблица 1). Для большинства респондентов характерен андрогинный тип идентичности. Это можно объяснить тем, что андрогинность, умение проявлять в поведении как женские, так и мужские качества, позволяет молодым людям быть более адаптивными и гибкими в выборе вероятного типа поведения. Только пятеро мужчин по данным методики относятся к маскулинному типу личности, такое же число женщин с определением феминности, относятся к феминному типу личности. Также среди женщин две с маскулиным типом личности и трое мужчин относятся к феминному типу личности.

Необходимо отметить, что общее среднее показание маскулинности мужчин выше, чем у женщин. Что вполне объяснимо, поскольку обладание мужским телом позволяет более ярко проявлять маскулинные чер-

ты в поведении. Так же, выраженность черт феминности у женщин ярче, чем у мужчин. При этом, значения средних значений маскулинности женщин гораздо выше, нежели показателя феминности у мужчин. Что еще раз подтверждает более высокую значимость маскулинности в современном обществе.

Таблица 1.
Гендерная идентичность молодежи, %

Параметр	Мужчины %	Среднее значение	Женщины %	Среднее значение
Маскулинность	12,5	5,425	5	3,175
Феминность	7,5	2,6	12,5	4,5
Андрогинность	80	0,92	82,5	0,81

Результаты опросника MBSRQ, показывающего особенности эмоционально-оценочного отношения к собственному телу у молодых мужчин и женщин, представлены в таблице 2. Обработка полученных результатов позволяет утверждать, что молодые мужчины и женщины одинаково ориентированы на внешность. При этом, удовлетворенность параметрами тела не имеет существенных различий.

Таблица 2.
Особенности эмоционально-оценочного отношения к собственному телу и внешности

Субшкалы	Мужчины	Женщины
Оценка внешности	1,9	1,68
Ориентация на внешность	2,686	2,597
Удовлетворенность параметрами тела	3,39	3,42
Озабоченность лишним весом	1,787	2,85
Оценка собственного веса	2,275	3,28
Самооценка	2,68	3,66
Мотивация	3	3,08

Статистический анализ позволяет утверждать, что мужчины больше удовлетворены собственным весом, чем женщины. Это отражается и в наличии большей озабоченности лишним весом у женщин, чем у мужчин.

Сравнительный анализ оценочного представления своей внешности позволяет говорить о том, что молодые женщины больше удовлетворены своей внешностью, чем мужчины. Это можно объяснить тем, что женщины прилагают больше усилий для работы с телом и борьбы с лишним весом, поэтому замечают больше нюансов и даже небольшие изменения во внешности, которые явились следствием собственных усилий, замечаются и оцениваются положительно.

Статистическая обработка полученных данных позво-

ляет говорить о том, что возраст не имеет корреляций ни с одним из исследуемых параметров. Значение максимальной для возраста отрицательной корреляции с образованием (-0,397) обнаруживает тенденцию снижения интереса к учебе с возрастом, что, однако, не является статистически достоверным. Кроме того, можно говорить о корреляции между показателями феминности у мужчин и удовлетворенностью параметрами тела (0,487).

Значимые корреляционные связи для мужчин выявляются между маскулинностью и озабоченностью лишним весом (-0,501). А также ориентация на собственную внешность положительно коррелирует с самооценкой (0,554) и мотивацией (0,497). Самооценка положительно связана с мотивацией (0,551) и общим отношением к собственному телу (0,883).

Анализируя полученные результаты, можно утверждать, что параметр «веса» является наиболее значимым для формирования эмоционально-оценочного отношения к собственному телу. При этом, маскулинность отрицательно взаимосвязана с озабоченностью лишним весом (-0,495). Можно говорить о том, что для маскулинных мужчин не характерен страх поправиться, лежащий в основе стремления контролировать вес и соблюдать сдержанность в еде.

У женщин выявлена значимая отрицательная корреляция между удовлетворенностью параметрами тела и озабоченностью лишним весом (-0,572). Озабоченность лишним весом, в свою очередь, положительно коррелирует с отношением к собственному весу (0,581). Озабоченность лишним весом не характерна для маскулинных женщин (-0,492)

Ориентация на внешность, которая характеризует степень вклада в свою внешность, положительно коррелирует с непосредственной заинтересованностью собственным телом (0,493), мотивацией (0,486) и самооценкой (0,503). Можно предположить, что чем выше ориентация на внешность, тем больше самооценка человека в отношении своей внешности, и тем сильнее мотивация заниматься собственным телом. Основные выводы:

Современных молодых людей в возрасте от 20 до 30 лет отличает андрогинность, одинаковая представленность маскулинных и феминных качеств в структуре гендерной идентичности. При этом, женщины больше мотивированы на внешность и работу с собственным телом. Для мужчин ориентация на тело определяет самооценку и мотивацию. Отношение к образу собственного тела зависит от маскулинности - феминности в структуре гендерной идентичности. Маскулинность как у мужчин, так и у женщин, отрицательно коррелирует с отношением к лишнему весу, феминность положительно коррелирует с ним.

Таким образом, сложное сочетание общественных инвариант, социокультурных норм, и даже случайных событий становится матрицей, внутри которой формируется индивид (и происходит репрезентация, его гендерной идентичности, в зависимости от биологического пола, а иногда, в последнее время, даже вопреки ему). На уровне языка как знаково-коммуникативной системы эти гендерные практики всегда имеют свою проекцию, отражение, что может быть релевантно описано в методологическом формате герменевтики. Аксиологический подход также может быть признан как релевантный и

дополняющий герменевтический. При этом ценности могут быть представлены как реально действующие регуляторы, необходимые для нормативной определенности гендерной иерархии общества, в ценностных системах происходит встречное движение: от абстрактных к конкретным формам и обратное - к абстракциям и идеалам. Все эти ценностные уровни строго функциональны с социально-философской точки зрения. Идеальные утопические абстракции служат ориентиром финальных целей, конкретные ценности - предметом реальных частных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдоница Н.А. Образ тела как компонент самосознания в юношеском возрасте // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. Том 2. № 2, 2016. С. 77-85.
2. Коломийченко Е.В. Самоотношение и гендерная идентичность как факторы формирования образа телесности у современной молодежи. Теория и практика общественного развития, 2015. № 16. С. 268-271.
3. Номеровская А.Д. Понятие нормативности в современных теориях гендерной идентичности / Парадигма: философско-культурологический альманах, 2017. № 26. С. 49-66.
4. Каминская, Н.А. Исследования образа физического «Я» различных психологических школах / Н.А. Каминская, А.М. Айламазян // Национальный психологический журнал. - 2015. - № 3 (19). - С. 45-55.
5. Бахман-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер с нем. М.: Новое литературное обозрение. 2017. 504 с.
6. Воронина О.А. Основные идеи и концепты феминистской социальной эпистемологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 141–151.
7. Номеровская А.Д. Исследование гендерной идентичности в философско-антропологической перспективе: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2015. 168 с.
8. Техника «косо́го взгляда». Критика гетеронормативного порядка / под ред. И. Градинари. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 352 с.
9. Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2018. 320 с.
10. Фетисова Е.Н. Несимметричные гендерные интеракции в пространстве образования // Образовательная система: новации в сфере современного научного знания: Материалы Международных научно-практических мероприятий Общества Науки и творчества (г. Казань) за февраль 2019 года / Под общ. ред. С.В. Кузьмина. – Казань, 2019.

© Николаева Татьяна Анатольевна (004012@pnu.edu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И ФОРМ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

Сирин Сергей Анатольевич

К.ф.н., доцент, Иркутский государственный медицинский университет
tkostina@gmail.com

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE STRUCTURE AND FORMS OF LEGAL NIHILISM

S. Sirin

Summary: The article presents various classifications of forms of legal nihilism as a result of the deformation of legal consciousness, which is available in modern philosophical literature. It is shown that legal nihilism should not be considered as a negative phenomenon, it also has positive manifestations, acting as a specific social reference point, indicating directions for eliminating negative trends in the social and legal sphere.

Keywords: structure of legal nihilism, forms of legal nihilism, legal and moral norms, types of legal nihilism.

Аннотация: В статье даны различные классификации форм правового нигилизма как результат деформации правового сознания, имеющийся в современной философской литературе. Показано, что правовой нигилизм не следует рассматривать только как негативное явление, он имеет и положительные проявления, выступая в роли специфического социального ориентира, указывающего направления для устранения негативных тенденций в социально-правовой сфере.

Ключевые слова: структура правового нигилизма, формы правового нигилизма, правовые и моральные нормы, виды правового нигилизма.

Правовой нигилизм является сложным многогранным явлением, это же касается и его структурного состава. В научной литературе можно найти несколько подходов к определению структуры правового нигилизма. Правовой нигилизм – разновидность социального нигилизма, который, с одной стороны, можно определить как определенное состояние общества, а с другой – как личностные убеждения отдельных индивидов, находящих проявление в соответствующих действиях. Н.В. Варламова, исследуя юридический нигилизм, рассматривает такие его составляющие:

- *Нормативный (легистский) нигилизм*, который означает неосведомленность о содержании действующей нормативной системы (законов, нормативно-правовых актов); негативное отношение к общепринятым правилам поведения; неумение действовать в рамках закона и распространение навыков противоправного поведения.
- *Социологический нигилизм* рассматривается лишь как оценочный компонент – критика, неодобре-

ние существующего строя.

- Собственно *правовой нигилизм* – отсутствие в массовом сознании представлений о том, что нормативно-правовое регулирование общественных отношений должно осуществляться, исходя из признания свободы и формального равенства всех участников; непринятие этих принципов как ценностей; нежелание строить отношения на их основе [1].

Такой же классификации придерживается исследователь правового нигилизма Л.Г. Кумыкова [4]. В общественном сознании присутствуют все типы нигилизма, отмечает, что именно правовой нигилизм становится индикатором деформированного правосознания населения. Однако, по нашему мнению, правовой нигилизм целесообразнее рассматривать как форму деформации правового сознания, а не его индикатор. Правовой нигилизм является следствием неадекватного восприятия и отношения к праву, то есть результатом деформации правового сознания (рис. 1).

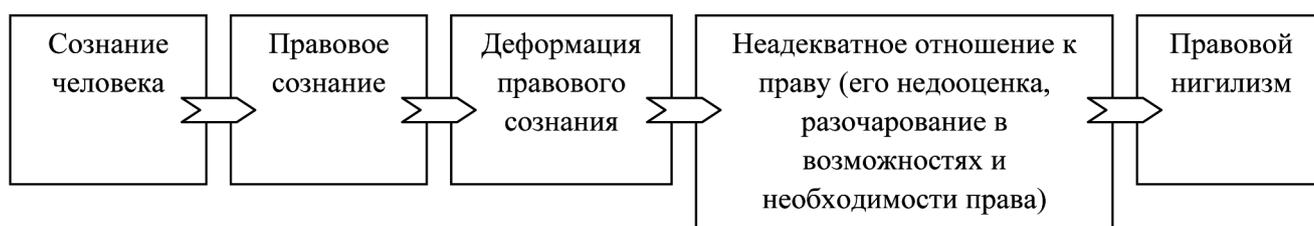

Рис. 1. Структура правового нигилизма

Российский ученый-правовед В.А. Туманов выделяет в структуре правового нигилизма *идеологический, обыденный и ведомственный* уровни [7]. Первый связан с тем, что принижение роли права в советские времена было закреплено на уровне постулата государственной политики, поскольку режим диктатуры пролетариата не предусматривал ограничения каким-либо законами. Существовал лозунг советского периода о том, что со временем потребность в праве исчезнет, сменившись на коммунистическое самоуправление. Такой подход формировал у населения отношение к праву, как к временному и малозначительному явлению, не способствуя повышению его авторитета. Однако развитие концепции правового государства позволило значительно снизить уровень идеологического отрицания права.

Обыденный (массовый) уровень правового нигилизма присущ большинству населения и связан с низким уровнем правового образования граждан, правовой неосведомленностью, скептическим отношением к праву и закону через стереотипы и предубеждения.

Ведомственный уровень правового нигилизма является разновидностью обыденного, но в данном случае носителем нигилистического отрицания выступает специальный субъект – должностные лица, наделенные властными полномочиями. Возникает ситуация, когда правовые нормы не принимаются и нарушаются теми, кто обязан их реализовывать, поэтому этот уровень является особо опасным для развития любого государства.

Более опасным и вредным является первый из указанных разновидностей, поскольку юридический нигилизм с будничной сферы отношений неизбежно переносится и на профессиональную, особенно когда речь идет о деятельности, связанной с государственно-властными полномочиями. Лицо, являющееся носителем нигилистических взглядов в обычной жизни, вряд ли избавится от них, если будет наделено властью, скорее, наоборот, это приведет к еще большему усилению бюрократии. В этом случае целесообразным со стороны государства является усиление подготовки высококвалифицированных кадров юристов, повышение уровня их юридического воспитания, которое включает не только знание основ права, овладение юридической техникой и умением трактовать законы, но и касается категорий морали, прежде всего воспитание уважения к закону.

Для полноценного исследования разновидностей правового нигилизма с позиций социально-философского анализа, приведем систематизацию В.М. Гуляихина, который определил пять форм проявления правового возражения:

1. *Инфантильный* (от лат. *Infantilis* – детский) нигилизм, который характеризуется правовой незрелостью личности, повышенной внушаемостью,

несамостоятельностью, несформированностью чувства долга и ответственности, распространен преимущественно среди подростков и школьников.

2. *Фрустрационная* (от лат. *Frustratio* – обман, расстройство, нарушение планов) разновидность правового нигилизма возникает в тех случаях, когда желание или потребность человека в реализации своих естественных прав и свобод остается нереализованным, в результате чего субъект теряет веру в справедливость и силу закона.
3. *Мстительный* правовой нигилизм возникает, когда существующие правовые институты функционируют не в полной мере, поэтому граждане вынуждены самостоятельно защищать свои интересы, нарушая закон. В таких случаях наказание «виновных лиц» идет не от имени государства, а принимает форму субъективной мести от носителя мстительного правового нигилизма. Делится на рациональный и иррациональный.
4. *Возмещающий* (компенсационный) правовой нигилизм – протест индивида против тяжких социально-психологических обстоятельств, возникших не по его вине. Характеризуется желанием исправить несправедливость любым способом, несмотря на моральные и правовые нормы. Субъект такого нигилизма видит в законе лишь неудобное ограничение для собственных замыслов. Как отмечает В.М. Гуляихин, обычно именно из таких лиц состоят террористические группировки.
5. *Регрессивный* правовой нигилизм – это специфический феномен, попытка индивида уничтожить в себе все человеческое: разум, любовь к жизни, свободу к воле, моральные и правовые ценности [3]. Является деструктивной особенностью личности и своими корнями прорастает вглубь психологии человека.

Необходимо отметить, что хотя мы рассматриваем правовой нигилизм как направление политико-правовой мысли, что отвергает социальную ценность права и относится к устойчивым проявлениям деформации правового сознания, однако носителем этого деформированного сознания является именно индивид. Поэтому систематизация форм правового возражения В.М. Гуляихина, сквозь призму субъективных факторов и психологических особенностей человека является целесообразной. Именно индивид со всеми недостатками, потребностями и особенностями является «единицей» общества.

А.В. Волошенко в зависимости от полноты отрицания правовых явлений разделяет правовой нигилизм на абсолютный и относительный.

Абсолютный правовой нигилизм предполагает пол-

ное неприятие права как социальной ценности, устойчивое неверие в его справедливость, силу и эффективность. Примером данного вида нигилизма является описанная А.И. Новиковым так называемая группа «неуправляемых», которая была создана в Париже в 1905 году и призывала к свержению всех правовых институтов и тотальному уничтожению существующих материальных и духовных ценностей [6].

Вряд ли можно утверждать, что нигилизм может в своей сущности быть абсолютным. Подобно тому, как абсолютная истина проступает в виде редких кристаллов в массе породы, абсолютный нигилизм выступает лишь моментом в потоке относительного. Сам акт отрицания имеет смысл только в том случае, если признается хотя бы гипотетическая возможность существования того, что отрицается; наличие и отсутствие чего-то всегда пронизывается диалектическими связями. Поэтому, говоря об абсолютном правовом нигилизме, не следует иметь в виду стопроцентное разочарование в существовании права, а лишь – полное неприятие и отрицание существующих правовых порядков. Сами же правовые нормы признаются такими, что не отвечают потребностям лица.

Относительный правовой нигилизм выражается в недооценке права, в сомнениях и скептическом отношении к различным сферам правового регулирования, негативном восприятии отдельных правовых явлений. Демонстрируя пренебрежение к тому или иному правовому институту, индивид может достаточно высоко оценивать право в целом, такое «прерывистое» восприятие может быть результатом субъективных оценок и стереотипов, которые сформировались на основе собственного опыта и информации, полученной из окружения. Другие явления, с которыми субъекту не приходилось сталкиваться или от которых остались приятные воспоминания, могут расцениваться как положительные.

Правовой нигилизм не следует рассматривать только как негативное явление. В рамках новаторского подхода к анализу правового нигилизма, он имеет и положительные проявления, выступая в роли специфического социального ориентира, который указывает направление для устранения негативных тенденций в социально-правовой сфере. Исходя из изложенного, в зависимости от общей направленности автором предлагается выделить еще две разновидности данного явления: *конструктивно-инструментальный* и *деструктивный* правовой нигилизм.

Конструктивно-инструментальный правовой нигилизм характеризуется относительно положительной направленностью, стремлением к созданию более эффективных форм и механизмов регулирования общественных отношений, путем отрицания существующих порядков.

Деструктивный правовой нигилизм можно охарактеризовать как нигилизм упадка. В его основе – призыв к разрушению существующих порядков без всякой позитивной программы новых изменений, отсутствие соответствующей альтернативы. Результатом таких действий является полное «ничто», поскольку не строится ничего нового, а только разрушается существующее.

Теоретический правовой нигилизм заключается в отрицании ценности права как социального регулятора, исходя из абстрактных соображений о необходимости освобождения лица от любых ограничений или правового принуждения. Однако такое неуважительное отношение к праву не находит внешнего (практического) проявления, поскольку субъект продолжает вести себя правомерно, например, из-за возможности наказания или из-за собственных карьерных соображений. В историческом аспекте это проявлялось, когда в советское время наряду с марксистско-ленинской теорией на государственном уровне обосновывались идеи об отсутствии необходимости в государстве и праве при социализме, чем существенно принижалась роль права, обосновывалась его вторичность.

Практический правовой нигилизм выражается в активных сознательных действиях, различных нарушениях закона, демонстрации пренебрежения к существующим правовым и моральным нормам. Истоками этого, безусловно, можно считать огромное количество нормативных актов, которые имеют неодинаковую юридическую силу, не совпадают по временному измерению, распространяются на разные субъекты и разное территориальное пространство. Поэтому естественно, что со временем между ними возникают противоречия. Количественное увеличение нормативного материала создает трудности в его использовании. Нетрудно заметить, что на современном этапе законодательство во многом не успевает за динамикой развития общественных отношений, иногда вступает в противоречие с ранее принятыми правовыми актами. В историческом аспекте распространению практического правового нигилизма способствовало, в советское время, значительное количество нормативных актов, которые были морально устаревшими, содержали декларации и призывы, не имели ясности формулировок и противоречили друг другу. Кроме того, распространялась практика, согласно которой закон не действовал до тех пор, пока не «обратал» инструкциями или ведомственными приказами, а правоприменительные и правоохранительные органы действовали в соответствии с принципом приоритета целесообразности над правом и законом, что привело к правовой деградации общества, породило неверие в законы, неуважение к ним. В зависимости от характера, интенсивности и степени отрицания права можно выделить *активные* и *пассивные* формы *практического* правового нигилизма.

К активной форме практического правового нигилизма следует относить правонарушение и преступление, откровенное игнорирование или умышленное несоблюдение законов и других нормативных актов, враждебное отношение к правовым нормам и предписаниям, неповиновение власти, насилие, религиозную и национальную рознь, экстремизм, терроризм и т.п. Например, когда человека осуждают за конкретное преступление, его осуждают и за юридический нигилизм, то есть за неуважение к праву, нарушение требований закона и общественного порядка. В. Краус называет такую активную позицию воинственной или экстравертной, а в противовес ей ставит пассивную форму проявления практического правового нигилизма – равнодушную или интровертную.

Пассивный правовой нигилизм сопровождается унынием в потенциальных и реальных возможностях права; принятии его как объективной ценности; принижении роли данного института в жизни граждан. Преобладание в обществе таких настроений можно выразить термином «скепсис» – осознанное, критическое отношение, сомнения в возможностях, истинности или правильности явлений.

М.А. Месилов, рассматривая правовой нигилизм как субъективную структуру, выделяет такие его составляющие: внутреннее осознание (лично мотивированное) или признание (подтвержденное интуицией или опытом) несостоятельности права (его норм, отраслей, институтов) как объективной ценности; собственное отношение к праву, которое зависит от уровня развития и качеств личности; мотивированное поведение субъекта (правомерное или неправомерное), направленное на достижение определенной цели выгодным для него способом [5].

Соглашаясь с указанной субъективной структурой правового нигилизма, необходимо отметить, что для конкретного субъекта такое внутреннее отношение к праву означает, что правовая норма не выполняет первоначально возложенной на нее задачи. Субъект это осознает и не воспринимает должным образом регулятивные функции нормы, умышленно обходя ее. А если правовая норма не способна выполнить свою основную задачу, она признается субъектом как «ноль», «ничто». Сталкиваясь на практике с данной ситуацией, отдельный индивид формирует собственный опыт негативного отношения к праву, его нормам, предписаниям, институтам, который в масштабах государства превращается не в единичные случаи, а в массовый правовой нигилизм.

Опираясь на изложенное, и на основе авторского определения понятия правового нигилизма, предлагаем выделить следующие его признаки:

1. Преувеличенные сомнения и возражения позитивной роли права, превалирующие в нигилистическом сознании личности, общества, группы, становятся основным критерием, своеобразной призмой, через которую оценивается вся система правовых и моральных норм. Происходит сосредоточенность на негативных явлениях проявления правовой действительности, предоставление им решающего значения (например, концентрированность и оценка всей правовой системы общества на основе неудачных случаев правовых реформ).
2. Правовой нигилизм имеет динамический характер, поскольку как сложное, многогранное явление он находится в постоянном развитии и трансформации. Постоянно меняясь, правовой нигилизм приобретает новые формы проявления, поскольку с развитием общества возникают разнообразные детерминанты его появления, особенно в кризисные периоды социально-исторического развития.
3. Абсолютизация субъективных, индивидуальных основ. Политический кризис в обществе, «война законов и властей», приводят к оценке действительности с позиций отдельного индивида, отрицающего объективные закономерности, логику истории, правовые нормы или систему в целом. Такое отрицание ценностей дается легко, поскольку часто они не осознаются из-за недостаточной ясности ценностных установок самого общества. Интенсивность и уровень негативизма является обратно пропорциональными их действительности. Например, анархический «всеобщий бунт» исключает солидарность и разумные организованные действия в любой сфере.
4. Показательно-демонстративный характер нигилистических действий, культивирование негативного отношения к праву, которое может проявляться в форме аморализма, нарушения законов, пренебрежения культурными ценностями, с целью подчеркнуть собственную негативную оценку правовых явлений.
5. Отрицание объективной правовой действительности в сочетании с отсутствием достойного альтернативного варианта. Деформированное правосознание и абсолютизация сознания «бунтующего индивида» не дает возможности объективно оценить систему правовых и моральных норм, и предложить собственный достойный альтернативный вариант или положительный план.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламова Н.В. Правовой нигилизм в постсоветской России: понимание, истоки, следствия / Н.В. Варламова // Драма российского закона / под ред. В.П. Казимирчука. – М., 1996. – С. 50–82. – (Конфликт закона и общества).

2. Волошенюк А.В. Правовой нигилизм: общетеоретическая характеристика / Александр Владимирович Волошенюк. – Х.: ООО «ПРОМЕТЕЙ – ПРЕС», 2005 – с.80, 83.
3. Гуляихин В.Н. Правовой нигилизм в России: [монография] / Вячеслав Николаевич Гуляихин. – Волгоград: Перемена, 2015. – 280 с.
4. Кумыкова Л.Г. Правовой нигилизм в сфере прав человека как форма деформации правового сознания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кумыкова Лилиана Газалиевна. – Нальчик, 2006. – 189 с.
5. Месилов М.А. Правовой нигилизм: учебн. пособ. / Максим Александрович Месилов / [общ. ред. А.П. Печников]. – М.: Моск. городск. ун-т управления Правительства Москвы, 2006. – 48 с.
6. Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты. Опыт критической оценки / Авраам Израилевич Новиков. – Л.: Лениздат, 1972. – 296 с.
7. Туманов В.А. О правовом нигилизме / В.А. Туманов // Советское государство и право. – М., 1989. – № 10. – С. 20–28.

© Сири́н Серге́й Анато́льевич (tkosmina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Иркутский государственный медицинский университет

МАРКСИСТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

LEGAL NIHILISM AND MARXIST SOCIAL PHILOSOPHY: A CRITICAL RESEARCH EXPERIENCE

S. Sirin

Summary: The article is devoted to the study of legal nihilism as an object or field of influence from the Marxist philosophical worldview. The author proposes a concept according to which Marxist social philosophy (formerly historical materialism) is considered from the point of view of its negative impact on the legal life of a socialist society.

Keywords: socialist society, Marxist social philosophy, legal nihilism, subjectivism, voluntarism, jurisprudence.

Сирин Сергей Анатольевич

*К.ф.н., доцент, Иркутский государственный
медицинский университет
tkocmina@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена исследованию правового нигилизма как объекта или поля воздействия со стороны марксистского философского мировоззрения. Автором предложена концепция, согласно которой марксистская социальная философия (бывший исторический материализм) рассматривается под углом зрения ее негативного воздействия на правовую жизнь социалистического общества.

Ключевые слова: социалистическое общество, марксистская социальная философия, правовой нигилизм, субъективизм, волюнтаризм, юриспруденция.

В течение семи с половиной десятилетий общественное сознание советского общества формировалось и развивалось под непосредственным влиянием марксистско-ленинского философского мировоззрения. Марксистско-ленинская концепция природы, общества и человека оказывала прямое воздействие на все стороны общественной жизни советского общества, на все формы общественного сознания. Особенно глубокое воздействие со стороны марксистского философского учения испытывало правовое сознание советского общества, правовое сознание отдельных личностей.

Такое влияние марксистская философия оказывала благодаря своему особому положению в обществе. Никогда ранее, ни в одном обществе, ни одна философская система не занимала того абсолютно господствующего положения, которое приобрела марксистско-ленинская философия в СССР, а впоследствии в других социалистических странах. Фактически диалектический и исторический материализм получил статус непререкаемой, не подлежащей никакой критике идеологии, заменившей вследствие антирелигиозной политики партии и государства функции, принадлежащей прежде религии.

Впрочем, могучее влияние марксистско-ленинской философии на право и правовое сознание никогда никем не отрицалось, а наоборот, подчеркивалось как в философской, так и в юридической литературе. За годы советской власти написаны сотни книг, тысячи всевозможных брошюр и статей, посвященных методологической роли марксистской философии в понимании и развитии права и правового сознания. Трудно найти какую-либо работу по теории права, в которой бы не подчеркивалась мето-

дологическая значимость марксистской философии для права. Однако во всей этой громадной литературе нет и следа критического анализа или даже просто критических замечаний о негативных последствиях слепого восхваления философских методологических принципов в изучении и применении права, в определении права в целом и отдельных юридических категорий.

Несмотря на безудержное восхваление методологической значимости марксистской философии для права и правового сознания, ее якобы благотворного и направляющего воздействия на все стороны правовой жизни общества, мы получили в результате горькие плоды массового правового нигилизма, разгул субъективизма и волюнтаризма, правовое бескультурье почти всех слоев советского общества.

Конечно, этот печальный итог правового «развития», а лучше сказать, правового нигилизма, нельзя объяснить однозначно. Он определяется множеством самых разнообразных причин, среди которых существенную, если не решающую роль, сыграли социально-философские установки марксизма-ленинизма, в соответствии с которыми создавались и принимались нормы права, формировалось соответствующее правовое сознание, осуществлялось правоприменение.

Разумеется, философская теория сама по себе не может оказать сколько-нибудь решительного воздействия на правовое состояние общества. Она становится действенной только в том случае, если возводится в ранг единственно правильной и научной, в ранг непреложных общеобязательных теоретических установок, как

это и случилось в СССР. Мы попытаемся показать, что абсолютизация тех или иных философских концепций и их упрямое и огульное внедрение в правовую жизнь общества рано или поздно, но неотвратно приводит к состоянию правового нигилизма, субъективизма и произвола. Другими словами, произвольное вмешательство в правовую жизнь на основе тех или иных философских и социально-политических построений, носящих уморительный характер, становится возможным лишь в том случае, если эти построения берутся на вооружение государством и, таким образом, получают государственную поддержку и приобретают преимущественное положение в сравнении с другими социально-политическими установками и философскими системами.

Всякое же произвольное вмешательство в социальную, в том числе правовую среду, не может не быть негативным. Это есть нарушение социальной экологии и поэтому не может не быть негативным. Оно обязательно влечет за собой всевозможные отрицательные последствия, в том числе приводит и к массовому правовому нигилизму.

Философская теория, не принимающая во внимание специфику правового развития тех или иных национальных государств, пытающаяся «внедриться» без учета исторического опыта правового развития тех или иных народов, неизбежно ведет к правовому нигилизму, к отрицанию правовых норм, которыми традиционно руководствовались на протяжении длительной истории эти народы и которые они готовы были безоговорочно выполнять, считая их «своими», или даже придавая им сакраментально-религиозный характер. Замена этих норм другими, составленными на основе философского мировоззрения и правового сознания отдельных «революционных» групп и начисто отрицающих предыдущий правовой опыт, как это и имело место в нашей стране, да и в некоторых других, так называемых социалистических странах, является одной из решающих причин формирования и развития правового нигилизма, субъективизма и волюнтаризма.

Было бы, конечно, несправедливо по отношению к любой философской теории, в том числе и к марксистско-ленинской, утверждать, что в ней нет ничего такого, что оказывается положительным в смысле воздействия на право, правовое воспитание и на правовую культуру. Бывший исторический материализм содержал немало ценных выводов и наблюдений, в том числе и по отношению к праву. Известно, что марксистско-ленинская социально-философская теория не отрицала известной значимости права и его влияния на ход исторического развития. Однако, в общем и целом, её оценка права носила скорее негативный характер.

Учитывая, что анализ положительных качеств марк-

систской социально-философской теории, при всей его предвзятости и односторонности, был подробно сделан в многочисленных работах советских философов и юристов, вряд ли есть необходимость повторять общеизвестное. Что касается проблемы влияния марксистской социально-философской теории на правовое сознание социалистического общества, а тем более конкретного механизма такого воздействия, то фактически она представляет собой «terra incognita». Каких-либо работ на эту тему фактически не имеется.

Злободневность темы усиливается тем обстоятельством, что несмотря на предпринимаемые усилия со стороны новых властей России по устранению правового негативизма, в том числе, и в мировоззренческом плане, правовой нигилизм не только не ослабевает, а наоборот, усиливается, принимая угрожающий характер и облекаясь в новые, неизвестные до сих пор, формы своего проявления. Все это требует глубокого и срочного осмысления со стороны социальной науки и практики.

Возникающая ситуация сложилась под влиянием многих факторов, в том числе сохранившихся в своей основе прежних мировоззренческих, философских установок, а также возникших уже в новых условиях мировоззренческого плюрализма или даже просто мировоззренческого вакуума.

Поскольку влияние философии как определенной формы общественного сознания происходит, так сказать, на логико-идеологическом (методологическом) и социально-психологическом уровнях, в статье по необходимости соответственно рассматриваются оба аспекта воздействия марксистской социальной философии на сущность, содержание и формы правового нигилизма.

При этом сам правовой нигилизм как объект в данном случае философского методологического воздействия представляет собой не только, и даже не столько своеобразное юридическое явление, но сложное и во многом совершенно неизученное социально-психологическое явление, требующее социального анализа не только в узкой сфере права и с помощью соответствующих правовых приемов, но в более широком, именно, в философском плане, как феномен, проникающий во все поры общественной и государственной жизни. Поскольку нормы права регулируют всю общественную и частную жизнь людей, их отношение к природной и даже космической среде, постольку отрицательное, негативное отношение к праву – правовой нигилизм – захватывает в свою орбиту всю общественную жизнь, все сферы общества. Правовой нигилизм есть негативное отношение не только к праву вообще, а к экономической, хозяйственной деятельности, политике, семейным отношениям, к природе, и даже космосу. А это уже скорее общефилософская проблематика, чем узко правовая.

Известно, что Маркс различал в праве две стороны, два аспекта: притязание субъекта права и социальную норму. Это различие Маркс последовательно проводит в «Критике Готской программы», утверждая, что, всякое право есть право неравенства. Природа права, замечает Маркс, заключается в применении одинакового и единого для всего масштаба. Но поскольку в действительности люди не равны, постольку право закрепляет фактическое неравенство.

«Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [5] — вот вывод, который в очередной раз Маркс подчеркивает в работе «Критика Готской программы».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что право и правовая наука в нашей стране, начиная с 1917 года, с момента установления советской власти, мягко говоря, недооценивались, а иногда и просто игнорировались. В 1922 году известный историк-марксист М.Н. Покровский сделал обзор достижений общественных наук за четыре послереволюционных года. [7] В этом сравнительно обширном обзоре «достижений» общественных наук для правовой науки места не нашлось, о ней фактически вообще ничего не упоминалось.

Необходимо заметить, что недооценка права, его роли в регулировании общественных отношений и процессов, права как общечеловеческого и национального культурного феномена вылилось фактически с самого начала советской, а лучше сказать, партийно-большевистской власти не только в отказе от наработанных веками правовых норм, но и в стремлении заменить их юридическими суррогатами. Принимаемые новые правовые акты отличались юридической безграмотностью, несовершенством формы, противоречивостью содержания, так как составлялись юридически некомпетентными людьми. Помимо всего прочего, многие из них были неграмотны в прямом смысле слова: тексты «напичканы» многочисленными ошибками, трудновывариваемыми оборотами, отличались классовый пристрастностью, зачастую противоречили элементарным нормам общечеловеческой морали.

В самом первом декрете о суде (декрет №1), принятом 24 ноября 1917 года, ВЦИК РСФСР обязал все суды руководствоваться в своих решениях и приговорах старыми законами лишь постольку, поскольку они не противоречили так называемому революционному правосознанию и революционной совести.

Естественно, в этих условиях революционное правосознание и революционная совесть работали, что называется, на полную катушку. Что такое революционное правосознание, само собой разумеется, никто не знал. Под этой категорией скрывался какой-то магический

таинственный смысл, известный только его носителям, тем, кто это так называемое революционное правосознание в себе воспитал, кто проникся революционными чувствами. И уж тем более «таинственным» являлось понятие «революционная совесть». Совесть — понятие, относящееся к сфере духа. Это весть, информация, которой владеют люди сообща, совместно и которая не может быть революционной или реформистской, пролетарской или буржуазной, таджикской или еврейской. Совесть — это нравственная, общечеловеческая категория и о ней можно судить лишь по степени интенсивности ее проявления.

Одной из примечательных особенностей советской правовой системы, вытекающей из общей философской концепции и правосознания социалистического общества, является своеобразная маскировка, потемкинские правовые деревни, видимость правового состояния общества, в то время как фактически в обществе правит не закон, а принудительная сила отдельных социальных групп, осуществляющие свои особые субъективные цели. Такой вид права Гегель называл неправом. Неправо, по его мнению, «это такое право, которое в качестве особенного, и, следовательно, многообразного получает в противоположность в себе сущей всеобщности и простоте форму видимости». [2] Гегель различал три вида подобной видимости:

1. непреднамеренная,
2. обман,
3. преступление.

Все эти виды видимого права были широко распространены в нашей стране, как, впрочем, существуют и по сей день.

Учение марксизма о вторичности права по отношению к экономике опирается, как известно, на общее марксистское философское положение, согласно которому материя первична, а сознание вторично. Поскольку право есть категория субъективная, оно устанавливается субъективной волей людей, право обречено на вторичность и производность от экономических материальных отношений. Поскольку это положение самым тесным образом связано с общим вопросом о соотношении материального и идеального в обществе, мы позволим себе в самой общей форме высказать несколько замечаний относительного самого этого деления на материальное и идеальное в обществе.

Вся трудность этой проблемы заключается в том, что считать за материальное и идеальное, как разделить общественную жизнь на две противоположные стороны. Никто до Маркса не отваживался рассматривать вопрос о материальном и идеальном в обществе под этим углом зрения, справедливо полагая, что разделить общественные явления на материальные и идеальные ни практически, ни теоретически невозможно.

Надо заметить, что отдельные стороны жизни общества, в том числе, и жизни в сфере права с помощью диалектического анализа Марксу и Энгельсу удалось объяснить вполне удовлетворительно и сделать на основе этого ряд ценных наблюдений и выводов. Особенно это касается марксистского анализа капиталистической экономики. И все же попытки Маркса найти материальную, экономическую отмычку для всех сложнейших проблем общественной жизни и в первую очередь права, стремление объяснить этот многогранный и тончайший феномен общества только с помощью экономических отношений оказались в целом несостоятельными.

В свете вышесказанного следует, на наш взгляд, отказаться от учения о вторичности права, его подчиненном, несамостоятельном статусе, якобы полностью зависящим от экономических отношений. Отношение между экономикой и правом в принципе ничем не отличается от отношения права с другими сферами общественной жизни. Назначение права – регулировать взаимоотношения людей, упорядочивать общественные отношения как в сфере общественного бытия, так и в сфере общественного сознания. Право выполняет свои регулирующие функции и там, и здесь, в общем-то, одинаково. Было бы неверным рассматривать отношение права и экономики как какое-то особое отношение, которое определяет сущность и форму права в целом, в том числе его взаимоотношение с другими сферами общества.

Не случайно Ленин вопреки известному и основополагающему марксистскому принципу о первичности экономики и вторичности политики в 1922 году высказал сенсационное по тем временам положение о том, что в эпоху диктатуры пролетариата (то есть в исключительных условиях, в чрезвычайных обстоятельствах) политика не может не иметь первенства над экономикой. Но политика, любая политика предполагает определенные средства, с помощью которых она может быть реализована. И одним из таких решающих средств является право, без которого невозможны никакие социальные преобразования, а тем более коренная ломка прежних общественных отношений и создание новых. Так что, перефразируя это ленинское положение, можно с полным основанием сказать: в эпохи решительных действий, всякого рода преобразований, перестроек и социальных катаклизмов право не может не иметь первенства над экономикой. Более того, отдельные юристы даже полагают, что право всегда предшествует экономической деятельности, во всяком случае в условиях современного общества. Известный русский дореволюционный юрист профессор Ю.С. Гамбаров пришел к выводу, что невозможно вообще представить появление того или иного экономического явления, например, частной собственности, без определяющей его юридической предпосылки. «Ни свобода личности, ни овладение, ни завоевание, ни труд не ведут к собственности иначе, как при

согласии на это - по крайней мере молчаливом – государственной власти. Вне государства или какого-нибудь иного принудительного правового общения не может быть никакой собственности, так как право невозможно без иска, иск – без исполнения и исполнения – без принуждающей к нему власти. «Собственность и закон, – говорил Бента, – родились вместе и умрут вместе. До закона не было собственности; устраните закон, и собственность перестанет существовать» – «Удержание земли, - писал Лабулэ, - есть только факт, утверждаемый силой, пока общество не берет на себя защиту этого факта, освящая его своей санкцией: с этих пор факт делается правом, и это право есть собственность». В этом смысле государство создает собственность, как оно создает и все другие юридические отношения». [1]

Марксистская философская концепция вторичности права, его ненадобности в будущем коммунистическом обществе, абсолютизация экономических отношений, как единственного определяющего фактора правосознания, права и правовых отношений вкупе с другими причинами способствовала маховому расцвету правового нигилизма, наплевательскому отношению к праву прежде всего со стороны властей, а вслед за ними и всей массы населения страны. Это теоретическое положение сыграло роковую роль в формировании нездорового правового сознания в обществе.

Во-первых, оно как бы оправдывало негативное отношение к праву, факты произвола и беззакония, подводя под них «научную» базу.

Во-вторых, это теоретическое положение сбивало с толку всю правовую науку, направляя ее изыскания, исследования и научные поиски по ложному пути, в неверном направлении, провоцируя на фальшивые положения и выводы. Все это наносило и науке, и особенно практике, непоправимый вред. Правовое сознание и правовая культура общества формировались одностронне и предвзято.

Между тем, правильное понимание соотношения права, морали и религии не менее существенно для формирования верного взгляда на право и его действительную значимость, нежели установление истинных механизмов взаимоотношения права и экономики.

На наш взгляд, массовое распространение правового нигилизма объясняется, помимо всего прочего, ложными теоретическими посылками о связи права с моралью, а уж тем более, с религией.

Мораль играет особую, можно сказать, решающую роль в возникновении и формировании правильного, «здорового» правового сознания. Если законы и право в целом не содержат в качестве главного своего ориен-

тира достижение какой-либо моральной цели: соблюдение справедливости, правды, добра, уменьшения и пресечения зла, то такое право и такие законы неизбежно будут вызывать негативное к ним отношение со стороны большинства граждан, то есть тех, кому они, эти законы, непосредственно адресованы.

В свою очередь, право и законы должны применяться в идеале в условиях живого, морально укорененного правосознания. Моральные принципы и нормы должны лежать в основании права, выступать его целью. Содержание многих правовых норм фактически является своеобразной конкретизацией моральных установлений и принципов, общих моральных требований в юридических предписаниях, запретах и санкциях.

Таким образом, право, во всяком случае многие его нормы, определяются не экономическими отношениями и экономической деятельностью, но моральными принципами и предписаниями. Замечательный русский юрист и государственный деятель прошлого столетия Сперанский, говоря о соотношении права и морали (права и правды, по его терминологии), отмечал: «Всякое право, а следовательно, и русское право, постольку есть право, поскольку основано на правде. Там, где кончается правда и где начинается неправда, кончается право и начинается самовластие» [4]

Не менее тесно, чем с экономикой и с нравственностью, право связано с религией, с религиозным сознанием. Связь права с религией не носит столь зримый и очевидный характер, который мы наблюдаем в отношениях права с экономическим и нравственным сознанием. Эта связь, скорее духовная, она не относится непосредственно к предмету механизма регулирования человеческих отношений.

Правосознание тысячами невидимых духовных нитей связано с религиозными началами человека, оно питается этой духовной пищей и когда по каким-либо причинам лишается ее, становится хилым, больным, уродливым и извращенным. «Нет человека без правосознания, – пишет по этому поводу замечательный русский

философ и юрист И.А. Ильин, – но есть множество людей с пренебреженным, запущенным, уродливым или даже одичавшим правосознанием. Этот духовный орган необходим человеку, он участвует так или иначе во всей его жизни, даже и тогда, когда человек совершает преступление и притесняет соседей, предаёт свою родину и т.д., ибо слабое, уродливое, продажное, рабское, преступное правосознание остается правосознанием, хотя его душевно-духовное строение оказывается неверным, а его содержание и мотивы – ложными или дурными». [3]

Наш семидесятилетний опыт богоборческой деятельности, активного, жесткого и жестокого вытравливания религиозного начала из сферы права, правосознания и правовых отношений подтвердил ту непреложную истину, что разрыв права с религиозными источниками духовной жизни приводит к массовому заражению общества бактериями правового нигилизма, жестокости и беззакония. Теряется вера, исчезает любовь, милосердие, совесть, чувство справедливости. Правовой нигилизм, так широко распространенный в нашем обществе, напрямую связан с нигилизмом религиозным, с борьбой против религии, с атеистической деятельностью государства, его органов, правящей коммунистической партии.

Марксистское учение о вторичности права, его полной зависимости от экономических отношений, с одной стороны, оказалось несостоятельным в научном плане со всеми вытекающими отсюда последствиями, а с другой, оказало губительное воздействие на характер отношения к праву, формирование искаженного правового сознания масс, что и создало благодатную почву для процветания массового правового нигилизма. Наконец, учение о вторичности права и его полной зависимости от материальных экономических отношений увело в сторону внимание исследователей, а также широкой общественности от изучения и учета действительных и важнейших связей права, правового сознания с другими формами общественного сознания и в первую очередь с моралью и религией, что опять-таки способствовало развитию и распространению правового нигилизма в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гамбаров Ю.С. Право собственности. – В кн.: Русская Высшая школа в Париже. Спб, 1905.с. 493.
2. Гегель Г. Философия права. М., 1990, с.138
3. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993, с.251.
4. Коркунов Н.М. Русское государственное право, т.1. Спб, 1901, с. 205.
5. Маркс К. Критика Готской программы. Соч., т.4.с. 38.
6. Покровский М.Н. Общественные науки в России за четыре года (1917-1921). – В кн.: Наука в Советской России. М., 1992, с. 34.

© Сири́н Серге́й Анато́льевич (tkocmina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНИМАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ КАРЛА ЯСПЕРСА

Скопа Виталий Александрович

Д.и.н., Алтайский государственный педагогический
университет, г. Барнаул
sverhtitan@rambler.ru

UNDERSTANDING OF MAN IN THE EXISTENTIAL PHILOSOPHY OF KARL JASPERS

V. Skopa

Summary: The article presents an understanding of man in the existential philosophy of Karl Jaspers. It was revealed that the main subject of K. Jaspers' study is a person and history. The concept of the situation turns out to be key in the analysis of human existence. The ability for independent comprehension and free choice is the most important condition for a person's historicity. Freedom and identity are the true value of a person. Genuine self-determination of a person becomes possible only as a result of existential communication, which is understood as an internal, freely chosen connection between people, with the help of which they open up to each other as self-valuable and unique personalities.

Keywords: existence, Karl Jaspers, history, being, rationalism, existential communication.

Аннотация: В статье представлено понимание человека в экзистенциальной философии Карла Ясперса. Выявлено, что основным предметом изучения К. Ясперса является человек и история. Понятие ситуации оказывается ключевым при анализе человеческой экзистенции. Способность к самостоятельному осмыслению и вольному выбору является важнейшим условием историчности человека. Свобода и самобытность составляют истинную ценность человека. Подлинное самоопределение личности становится возможным лишь вследствие экзистенциальной коммуникации, под которой понимается внутренняя, свободно избранная связь между людьми, с помощью которой они открываются друг другу как самоценные и неповторимые личности.

Ключевые слова: экзистенция, Карл Ясперс, история, бытие, рационализм, экзистенциальная коммуникация.

Человек как субъект философского познания в разные исторические эпохи рассматривался по-разному: в античное время – микрокосм, в средневековье – творение Бога, в Новое время через призму рационального и иррационального. Все это способствовало накоплению знаний и возможности формирования новых теоретических подходов к проблеме человека в истории.

Основным предметом изучения Карла Ясперса является человек и история. Изначально измерения человеческого бытия неслучайно. Понятие ситуации оказывается ключевым у Ясперса при анализе человеческой экзистенции. Как известно, философские взгляды К. Ясперса формировались прежде всего под определяющим воздействием идей И. Канта, Ф. Ницше, С. Кьеркегора, М. Вебера [1, с. 68]. Отсюда не всегда результативна, но все же выразительна интенция к сбалансированному взгляду на отношения между экзистенциальным и рациональным, уникальным и универсальным атрибутами человеческого бытия. О необходимости личного самопонимания и принятия свободных решений по Ясперсу связано с отсутствием в истории любого скрытого плана, цели, смысла, которые ставили перед индивидом те или иные требования и подталкивали к ответственности перед человечеством или историей. Первая мировая война своей жестокостью показала, что история – это не общая задача,

а общая судьба многих людей, общность вместе пережитого. «Поэтому бессмысленно искать в истории свое предназначение, тем более рассматривать себя как ее вечного должника. Индивидуальная судьба, таким образом, должна быть постигнута не как необходимость темного, но в себе упорядоченного исторического процесса, а как ситуация, результаты которой определяют нашей людской свободой» [8, с. 294]. Таким образом, в своем стремлении уловить социально-исторические тенденции индивид удовлетворяет потребность не указателях, а в знании жизненных ситуаций, в рамках которых ему предстоит принимать собственные самостоятельные решения и совершать поступки, а не просто приспособливаться.

Способность к самостоятельному осмыслению и вольному выбору, по Ясперсу, является важнейшим условием историчности человека. Такая способность имеет, по сути, непереходный характер, хотя и проявляет себя в различных исторических ситуациях в разной степени и формах [2, с. 12]. Она коренится в таких неотъемлемых атрибутах человеческой экзистенции, как свобода и неповторимость. Именно они побуждают человека не останавливаться в своем движении к тому, чего еще нет, но может и должно быть, и постоянно быть собой, быть верной себе, выбирать самого себя, то есть постоянно трансцендировать к себе как «самобытной самости» [5, с. 123].

Свобода и самобытность, ведущих к незаменимости составляют истинную ценность человека. Ведь именно свободная и самобытная личность является началом «высокого взлета» того или иного исторического периода. История – это постоянное и упорное движение вперед, что осуществляется, прежде всего, благодаря усилиям свободных и самобытных лиц – индивидуальностей, которые показывают пример и призывают других следовать за ними. Поэтому прошлое так часто и предстает перед нашим взором как ряд вершин, созданных действиями отдельных людей. Следовательно, «для того, чтобы быть историческим, индивид должен быть единичным, неповторимым, уникальным» [8, с. 249]. Показательно при этом, что Ясперс совсем не отрицает, как-то иногда утверждают его критики – марксисты, значение объективных обстоятельств, а также деятельности масс. А только видит в этой деятельности в лучшем случае стабилизационный, в худшем и наиболее распространенном – консервативно-деструктивный фактор общественных изменений. Дело в том, что «человеку свойственно считать свой образ жизни единственно правильным, чувствовать каждое существование, непохожее с его собственным, как укор, как посягательство на свои права, ненавидеть его. А это приводит к желанию навязать собственные представления другим» [8, с. 176]. По факту мощные силы масс с их усредненными потребностями подавляют все то, что не соответствует их требованиям, все то, что, на их взгляд, не имеет смысла. Отсюда воинственный антииндивидуализм как характерная черта всей истории человечества. «Физическое уничтожение людей выдающихся, что задыхаются под давлением реальностей массы – явление, которое чаще всего встречается в истории», – утверждает Ясперс [8, с. 259]. Указанные особенности массового сознания – главная психологическая предпосылка для популизма. По мнению философа поскольку «массы сами по себе не обладают свойствами личности; они ничего не знают и ничего не хотят, они лишены смысла и служат орудием того, – в духе Нише утверждает Ясперс, – кто льстит их общим психологическим страстям» [8, с. 144]. Таким образом, не массы, а индивидуальность, свободно самоопределяется, выступает активным началом и стимулятором исторических изменений. Поэтому лучшие люди это те, что пытаются быть сами собой, в отличие от тех, кто убегает от себя в своем стремлении избавиться от страха и ответственности. И именно поэтому столь важным для нашего времени является вопрос, как в нынешней ситуации сохранить такое достижение, как индивидуальная неповторимость каждого человека, его высокое достоинство, свобода духа [3, с. 188].

Ясперс не стремится к противопоставлению индивида и общества. Однако в ситуации массового нивелирования и деперсонализации он акцентирует внимание на том, что действительно гуманистическое решение многих проблем человеческого существования возможно

лишь при условии, что они станут глубоко личными, а не формально общими, что связь индивида с обществом будет осуществляться не по принуждению, а свободно, что позволит личности возможность выбора и внутреннего принятия этого выбора как своего собственного. Поэтому, действительно «человечное» – нравственное и гуманное существования общества, возможно только при таких условиях [5, с. 126]. И тем более не может идти речи о какой изоляции лица от общества, если принять во внимание ту огромную личную ответственность, которую, по Ясперсу, должен нести каждый человек не только за свои собственные поступки, но и всего, что происходит в мире.

У К. Ясперса личная свобода и личная ответственность неотделимы друг от друга, а также от свободы всего общества, поскольку лишь при условии свободного самоопределения индивида, считает мыслитель, возможно требование ответственности за его действия. С другой стороны, «там, где невозможны ответственность за судьбу целого и свободное участие в его управлении, там – все рабы» [8, с. 207]. Поэтому «быть самим собой», по Ясперсу, вовсе не означает замкнуться в себе и отгородиться от общества. «Человек зависит от себя как единичного, – пишет он, – в новом смысле: она должна сам помочь себе ...» [8, с. 377], то есть сам себя сделать, а не надеяться на какие-то высшие силы. И этот процесс самосотворения не имеет ничего общего с самоизоляцией. Недаром центральным понятием всей философии К. Ясперса является понятие коммуникации как универсальное условие человеческого существования [4, с. 251]. При этом важно отметить, что под коммуникацией понимается не просто общение, а процесс, с помощью которого человек, раскрывая себя в других, самоопределяется и становится самим собой, то есть реализует свою «самость».

В соответствии с логикой К. Ясперса – только тогда, когда коммуникация приводит к раскрытию глубинного ядра личности – экзистенции, основными характеристиками которой как раз и есть свобода и уникальность. То есть, подлинное самоопределение личности становится возможным лишь вследствие особой – экзистенциальной коммуникации, под которой понимается внутренняя, свободно избранная связь между людьми, с помощью которой они открываются друг другу как самоценные и неповторимые личности [7, с. 81].

Предварительным условием вхождения в экзистенциальную коммуникацию является одиночество индивида, которое вызывает появление страха, что выводит индивида из состояния легкомысленности и растворения в массе. Раскрытие себя другим и стремление понять другого, безусловно, порождают риск трагической ошибки. Но индивид должен идти на это, если он желает действительного самоопределения [6, с. 107]. Важным усло-

вием экзистенциальной коммуникации являются личные переживания предельных ситуаций, которые раскрывают глаза на истинные ценности и смысл человеческого существования из-за встречи с трансцендентным.

Одной из главных причин введения понятия трансцендентного в систему Ясперса является стремление философа обосновать возможность индивидуальной свободы. Благодаря этому, личная свобода выводится из-под естественной и социальной необходимости и становится независимым источником человеческого самоопределения. Его свобода, хотя и является относительно безусловной к миру имманентного, тесно связана с миром трансцендентного как гарантом личной ответственности [9, с. 51]. В тех ситуациях, когда свобода все-таки превращается в нигилизм и анархию, что более всего характерно для массового сознания переходных эпох, усилиями тех же самобытных, действительно свободных и потому ответственных лиц достигнутые «вершины» трансформируются в усредненные, доступные массам формы, что ведет

к определенной стабилизации общества.

Таким образом, именно наличие в обществе неординарных, независимых личностей, является важнейшим условием его динамизма. «Движущие силы безграничной динамики Запада вырастают из «исключений», – заявляет Ясперс, – которые прорывают здесь всеобщее. Запад отводит определенное место исключениям. Он допускает в ряде случаев новую жизнь и деятельность – и потом иногда так же решительно уничтожает их. Природе человека удастся здесь иногда достичь вершин, которые отнюдь не получают всеобщего признания, к которым, возможно, вряд ли кто-нибудь хочет» [10, с.87]. И если присущие современной эпохе явные и скрытые тенденции к господству масс и тоталитаризма получают верх, если исчезнет почва для появления неординарных, самобытных лиц, способных к свободному самоопределению, – то наступит такой конец, – предостерегает Ясперс, – который мы даже не можем себе представить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова О.А. Ясперс и Хайдеггер: по следам утраченных разговоров // Вопросы философии. 2015. №11. С. 65–73.
2. Гайденок П.П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса (Вступ. статья) // К. Ясперс. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 5-26.
3. Сидоренко И.Н. Карл Ясперс. М., 2008. 361 с.
4. Соловьев Э. Прошлое толкует нас. М., 1991. 432 с.
5. Хміль В.В. Умови історичності людини та людяності історії за Ясперсом // Антропологічні виміри філософських досліджень. 2017. Вип. 12. С. 121–127.
6. Юнг К. О современных мифах. М., 1994. 252 с.
7. Ясперс К. Ницше и христианство. М., 1994. 114 с.
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. 527 с.
9. Ясперс К. Разум и экзистенция. М., 2013. 312 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РАМКАХ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Соболева Елена Анатольевна

*К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Астраханская государственная консерватория»
elenso10@mail.ru*

BUILDING A MODEL OF MUSICAL CULTURE IN THE FRAMEWORK OF A SYSTEMATIC APPROACH

E. Soboleva

Summary: The article deals with the specifics of musical culture as a structural education system approach, analysis of a systemic approach to the study of musical culture in domestic practice. Special attention is paid to the analysis of elements of musical culture, and a proprietary model of the musical system is proposed, called the «triad categorical block», based on the idea of full coverage of musical and extra-musical activities (for example, management). In addition to the main elements of the musical system, the concept of «superelement» is introduced, which plays an organizing and controlling role in the structural unity and sets guidelines and vectors for the development of musical culture.

Keywords: musical culture, system approach, elements of the musical system, triad categorical block, model of the musical system.

Аннотация: В статье рассматривается специфика музыкальной культуры как структурного образования в рамках системного подхода, анализ применения системного подхода к изучению музыкальной культуры в отечественной практике. Особое внимание акцентируется на анализе элементов музыкальной культуры, предлагается собственная модель музыкальной системы, названная «триадный категориальный блок», построенная на идее полного охвата музыкальной и внемузыкальной деятельности (например, менеджмента). Помимо основных элементов музыкальной системы вводится понятие «надэлемент», играющий организующую и управляющую роль в структурном единстве и задающий ориентиры и векторы развития музыкальной культуры.

Ключевые слова: музыкальная культура, системный подход, элементы музыкальной системы, триадный категориальный блок, модель музыкальной системы.

Так сложилось, что в когнитивном поле философии культуры исследование музыкальной культуры не занимает определённой ниши. Вероятно это связано с тем, что музыка, являясь невербальным и, с точки зрения семиотики, квазизнаковым видом искусства, остаётся за специальной областью исследования – музыкознанием, хотя в мире философских исследований в своё время ей отдавали должное Шеллинг, Ницше, Шопенгауэр и др.. В данной статье речь пойдет не об исследовании природы и сущности музыки, а рассмотрении феномена музыкальной культуры в рамках системного подхода, и будет предпринята попытка представить модель музыкальной культуры, отражающей ее историческую и социокультурную обусловленность.

В научном дискурсе не сложилось общего устоявшегося определения музыкальной культуры. Например, она рассматривается как слиянность духовных ценностей в музыкальном искусстве при их многоплановом проявлении, а также деятельность индивидов по созданию и потреблению этих ценностей [1]; как феномен, функционирующий на вариантных смысловых, общественных и ментальных ступенях, формирующих его многослойность, многосмысловость и многовекторность [2, с. 113]; как система взаимодействия истории и непосредственно музыкального текста [3, с. 48]. Учитывая невозможность выведения устойчивой дефиниции музыкальной культуры, попробуем дать ей следующее

определение – это особая форма системной деятельности, базирующейся на музыкальном искусстве, отражающей культурное состояние общества, где отлаженность всех элементов музыкальной системы указывает на определённое состояние культуры в целом.

Нужно отметить, что, музыкальная культура в практике зарубежных и отечественных исследований в последнее время часто рассматривается как безусловно системный феномен [2; 11], исходя из чего самым очевидным подходом в изучении музыкальной культуры определяют системный подход, направленный на распознавание взаимосвязи структурных составляющих системы, позволяющее фиксировать её как пошагово, так и симультанно. Однако, несмотря на достаточную популярность системного подхода, применимого к музыкальной культуре, можно указать на споры вокруг вопроса по поводу составляющих данную структурную композицию элементов. Вполне возможно, что рассматриваемый факт связан с тем, что пальма первенства в изучении музыкальной культуры остаётся, как было сказано выше, в руках музыкознания.

Рассмотрим некоторые примеры исследования музыкальной культуры в рамках системного подхода, которые, несмотря на плюрализм, сближает общность выводов о том, что музыкальная культура является сложным организмом, при этом каждый исследователь предлага-

ет своё видение приоритетов в данном вопросе. В пример можно привести указание на многоуровневость музыкальной культуры, актуализирующей исследование её этнической составляющей (М.М. Бухман) [4, с. 22]; обозначение музыкальной культуры в аксиологическом формате, который предполагает «процессы музыкального творчества, исполнения и восприятия» (М.Т. Усова) [5]; маркирование предзаданности музыкальной культуры к самостоятельному воспроизводству (Э.В. Скворцова) [6] и др.

Довольно интересными представляются исследования, где авторы не только обозначают музыкальную культуру как сложноподчинённую систему, но и представляют возможным рассмотрение необходимости применения системного подхода к её изучению, хотя нужно отметить, что таковых исследований не так много. Одно из них – теория многоуровневости музыкальной культуры, принадлежащая Дж.К. Михайлову, которая основополагается на названных ниже структурных элементах:

- общественные институты, включая детали сохранения самобытных музыкальных традиций;
- музыкальное братство как категория профессионалов, занимающихся музыкальным искусством, их место в социальной стратификации, уровень профессионализма и т.д.;
- теоретическая традиция;
- варианты фиксации музыкального текста;
- различный музыкальный инструментарий;
- типы оркестровых и вокальных ансамблей;
- набор стандартного репертуара, который соотносится с определёнными видами музыки [7, с. 45-46].

В данном перечне элементов представляется доминантным тот тип музыкальной деятельности, который обусловлен процессом её организации, хотя как бы игнорируются две весомые составляющие – факт создания музыки и дальнейшая её трансляция.

В другой концепции, принадлежащей М.М. Бухману, рассмотрение музыкальной культуры как системы ограничилось жанровым полем музыкального искусства, где автор указывает на бинарную систему существования музыки – взаимодействующего и прикладного взаимодействующего блоков [8].

Более всеохватная системная структура музыкальной культуры представлена у Э. В. Скворцовой, которая понимается ею как совокупность деятельности композиторов, дирижёров, режиссёров-постановщиков, хореографов, артистов балета, музыкантов-исполнителей и специалистов-менеджеров, что в совокупности вписывается в хорошо отлаженный воспроизводственный механизм, коррелирующий с понятием инфраструктуры

[6]. В наборе предлагаемых Скворцовой элементов отсутствует такой фактор, как музыкальное образование и воспитание, также не представлен инструмент, при помощи которого происходит обеспечение поддержки технической базы музыкального искусства.

В чём-то похожую структуру музыкальной системы предлагает О. Тузова, характеризуя её компоненты как «управленческий, концертно-организационный, музыкально-театральный, образовательный, музыковедческий, креативный, самостоятельный, производственно-технический, информационный компоненты» [9, с. 69]. В представленном перечне отсутствует компонент, указывающий на деятельность по созданию музыки, то есть композиторскую деятельность.

Приведём пример ещё одной музыкальной системы, которую, предложил А. Сохор. Данная конструкция состоит из более обобщённого набора элементов музыкальной системы:

- аксеологический компонент в музыкальном искусстве, формируемый или сохраняемый в социуме;
- совокупность видов музыкальной деятельности по созданию, хранению, воспроизведению, распространению, восприятию и использованию музыки;
- музыканты-профессионалы с их знаниями, специальными навыками и прочими качествами, обеспечивающими социальный интерес к музыкальному искусству;
- учреждения культуры и искусства, социальные институты, технический инвентарь, необходимый для музыкальной деятельности [10].

Однако в данном перечне не представляется возможным выделить главный элемент, если таковой существует. С другой стороны – не озвучен вопрос о равенстве всех элементов музыкальной системы.

Рассмотрим версию набора системных элементов музыкальной культуры, предлагаемую Р.Н. Шафеевым. Автор отталкивается от дефиниции понятия «структура», данное В.Г. Афанасьевым, предлагающим рассматривать её как внутреннюю совокупность целостной системы, являющей собой определённый способ взаимодействия составляющих его компонентов. Исходя из этого, Шафеев определяет следующие структурные элементы:

- музыкальное искусство как явление;
- теоретический компонент (включая музыкальную критику);
- музыкальное воспитание;
- музыкальная дидактика [11, с. 230].

В представленном перечне, несмотря на имеющийся

доминантный элемент «музыкальное искусство как явление», прочие элементы, как у предыдущих авторов, в целом связаны с деятельностью по организации музыкального пространства.

Вполне допустимо, что любая попытка создания подробных списков элементов музыкальной системы приведёт к тем или иным потерям. Исходя из этого, попробуем предложить, так называемый, категориальный перечень, включающий три совокупных элемента – «триадный категориальный блок» [21, с. 7], в который можно поместить всю систему: «Создание/Воссоздание», «Сохранение», «Трансляция».

Элемент «Создание/Воссоздание» включает такие блоки, как композиторский комплекс по написанию авторской музыки (профессиональной и самодеятельной), транскрипций, аранжировок, оркестровок и переложений, воссоздание пласта народной музыки, как в авторском творчестве, так и в музыковедческой деятельности, генерирование музыкальных идей и формирование нового музыкального языка. Данный элемент направлен на приращение и обогащение музыкального материала. Следующая часть триадного блока – «Сохранение» подразумевает наличие блоков, включающих весь функционал, связанный с овладением музыкальным искусством и организацией музыкальной деятельности (профессиональной и непрофессиональной), исследование музыкального текста, фиксирование музыкальной семиотики. Данный элемент направлен на институционализацию музыкального искусства, построения системы музыкального образования, создание как национальных, так и академических музыкальных школ. Третий элемент – «Трансляция» – включает блоки, основанные на организующей функции, связанной с транслированием музыкального искусства, формировании необходимой базы музыкального инвентаря, организации всех форм трансляции (от уличных концертов до концертных залов, интернет-трансляцию), руководстве совокупной музыкальной системой. Рассматриваемый элемент указывает на экономико-политическую составляющую системы, а также роль государства в формировании необходимых запросов в отношении культуры и «ответы» гражданского общества.

Очевидно, что предлагаемая музыкальная система не может существовать сама по себе, в отрыве от других систем общей культуры, что предполагает её постоянную внутреннюю коррекцию. В силу этого в данную модель требуется включить ещё один компонент («надэлемент»), не являющийся структурным элементом системы, но представляющий особую важность в её функционировании, который нельзя не учитывать при попытке построить модель музыкальной системы. Назовём его «концептуальным центром», так как он играет организующую и управляющую роль в системе, задаёт вектор её действия, обеспечивает общий контроль над системной деятельностью. Им может выступать как социальный институт, так и социокультурное явление, проявляющее себя в различных социальных институтах, либо культурная программа (идеология), определяющая построение общей модели существования музыкальной культуры. Такой надэлемент можно условно назвать «материнской платой» (МП) системы. МП выступает коррелятом между собственно музыкальной деятельностью общества и другими видами деятельности в социокультурном формате. Например, в середине XIX века МП русской музыкальной культуры можно считать ИРМО (императорское русское музыкальное общество), а в 60-х годах XX века – Союз композиторов РСФСР.

Исходя из вышесказанного, попытаемся сконструировать модель музыкальной системы в виде триадного категориального блока (Таблица 1), где была бы обозначена целостность музыкальной деятельности, от момента рождения музыки (композиторского творчества) до её объективации (исполнительского творчества), включая поэтапность и развёрнутость всех видов музыкального профессионального и непрофессионального функционирования, сопровождающего данный процесс.

Может возникнуть вопрос – способна ли совокупность представленных трёх элементов триадного категориального блока выступить констатирующей реальностью, включающей все нюансы музыкальной деятельности? Во всяком случае, обобщённость трёх элементов даёт возможность применить их к любому варианту музыкальной культуры (например, профессиональной, имеющей отношение к музыкальному ис-

МП – «Материнская плата»		
Создание/Воссоздание	Сохранение	Трансляция
<ul style="list-style-type: none"> • Композиторский комплекс (профессиональное и непрофессиональное творчество) • Композиторское содружество • Воссоздание фольклора • Переработка музыкальных идей • Новые музыкальные идеи • Новый музыкальный язык 	<ul style="list-style-type: none"> • Институционализация музыкального образования и воспитания • Музыкальная рефлексия • Музыкальная семиотика • Музыкальные технологии 	<ul style="list-style-type: none"> • Система трансляции музыки (от издания нот до исполнения) • Инструментальная база • Менеджмент, индустрия (вне-музыкальная деятельность)

Таблица 1. Модель триадного категориального блока

кусству как академической системе или непрофессиональной, где музыкальное искусство разворачивается вне академических установок). С другой стороны, что может выступить в качестве приоритетного и показательного фактора в составляющих блоках каждого элемента музыкальной системы, особенно когда исследуется не музыкальная культура народа или страны, а лишь её локальное образование (например, музыкальная культура города, региона, направления в массовой культуре и т.д.). Так, в блоках элемента «Создание/Воссоздание» может отсутствовать такой компонент как композиторское творчество. В таком случае, система ориентируется, сохраняет и транслирует уже готовый «продукт» в соответствующих ему интерпретационных вариантах. Также в наборе блоков элемента «Сохранение» может отсутствовать академическая образовательная среда, когда речь идёт о самостоятельном творчестве, не включённом в поле теоретического и исследовательского компонентов. Если исходить из истории музыкального искусства, то общий уровень музыкальной культуры зависит от тех блоков, которые связаны, прежде всего, с композиторским творчеством

и генерацией новых идей в элементах «Создание/Воссоздание» и «Сохранение». При этом самым устойчивым по набору составляющих блоков, на наш взгляд, является элемент «Трансляция», связанный не только с музыкальной, но и внемузыкальной деятельностью, разворачивающейся вокруг музыкального искусства и обеспечивающей музыкальному искусству социальный статус.

Итак, системный подход в исследовании музыкальной культуры позволяет выстроить модель, коррелирующую (через МП) с другими сегментами общей культуры. Обширность составляющих компонентов музыкальной деятельности можно объединить в «триадный категориальный блок», включающий весь объём музыкальной и внемузыкальной деятельности человека. Содержание МП говорит о зависимости системы от координаторского элемента, который, с одной стороны обеспечивает её жизнеспособность, с другой – задает программу жизнедеятельности. В целом, чем полнее набор составляющих блоков трёх элементов системы, тем выше уровень развития музыкальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шафеев Р.Н. Музыкальная культура как система. Дис. ... канд. философ. наук. Казань, 2007. 174 с.
2. Гороховик Е. Становление и развитие музыкально-культурологической парадигмы в профессиональном музыкальном образовании и науке // Вести Белорусской государственной академии музыки. 2007. №11. С. 112-116.
3. Найдорф М.И. К исследованию понятия «музыкальная культура». Опыт структурной типологии // Музичне мистецтво і культура. Науковий вісник Одеської державної консерваторії ім. А.В. Нежданової. – Вип. 1. Одеса: Астропринт, 2000. С. 46-51.
4. Усова М.Т. Социально-философский анализ влияния музыкальной культуры на ментальность студенческой молодежи России.: Дис. ... канд. филос. наук: Новосибирск, 2003. 154 с.
5. Скворцова Э.В. Эколого-культурная миссия русской эмиграции первой «волны» (на примере деятельности представителей русской музыкальной культуры): Дис. ... канд. культурол. наук. М., 2003, 173 с.
6. Михайлов Дж. К. Современные проблемы развития музыкальной культуры стран Азии и Африки: Дис. ...канд. искусствоведения. М., 1981. 170 с.
7. Бухман М.М. Этническое своеобразие музыкальной культуры: Дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2005, 155 с.
8. Тузова О.В. Развитие музыкального творчества в Астрахани // Вестник АГУ. Выпуск 4 (148), 2014. С. 69-77
9. Сохор А. Социология и музыкальная культура. [Электронный ресурс]. URL: https://perviydoc.ru/v16286/sohor_a.n._социология_и_музыкальная_культура_I (Последнее обращение 14.03.2020)
10. Шафеев Р.Н. Системный подход к изучению музыкальной культуры и ее структура музыкальной культуры //Вестник СамГУ. 2007. № 3 (53). С. 223-230.
11. Соболева Е.А. Системный подход в исследовании музыкальной культуры // PHILHARMONICA. International Music Journal. 2018. № 1. С. 4–9. DOI: 10.7256/2453-613X.2018.1.25759 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25759 (Последнее обращение 04.12.2020)

© Соболева Елена Анатольевна (elenso10@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКЗИСТЕНЦИЯ ЛЮБВИ В ТЕКСТАХ «РУССКОГО» РОКА (ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Фетисова Евгения Николаевна

К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет», г. Хабаровск
evseneva@mail.ru

EXISTENCE OF LOVE IN THE TEXTS OF «RUSSIAN» ROCK (EXISTENTIAL-AXIOLOGICAL ANALYSIS)

E. Fetisova

Summary: The article presents an existential-axiological analysis of love rock lyric in its «Russian» version. Rock music is not only drive and the strongest energy. It is also deep existentially formalized texts. It is natural for a person to constantly be in the process of choosing values and senses that form his uniqueness. Love as the greatest value for a person runs like a golden thread through the texts of «Russian» rock. An analysis of the texts of this direction highlights the ambivalence of love, a kind of love swing from the euphoria of withdrawing into the «Other», to existential fears, often placing a person in a borderline situation. Rock lyric speaks in simple «folk» language about complex things that are called existential values.

Keywords: existential-axiological analysis, existential becoming, I-Other, the problem of love and loneliness, existential value, rock music.

Аннотация: В статье представлен экзистенциально-аксиологический анализ любовной рок-лирики в ее «русском» варианте. Рок-музыка не только драйв, сильнейшая энергетика. Это еще и глубокие экзистенциально оформленные тексты. Человеку свойственно постоянно находиться в процессе выбора ценностей и смыслов, которые формируют его уникальность. Любовь как величайшая ценность для человека красной нитью проходит через тексты «русского» рока. Анализ текстов данного направления высвечивает амбивалентность любви, некие любовные качели от эйфории ухода в «Другого», до экзистенциальных страхов, зачастую ставя человека в пограничную ситуацию. Рок-лирика простым «народным» языком говорит о сложных вещах, которые носят название экзистенциальные ценности.

Ключевые слова: экзистенциально-аксиологический анализ, экзистенциальное становление, Я-Другой, проблема любви и одиночества, экзистенциальная ценность, рок-музыка.

Музыка всегда имела мощное влияние на человека. В буквальном смысле она может созидать, вливать в человека силу совершать действия, меняющие жизнь к лучшему, заставляя задуматься над вечными философскими вопросами, помочь пережить трудные жизненные моменты. Одновременно музыка способна разрушать, толкать на необдуманные поступки. Все это буквально обнажилось в таком не однозначном направлении, как рок-музыка, которая не теряет своих позиций более полувека.

Вот уже несколько поколений вплели в свой психологический базис те ценности, которые впитали с рок-культурой. В этом состоит аксиологическая функция рока. Любовь является одной из высших абсолютных ценностей для человека. Эрих Фромм называет Любовь важнейшим детерминативом жизненной стратегии носителя любви. Она зачастую координирует поступки и действия, индивидуальные запросы, представления, наклонности личности. Любовь индивидуальна и интимна. Кто любил, способен дать свое определение Любви, соответствующее лишь его прожитому опыту, его личному эксперименту. И если эксперимент разворачивается на фоне рок-баллад, то важно попытаться осмыслить этот фон.

Для любого человека наибольшее экзистенциальное влияние оказывает музыка на родном языке. Поэтому в

статье делается акцент на «русский» рок. А из всех видов любви затрагивается проблема межличностных отношений мужчины и женщины. В статье представлен экзистенциально-аксиологический анализ любовной рок-лирики в ее «русском» варианте.

Для заявленного анализа выберем несколько популярных российских рок-коллективов с длительной творческой историей (не менее 15 лет), оказавших большое влияние на рок-культуру в целом. Остановимся на таких легендарных рок-коллективах как Сплин, Аквариум (включая сольное творчество БГ), Ночные снайперы (включая сольное творчество Дианы Арбениной), Дельфин.

Рок-музыка не только драйв, сильнейшая энергетика. Это еще и глубокие экзистенциально оформленные тексты. Человеку свойственно постоянно находиться в процессе выбора ценностей и смыслов, которые формируют его уникальность. Любовь как величайшая ценность для человека красной нитью проходит через тексты «русского» рока. Анализ текстов данного направления высвечивает амбивалентность любви, некие любовные качели от эйфории ухода в «Другого», до экзистенциальных страхов, зачастую ставя человека в пограничную ситуацию. Рок-лирика простым «народным» языком говорит о сложных вещах, которые носят название экзистенциальные ценности.

«Все, что я пел – упражнения в любви
Того, у кого за спиной
Всегда был дом.
Но сегодня я один
За праздничным столом;
Я желаю счастья каждой двери,
Захлопнутой за мной.
Я никогда не хотел хотеть тебя
Так,
Но сейчас мне светло,
Как-будто я знал, куда иду.
И сегодня днем моя комната – клетка,
В которой нет тебя...» [6]
(Б.Г. «Все, что я хочу»)

Вне всякого сомнения, для индивидуального бытия самой значимой ценностью является жизнь во всем ее многообразии. Временная связка прошлое-настоящее-будущее включает в себя экзистенциальное становление субъекта через познание себя, своего тела, внешнего мира, других людей. Важную роль здесь играют приоритеты в расстановке индивидуальных ценностей. Помимо жизни к ним традиционно относят духовность, возможность учиться, познавать мир, творчество, любовь, семью, материальный достаток, честь, достоинство и прочее. Любовь выступает одной из главных ценностей индивидуального бытия. Она способна наполнить жизнь смыслом, а может этот смысл уничтожить, может дать крылья влюбленному, сделать его более свободным, например, в творчестве, придать собственной реальности остроты, красок, но может раскрасить мир вокруг в унылые тона. Тема Любви в рок-музыке не является главной. Но если рок-авторы касаются ее, то делают это честно, без прикрас, раскрывая самые базовые переживания влюбленного.

«Навзничь упавшие, насмерть пропавшие.
Нет стыда у любви, запретов не может быть!
Парим друг над другом мы, кружим самолетами -
Этим эфиром только и можно дышать,
В этих движениях только и стоит жить!» [7]
(Ночные снайперы, «Разбуди меня»)

Если человек постоянно духовно развивается, способен к глубокому анализу происходящих с ним процессов, к выходу за пределы обыденного существования, тогда для него возможно переживание Любви как способ понять Другого, оставаясь самим собой. В этом случае человек сохраняет свою свободу и свободу Другого, одновременно испытывая единение с ним и окружающим миром. В его экзистенцию вплетаются забота, терпимое отношение к Другому, гармония, самосовершенствование, удовлетворение, ощущение нужности.

Любовь всегда индивидуальна, персональна. Каждый индивид по-разному раскрывается в любви. Классики экзистенциализма, такие как Кьеркегор, Ясперс, Сартр,

Хайдеггер, Камю, Ортега-И-Гассет, Марсель, впервые стали рассматривать человеческое существование в его экстремальных состояниях. Можем ли мы факт случившейся Любви отнести к таким состояниям? Да, можем. Любовь вбирает в себя и страхи, и страсть, и надежду, и отчаяние. Любовь способна спровоцировать то пресловутое пограничное состояние, которое ставит человека перед выбором: либо упасть на дно и остаться, либо увидеть оттуда позитивные перспективы и выбраться к ним.

«Это больше, чем мое сердце,
Это страшнее прыжка с крыши,
Это громче вопля бешеного,
Но гораздо тише писка забитой мыши
Это то, что каждый всю жизнь ищет,
Находит, теряет, находит вновь.
Это то, что в белой фате со злобным оскалом
По свету рыщет.
Я говорю тебе про любовь.» [8]
(Дельфин, «Любовь»)

Любовь тесно связана с еще одним экзистенциальным понятием – одиночеством. Проблема одиночества стара как мир. Именно через преодоление проблемы одиночества человек стремится к единению с Другим. Отделенность и Единение – две крайние точки, между которыми длительный индивидуальный путь, окрашенный личными ошибками, достижениями, страхами, эмоциями. Ясперс, к примеру, считал Любовь универсальным средством решения экзистенциальных проблем. При этом человек должен стремиться к Любви полной, одухотворяющей, не скатывающейся только к сексуальной составляющей. Ортега-И-Гассет сравнивал Любовь с новой жизнью, когда человек свои корни как бы пересаживает на почву любимого. У двоих появляется общая почва для новой жизни, но на этой почве два мира, а не один. Даже в единении с Другим, человек остается одиноким.

Страдания в любви разделенной тоже разделенные. Если страдает мой Любимый, плохо и мне, я принимаю его горе как свое, хочу помочь. Иногда, в случае разделенного страстного чувства, страдание вызвано желанием слиться с любимым, стать с ним одним целым. Странное тяготение от того, что два человека вместе, но одновременно разделены. Любимый все-таки Другой, он не может принадлежать тебе целиком. Он другая экзистенция, другой мир.

Рок-музыканты люди интуитивные, с богатым внутренним миром. Они, как правило, исполняют свои произведения. Даже если им пишут «со стороны», выбирают те стихи, которые близки их ощущениям, эмоциям, опыту. Можно сказать, что они поют о своей Душе. А поскольку базовые архетипы для людей одинаковы, то в случае талантливого преподнесения переживаний своей души, налицо резонанс с душами других людей.

В экзистенциальной философии под Бытием понимается способ индивидуального существования человека. Хайдеггер утверждал, что Бытие открыто исключительно человеку. Без человека смысл Бытия ускользает, только мыслящий человек способен вопрошать о своем бытии (экзистенции) и о Бытии в целом. Наиболее полно экзистенция открывается в пограничных ситуациях (акты экзистирования) и в процессе рефлексии. К негативным экзистенциальным переживаниям относят одиночество, отчаяние, ужас, страх смерти, нищеты, безумия, страх потери свободы. Этот список может быть продолжен, для каждого есть свой фундаментальный набор. Но негативные экзистенциальные переживания играют и положительную роль, они высвечивают истинное Я, когда человек, например, способен увидеть свое одиночество в мире, свою уникальность. Сущее превращается в Ничто, привычный мир распадается на осколки, наполняясь хаосом. В хаосе долго жить невозможно. В этот момент человек начинает обращаться к новым смыслам, новым ценностям или облагораживает привычные ценности. В такие моменты в свое Одиночество он может впустить Другого, сублимировать свою тоску одиночества в Любовь, творчество.

«И все смешалось в этих самых головах,
Ты не расскажешь это в красках и словах,
Ты не расскажешь это, в общем, никому,
Что иногда вот так всю жизнь глядишь во тьму.
И вдруг во тьме вот так, когда совсем не ждал,
Вдруг отыскалась та, кого я так искал,
Вдруг отозвался тот, кого ты так звала.
И нас уже не отражают зеркала.» [9]
(Сплин, «День за днем»)

С точки зрения экзистенциальной аксиологии человек творит себя, в большей мере, сам. Этот процесс постоянно сопровождается выбором ценностей и смыслов. Переважив их в себе, человек создает свой неповторимый мир, который находится в постоянном раз-

витии. Процесс развития индивидуальности – это всегда выбор в пользу определенных ценностей, стремление создать некий экзистенциальный фундамент, основание индивидуальной и общественной жизни. Любовь в этом процессе существует на всех уровнях становления индивидуальности.

Любовь, даже не разделенная, это не просто чувство, это величайшая ценность для человека. Любовь способна влиять на сознание, перестраивать жизнь, совершать безумные поступки, менять судьбы государств. Любовь амбивалентна, может и разрушать, и созидать.

Неразделенная любовь, спутниками которой являются одиночество и грусть, всегда была вдохновляющей темой для рок-баллад. Одной из причин популярности этих композиций является их терапевтический эффект. Рок-баллады помогают преодолеть тоску, обрести внутренние силы жить дальше, выйти из болезненных отношений, осознать свои истинные чувства по отношению к объекту любви.

Любовь является одной из самых интимных ценностей, ее сложно отделить от источника. Каждый человек вправе экзистенциально прожить Любовь. Но исторический опыт показывает нам, что ценность Любви особенно видна там, где есть свобода, гуманность, терпимость. Тексты русского рока во многом наполнены этим. Конечно, есть и обратная сторона рок-культуры, и о ней говорят больше и более жестко. Но в данной статье мы затронули тот факт, что рок-тексты зачастую чувственны и способны резонировать с переживаниями слушателя. У рок-музыки достаточно много поклонников, с ее помощью можно более глубоко пережить свои чувства, снять психологическую защиту, тем самым выплеснуть до конца боль, негатив. Рок-музыка способна дарить радость и созидание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева Л.В. Ценностные основания индивидуального бытия: опыт экзистенциальной аксиологии // Монография. М.: Прометей. МПГУ, 2003. 240 с.
2. Буланов В.В. Ценностный выбор и экзистенциализм // Глобальный научный потенциал. 2013. №5(26). С. 42-46.
3. Кнабе Г.С. Рок-музыка и рок-среда как формы контркультуры // Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история культуры. – М.-СПб.: Летний сад; М.: РОССПЭН, 2006. С. 20-50.
4. Нечаева Е.А. Рок-музыка: социальное явление или особый вид искусства? Символическое и архетипическое в рок-музыке // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2012. № 9. С. 164-181.
5. Морозов В.П. Музыка, как средство невербального психологического воздействия на человека (обзор экспериментальных исследований) // В сборнике: Труды Института Психологии РАН. Ответственные редакторы: Брушлинский А.В., Бодров В.А. Редакционная коллегия: Дружинин В.Н., Дорофеев Е.Д., Боковиков А.К., Крылова Н.В. Москва, 1997. С. 63-72.
6. <http://lyricshare.net/ru/okinina/vse-chto-ya-hochu-akvarium.html>
7. <http://text-zona.ru/index/0-824>
8. <https://altwall.net/texts.php?show=dolphin>
9. <https://reproduktor.net/gruppa-splin/den-za-dnem/>

© Фетисова Евгения Николаевна (evseneya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

САМОПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ БЫТИЕ

Храмова Ксения Вячеславовна

Д.ф.н., профессор, Башкирский государственный
медицинский университет
khratkv@mail.ru

Садыкова Зия Раисовна

К.ф.н., доцент, Башкирский государственный
медицинский университет
zilek-r@mail.ru

Мингазова Наиля Рифкатовна

К.ф.н., доцент, Башкирский государственный
медицинский университет
nailya.m76@mail.ru

Давлетшина Гульнара Рафисовна

К.ф.н., доцент, Башкирский государственный
медицинский университет goulnara
davletshina@yandex.ru

Девяткина Руниза Иршатовна

К.ф.н., доцент, Башкирский государственный
медицинский университет
runiza@mail.ru

THE SELF-PROBLEM OF THE MEANING OF LIFE AND SYMBOLIC BEING

**K. Khramova
Z. Sadykova
N. Mingazova
G. Davletshina
R. Devyatkina**

Summary: The article examines the limiting characteristics of knowledge and the social boundaries of human self-determination. The analysis of the very self-problem of the meaning of the meaning of life and forms of allegorical, symbolic life is given. The author starts from the idea of ambiguity in the very concept of metaphysics. Simplified mysticism ends up in the hands of amateurs. As a result, the very end of metaphysics means a concrete utopia, which, although it turns out to be attractive, nevertheless, people are constantly waiting for the «king-savior» of new creative forces of being. People, in the very sense of life, are loyal to the hope of a better world.

Keywords: human self-determination, the self-problem of the meaning of life, allegorical and symbolic being, metaphysics, the end of metaphysics, utopia, the expectation of a savior king, fidelity to hope.

Аннотация: В статье исследована предельная характеристика знания и общественные границы человеческого самоопределения. Дан анализ самой самопроблемы смысла жизни и форм аллегорического, символического бытия. Автор отталкивается от идеи двусмысленности в самом понятии метафизики. Упрощенная мистика оказывается в руках дилетантов. В результате сам конец метафизики означает конкретную утопию, которая, хотя и оказывается привлекательной, тем не менее, люди постоянно ожидают «царя-спасителя» новых творческих сил бытия. Люди в самом смысле жизни проявляют верность надежде на более лучший мир.

Ключевые слова: человеческое самоопределение, самопроблема смысла жизни, аллегорическое и символическое бытие, метафизика, конец метафизики, утопия, ожидание царя-спасителя, верность надежде.

Люди не хотят жить, руководствуясь окольными путями. Они стремятся обратить своё внимание на то, что находится рядом. Они любят полезное дело и их взгляд оказывается натренированным до предельной остроты. Человек не любит то, что не укладывается в повседневные рамки. Он «делает насечки» и приостанавливается там, где привычный глаз вполне ничего не видит, а скользит всё далее и далее [2, с.300].

Когда человек отталкивается от особенного, то целое оказывается не только в стороне, но и нечто меньшим, чем наличное. Когда смысл жизни разрушается, то само многообразие мира оказывается лишенным надежного места. Идея многообразия мира также не плодотворно, как некое схематическое однообразие. Чем единичнее это многообразие становится, тем сильнее прекращает-

ся гладкое бытие.

Мы должны спросить себя, а почему мыслить предельные темы так нелегко? Научное усердие, конечно же, отличается от художественного. В научном мышлении возникает некая «стена», которая становится то сильнее, то слабее. «Используемые предметы сами указывают на более толстый или более тонкий слой тяжелого, который надо «пробурить» [2, с.302]. Сам фарватер исследования становится дифференцированным, очень сложным. На саму проблематику смысла жизни оказывает влияние само бытие, социальные и экономические факторы. Это влияние более существенно, чем случайное дарование человека.

Самопроблема смысла означает самодвижение смыс-

ловой культуры человека и общества. Сам «внутренний» глаз человека, а, в сущности, духовный глаз, никогда не укладывается в привычные рамки и границы бытия. Универсальный глаз скользит все дальше и дальше, к универсальной чувственности человека. Эта чувственность оппозиционна универсальному мыслителю, который владеет самопониманием смысловой доминантой жизни и символическим бытием, которое оказывается чуждым духа схематизма. Смысл жизни, как фундамент гуманитарной культуры, сторонится всего уродливого в жизни, всего того, что имеет «одинаковый вкус». В жизни человека есть нечто «мешающее», но то, что мешает развиваться человеку, иногда выступает как нечто плодотворное. Рутинная жизнь часто мешает человеку. Человек стремится к прекрасному, но, зачастую, находит то, что проглатывает его. Это напоминает вальс, сочиненный по схеме.

Самопроблема смысла жизни, которая постоянно обращается в сфере самосознания, совести человека, никогда не препятствует старине, законченному слову, а связывает то позитивное, что не может отклониться от духовного бытия.

Видимо, существует социальный предел знания. Люди стремятся к новым ходам своей мысли. Но неразвитые ступени общественного развития выступают как тяжёлые для познания определённых объектов. Строго говоря, живым существам свойственна «малоподвижная косность». Люди испытывают зависть к тем, кто устремлён ко всему новому. Смысл жизни, самоопределение человека оппозиционно к зависти тех, кто продуктивен. Человек стремится увидеть идеалы, которые, зачастую, находятся за горизонтом. Конечно, это некий мировоззренческий горизонт. Философия, которая выступает временем, «схваченным в мыслях», может прозревать последующие времена [2.с.303].

Но научные перспективы эпохи всё же остаются привязанными к пределам имеющегося способа производства. Они объективны и вызваны духом эпохи. Каждая эпоха очевидна, ставит себе лишь те задачи, которые она мечтает решить. Мысль вполне может проникнуть в действительность лишь тогда, когда сама действительность проникает в мысль человека. Сама действительность означает не только человеческое начало, но и более того. Действительность, видимо, не исчерпывается чисто социальным. Социальные пределы смысла жизни, тем не менее, заставляют предметы казаться более простыми, чем в XVIII веке.

Сама проблема смысла жизни предстаёт наиболее выпуклым образом именно в контексте осмысления «человечности» как духовного и социокультурного явления [3, с.7]. Человечность, как бытие смысла жизни, едино во всех людях. Она не существует вне человека, она имеет родовой общечеловеческий корень.

Самопроблема смысла жизни связана с рождением социального образа человечности. Сама человечность, как социальное явление, сопряжена с усилением «интенсивности духовных взаимодействий между предметами материального и духовного мира» [3, с.7]. Данные взаимодействия достигают социально-смыслового содержания по мере того, в какой они оказываются направленными на формирование нравственного мира человека. А человек, как известно, отталкивается от нравственного духа, который направлен на возрождение духовных основ жизни. Главное заключается в том, чтобы сама «человечность» оказалась состыкованной с развитием творческих, гуманных начал социальной, духовной жизни.

Гуманный дух связан с самоопределением смысловой компоненты бытия людей. Люди призваны в столь сложном мире держать свои мысли в шершавом состоянии. Но мысленное малое может оказаться важнее, чем ход мысли, замкнутый на себе самом.

Гуманизм никогда не порывает с чувствами человека. Он постоянно воспроизводит новое, единичное, которое соотнобразится с ходами мысли человека. Человек всегда стремится преодолеть шкалу «неверно названных вещей». Он не стремится убежать от вещей мира любой ценой. Человек стремится преодолеть раскол бытия любой ценой. Он хочет собрать в одно целое отдаленное от него бытие и то бытие, которое постоянно прерывается. Любой человек всегда стремится преодолеть изображение, которое не становится нечто звучащим, а, следовательно, обладающим прелестью «уникального», «единичного», человек, строго говоря, не в состоянии оказаться без причудливого Гештальта, который сочетает в себе особенное и единичное. Никогда нельзя без конца бродить около «Другого» и оказываться рядом с ним. Огромное социальное целое находится не только в стороне, но и рядом с творческим миром человека.

Но сегодня мы наблюдаем процесс ослабления нравственного духа. Однако данная тенденция преодолима, если общество сделает акцент на самом формировании нравственной культуры как активном противостоянии узко-прагматическому духу.

Сам дух «человечности» не поддаётся процессу деления, «дробления» на компоненты. Сама личность человека неделима, а есть некая духовная целостность. Только в этом своём понимании свобода человека означает выражение своих сущностных, нравственных сил, а, тем самым, реализацию в обществе духа гуманности.

Автор отталкивается от самопроблемы смысла жизни и форм аллегорического, символического бытия. При этом само понимание метафизики оказывается двусмысленным.

Аллегорическое, символическое становится только для нас, а также – для себя. Оно требует дальнейшего истолкования и адекватной интерпретации. Раньше метафизика была в качестве основной науки о подлинном бытии. Конец метафизики означает конкретную утопию; ведь, в этом случае исследователь сталкивается с предельными основаниями бытия и познания, а тем самым, он наталкивается на «привлекательность» порога, но то, как сама действительное постепенно превращается в миф.

Человек в этом плане оказывается «сверхприродным» и нечеловеческим существом.

Конец метафизики означает конкретную утопию. Разумеется, что ставшее фетишем, не должно более употребляться. Режим привлекает «неверных друзей» и требует слишком большой работы для своего пересмотра.

В этом случае «метафизическое» оказалось бы равным «сверхчувственному» бытию. Но в этом случае сама «тайна», обозначающая нечто «в себе» и для себя, еще не принадлежит разрешению. Конец метафизики является нечто еще не ставшим и не однажды схваченным на высоте старой метафизики. Новая метафизика означает синоним старой метафизики. Людей объединяет трансцендирование без трансценденции [2, с. 345].

Никогда вещь не может быть лишенной любви. Вещь не может быть лишенной фантазии и любви. Не то, что совершается в нечто романтическом, обращенном к утопии, вступает как нечто неставшее. Но любые фантазии складываются из конкретной утопии. И все же утопия мыслит себя без рассмотрения реального, социального процесса. Утопия постоянно обращается к старой метафизике, которая, хотя и является привлекательной, тем не менее, люди постоянно ожидают «царя-спасителя», где каждая вещь может быть помыслена точнее и лучше, чем она есть. Смысл жизни человека, если он становится неотъемлемой характеристикой бытия, выступает как нечто, изгоняющее ночь, как нечто приходящее. Это нечто проявляет себя и в отдаленном времени. Страдание человека копится в истории. Но в отдаленности поздних времен проявляется значение волшебного фактора. Речь идёт о чуде, которое прерывает привычный мировой ход времени. И тем не менее, в истории остается некое «священное» вещество, где «царь-спаситель» как бы сходит сверху, а вовсе не трансформируется из самих основ бытия. Заметим, что сам «божественный авторитет не может в свою очередь стать основанием удостоверения того, что в начале должно служить основанием удостоверения его собственной истинности» [6, с.186].

Итак, «невозможна разумная вера в какое-либо учение» [6, с.186]. Эта вера возможна только «через откровение» [6, с.186]. Однако «разумная вера» всё же произрастает из диалектического характера самого раз-

ума. Эта вера не есть слепая вера в научный авторитет, а «разум.... Доверия человеку как целостному субъекту познания» [7, с.10].

Само согласие разума с самим собой не всегда есть нечто непротиворечивое. Смысл жизни, вырастающий из такого согласия, зачастую, выступает продуктом усталости самого разума «сомневаться в нахождении последнего основания бытия и познания» [7, с.10].

Смысл жизни человека, самопроблема смысла, взятая в контексте рассмотрения разумной веры, выливается в упорядоченную связь знания, основанного на прошлом опыте, с будущим знанием, которое рождается в ходе духовно-теоретической и практически-духовной деятельности субъекта.

Самопроблема смысла жизни рассматривается в связи с проблемой Абсолютного [6, с.3]. При этом сама проблема Божественного Абсолюта связано с идеями «абсолютного» и духовной субстанции самосознания. Нам необходимо заметить, что в контексте иудейской религии возвышенного «само «абсолютное» сияет красками проникновения человека в бездну Божественного самоопределения [5, с.2].

При этом сама роль философии и веры в жизни общества достаточно велика. Достаточно вспомнить идею «перводвигателя» Аристотеля, который всё приводит в движение, хотя сам остается неподвижным. Прекрасная картина, оставаясь неподвижной, возбуждает духовный интерес. Руководствуясь данным интересом, люди совершают действия, направленные на совершенствование жизни. Но как возможен сам «неподвижный двигатель? Бог у Аристотеля движет миром как исключительно предмет желания и предмет мысли» [1, с.309]. Бог, видимо, движет как предмет любви [1, с.309]. Видимо, любить Бога – любить самих себя, т.е. реализовать свои сущностные силы.

Люди в самом смысле жизни постоянно проявляют свою верность надежде на более лучший и совершенный мир. Они, поэтому, должны отличать духовное обновление от самой жизни в новом.

Человек постоянно устремлен к грядущему, которое, зачастую, выглядит как нечто готовое и удавшееся. В заключении настоящей работы обосновывается та мысль, что когда мы высказываемся о любимом «Лице», которое служит интересам развития человеческого рода в целом, то, в сущности, лишь стремится к его увековечиванию [4, с. 2]. Сама мораль – это не только «запреты», сколько императивы активного поведения, без которых становится невозможной духовная и культурная жизнь общества, а, следовательно, сама проблема смысла жизни, самопроблема, т.е. самоопределение проблемы в аспекте экзистенциального и символического бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Сочинения в 4-х т.: т.2 – М.: Мысль, 1976.
2. Блох Э. Тюбингенское введение в философию / Пер. с нем. Т.Ю. Быстровой, С.Е. Вершинина, Д.И. Криушова – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 1997 – 400с.
3. Гафуров, М.А. Человечность как социокультурное явление. Авт-т дис. ... канд. Филос. Наук - Уфа, 2010. - 16 с.
4. Лукьянов А.В. Трансцендентальное в морали: Монография / А.В. Лукьянов – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009 – 284с.
5. Лукьянов А.В., Шергенг Н.А. Философия как поиск Абсолютного в еврейской средневековой философии. Монография / А.В. Лукьянов, Н.А. Шергенг – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020 – 182с.
6. Фихте И.Г. Опыт критики всякого откровения // Фихте И.Г. Сочинения. Работы 1792-1801 гг. Изд-е подготовлено. П.П. Гайденко. Научно-издательский центр «Ладомир». Москва, 1995. С. 99-227.
7. Хуснутдинова Ф.А. Разумная вера: философский аспект понятия. Авт-т дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2004. – 26с.

© Храмова Ксения Вячеславовна (khramkv@mail.ru), Садыкова Зилия Раисовна (zilek-r@mail.ru),
Мингазова Наиля Рифкатовна (nailya.m76@mail.ru), Давлетшина Гульнара Рафисовна (avletshina@yandex.ru),
Девяткина Руниза Иршатовна (runiza@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Akhmetova V.** – Peoples' Friendship University of Russia
- An Quanyi** – Associate Professor, Heihe University, Heihe, Heilongjiang Province, China
- Arbuzova M.** – Herzen State Pedagogical University of Russia
- Bobrovskaya E.** – graduate student, Novosibirsk State University of Economics and Management
- Davletshina G.** – PhD in Philosophy, Associate Professor, Bashkir State Medical University
- Devyatkina R.** – PhD in Philosophy, Associate Professor, Bashkir State Medical University
- Dryaev A.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University)
- Fetisova E.** – PhD in Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pacific State University», Khabarovsk
- Ginzburg D.** – Autonomous non-profit educational institution INOS - Institute of New Educational Systems
- Igovskaya A.** – Peoples' Friendship University of Russia
- Khramova K.** – doctor of Philosophy, Professor, Bashkir State Medical University
- Kuvaytsev S.** – Graduate student, Krasnodar State Institute of Culture and Art
- Lolaev T.** – Professor, North Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technological University)
- Lukinova I.** – PhD in Philosophy, Lecturer, North Caucasian Federal State University, Stavropol.
- Machukha A.** – Applicant, Southern Federal University
- Mingazova N.** – PhD in Philosophy, Associate Professor, Bashkir State Medical University

Our authors

- Nikolaeva T.** – Ph.D. in Philosophy, Pacific National University (Khabarovsk)
- Pozharov A.** – candidate of cultural, member of the Russian Musical Union, associate Professor Of the Institute of film and television (GITR)
- Raspopin E.** – candidate of psychology, associate Professor, Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Yekaterinburg)
- Ryabova M.** – candidate of psychology, Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Yekaterinburg)
- Sadykova Z.** – PhD in Philosophy, Associate Professor, Bashkir State Medical University
- Semikova K.** – Senior lecturer, Jewish University, Moscow
- Semiletova V.** – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Voronezh State Medical University after N.N. Burdenko
- Shadurko O.** – Applicant, Moscow State Pedagogical University
- Shalamov V.** – candidate of pedagogy, associate Professor, Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Yekaterinburg)
- Sirin S.** – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Irkutsk State Medical University
- Skopa V.** – Doctor of Historical Sciences, Altai State Pedagogical University, Barnaul
- Soboleva E.** – Cand. of philosophical Sciences(PhD), Associate Professor, Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Astrakhan state Conservatory"
- Sulimova O.** – Graduate student, Maikop State Technological University
- Vasilyeva O.** – candidate of biological Sciences, Professor, Southern Federal University
- Yadrishenskaya T.** – Ph.D., associate professor, Pacific State University, Khabarovsk

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).